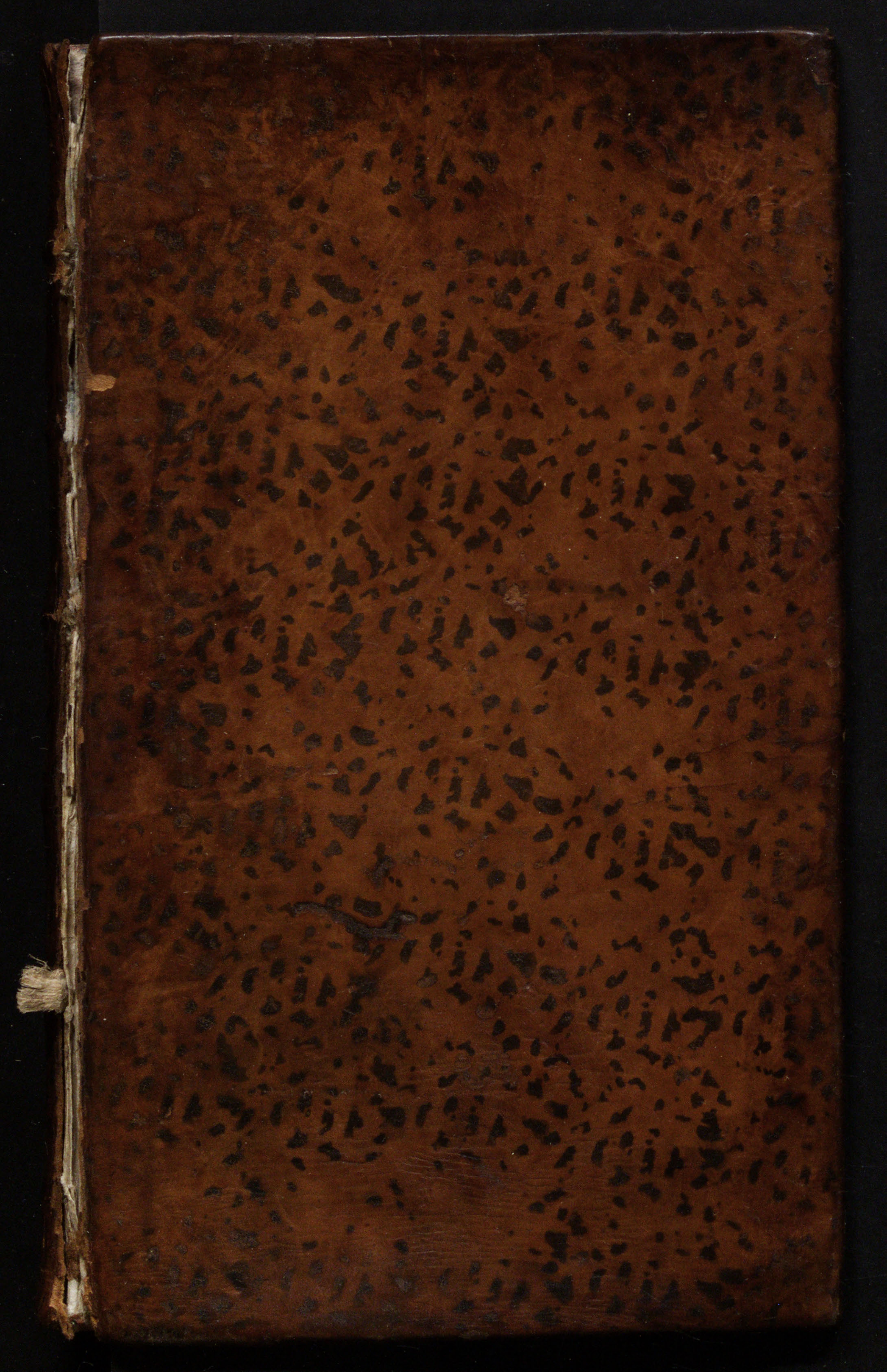
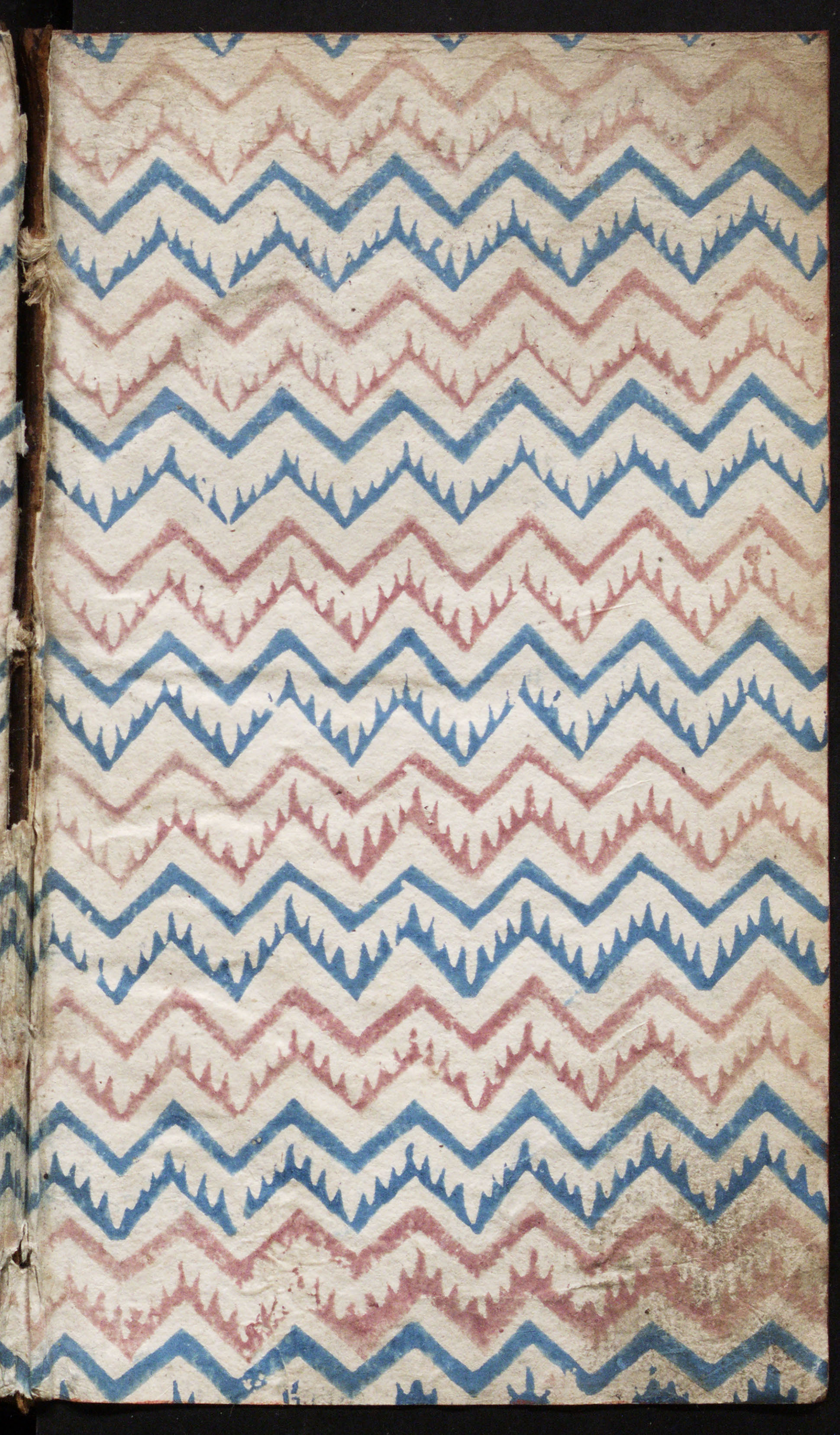
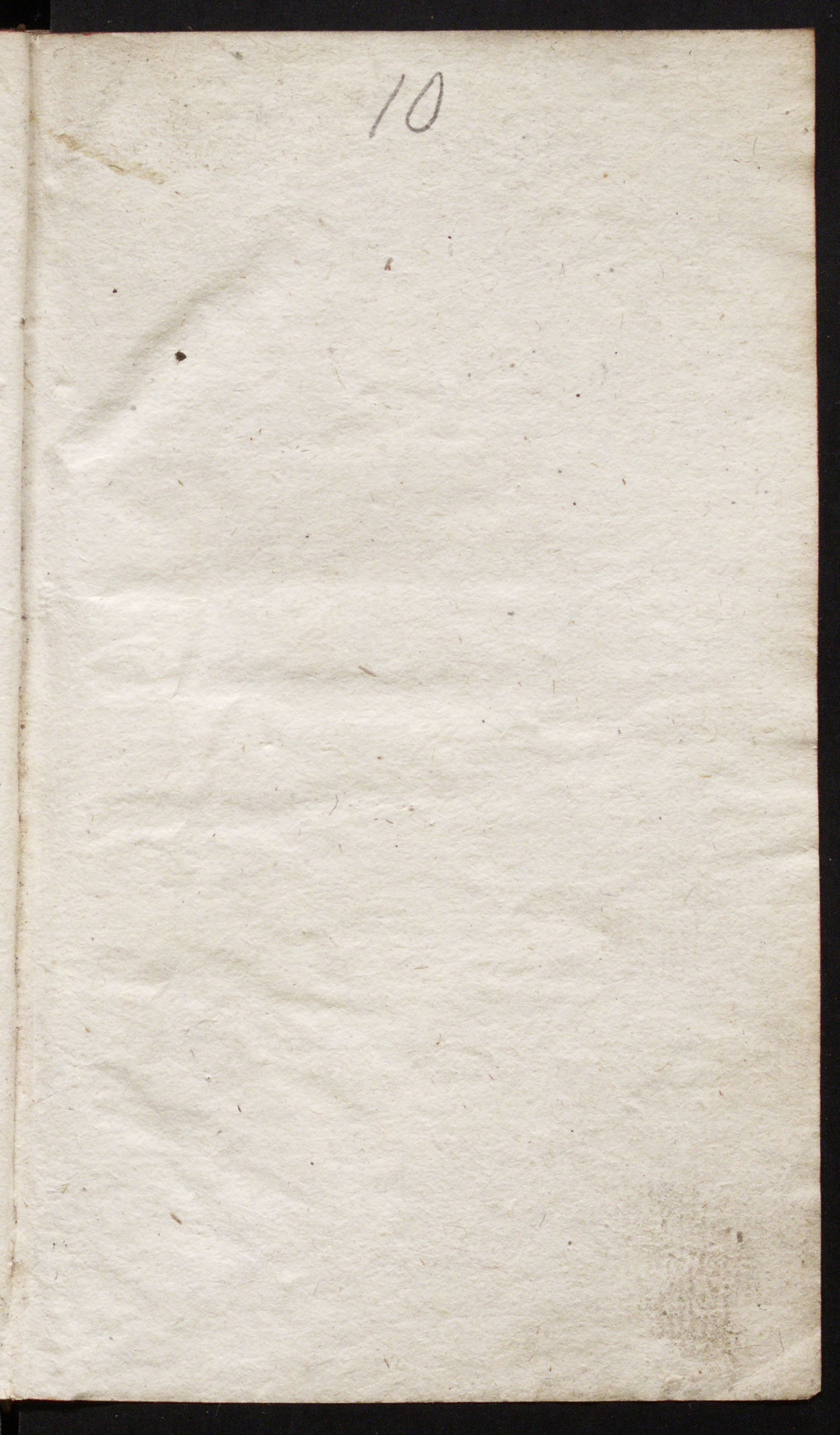
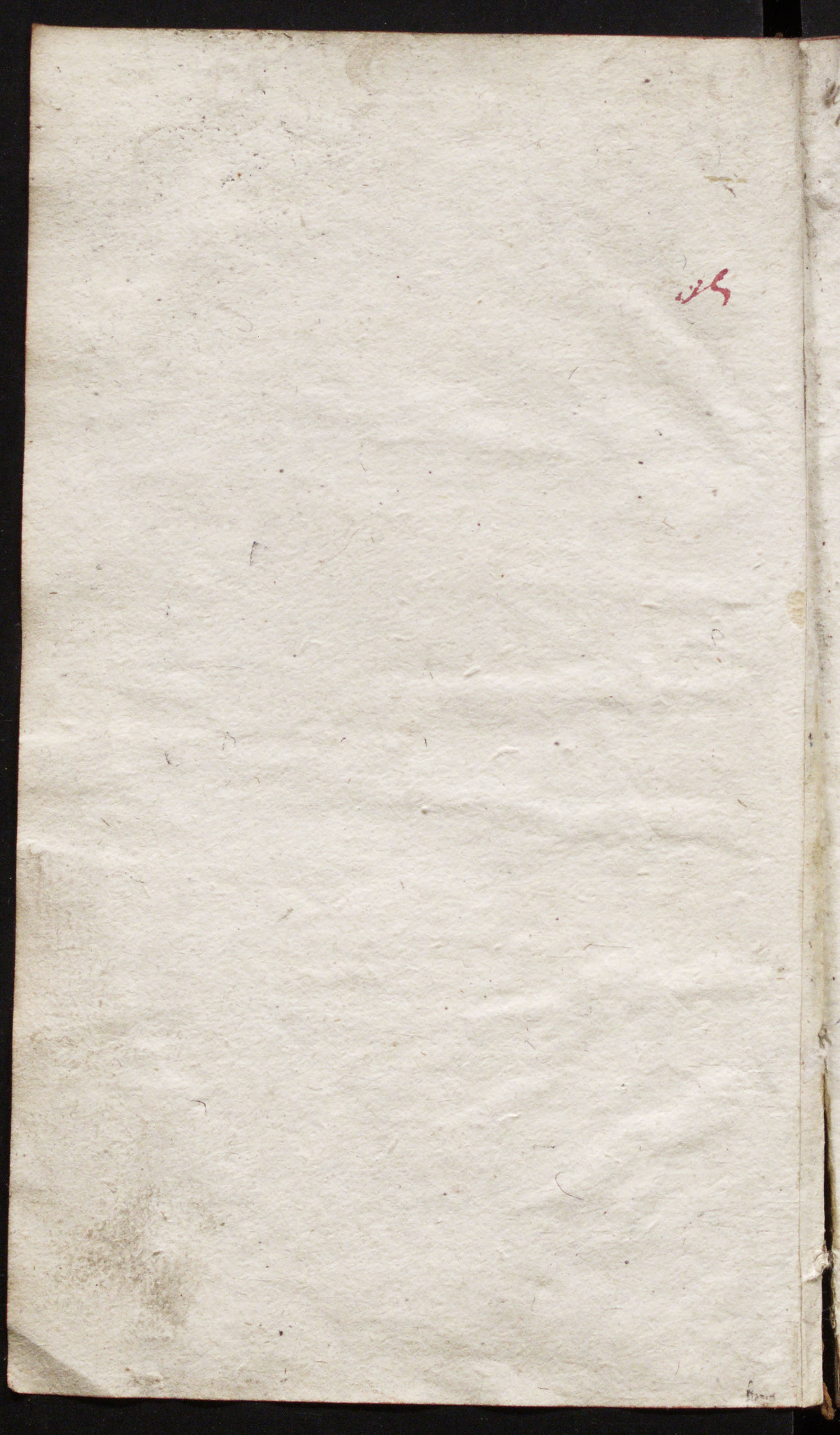

10

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

ТВОРЕНІЕ

ГОСПОДИНА ГИРШФЕЛЬДА.

Rura mihi & rigui placeant in vallibus amnes,
Flumina amem, ſiluaſque inglorius!

Virg.

Перевелъ съ Нѣмецкаго,
Студентъ
Григорей Рубановской.

МОСКВА,
въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова,
1792 года.

Печатано
съ Указнаго дозволенія.

Кто шествуетъ съ холмовъ въ пріятностяхъ безмѣрныхъ;
У ней веселости лучи блистаютъ на челѣ,
Ее встрѣчаетъ соловей, предъ ней дышатъ фіалки,
Предъ нею муравой покрылася земля.
Весна, ты шествуешъ! предметъ желанный Музы!

Встрѣчайте ее, сельской жизни любители; она возвращается въ наши поля со всѣми веселостями. Какъ вся природа восхищается при возвращеніи ея! Какой шумъ животныхъ въ семъ прочистившемся воздухѣ, исполненномъ торжественныхъ жаворонка пѣній, на сихъ нѣжно разцвѣтающихъ лугахъ, въ зеленѣющихся буковыхъ древесахъ, на травистыхъ холмахъ; гдѣ сто младыхъ прыгаютъ агнцовъ, среди того моря, гдѣ солнце на отсвѣчивающееся смотритъ лице

 свое,

твое, во всей предЪ нами распростертой странѣ, которой ровнина украшаясь новою зеленію вЪ различныхЪ оттѣниваніяхЪ, покрывается вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ зрѣлищемЪ сельскаго упражненія! Какой веселой и смѣшенной по всюду шумЪ! Журчатъ быстрые между цвѣтовЪ ручьи, ревутЪ сЪ радостію на тучной паствѣ волы, различные голоса летающихЪ подЪ теплымЪ небомЪ птицЪ, соглашаются сЪ одинаковою весну вызывающей кокушки пѣснію и сЪ шумомЪ лягушекЪ, вЪ сіежЪ время теплой зефирЪ прелѣстно віется по щекамЪ, и усладительное благовоніе дышетЪ изЪ обновившейся земли —— Вездѣ царствуетЪ весна; вездѣ раждаются веселости новаго года, и производятЪ эхо.

Какая премѣна простерлась по всѣмЪ частямЪ природы; по всѣмЪ мѣстамЪ разлилась благодѣтельная благость Существа годовые времена по ихЪ порядку премѣняющаго; землю послѣ трудовЪ отдохнувшую, плодородіемЪ иприятностями украшающаго, и все твореніе вЪ самыхЪ потаенныхЪ ея нѣдрахЪ оживотворяющаго! За нѣсколько мѣсяцовЪ вся плоскоть земли покрывалась хладною неплодовитостію и мертвымЪ безмолвіемЪ. Сіи долины, увеселяющія теперь зрѣніе наше, погружены лежали вЪ глубочайшемЪ

уны-

унынiи; сiи горы, зеленѣющимися главами до облаковъ возвышающiяся, гдѣ на плодоносныхъ отлогахъ съ веселостiю волноносныя ходятъ стада, отвердѣвши подъ глубокимъ стояли снѣгомъ; сiи зеленыя аллеи, дающiя теперь прiятное соловью убѣжище, были голыя вѣтви и отрасли подъ хладнымъ бременемъ зимы стѣнавшiя; сiи ручьи съ громкимъ скачущiе теперь журчанiемъ, останавливались железною цѣпiю въ своемъ теченiи; Борей воя надъ селами, и градами, съ ужасныхъ крылiй своихъ трясъ и ледъ и иней и хладъ и опустошенiе; казалось, что вся природа погружалась въ вѣчной смерти.

Но едва дохнулъ Всемогущiй, какъ по всѣмъ членамъ мертваго творенiя простерлась живность. Онъ повелѣлъ мановенiемъ солнцу приближиться къ земному шару, и воздухъ плодородною исполнился теплотою. Все царство растѣнiй почувствовало благодѣтельное влiянiе, и оживотворенные соки во всѣхъ частяхъ простирались съ новымъ приращенiемъ. Земля изъ матернихъ нѣдръ своихъ раждавшая растѣнiе, траву и цвѣты, произведши сихъ дѣтей, показывала ихъ какъ гордое свое убранство. Разсѣвались густыя облака, и небо улыбалось надъ возникающею зеленiю полей.

Правда, оно часто еще теряло первую свою ясность, и затмѣвало снѣгомъ и градомъ свое сіяніе. Возвращающаяся холодность препятствовала дѣйствію солнечныхъ лучей, и слабыя весеннія силы были въ опасности, которая въ самомъ зачатіи могла ихъ истребить. Холмы, паствою агнцовъ уже зеленѣющіеся еще облѣкались въ поднимающіеся туманы. Первое украшеніе распускающихся плодоносныхъ древесъ иногда снѣгомъ еще развѣвалося; полуобнаженная, и полуразцвѣтшая страна освѣщалась свѣтомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь облаковъ проницавшимъ, при смѣшеніи сѣдой бѣлизны и зелени. Сколь часто видали мы жаворонка, которой весну въ теплой воздухъ возвращавшуюся встрѣчалъ своимъ пѣніемъ, въ унылом безмолвіи внизъ опускающагося, печально сжимающаго маленькія свои крылія и предъ непостоянною непогодою въ зимнія жилища улѣтающаго.

Но животворная сила Отца природы еще разливалась во всѣ существа. Солнце сильнѣе истребляло хладные остатки зимы. И теперь царствуетъ побѣдоносная весна на всѣхъ холмахъ, во всѣхъ долинахъ, и во всѣхъ садахъ. Все исполнилось ея прелестей.

Воз-

Возбудитесь вы теперь града отъ веселостей вновь украшающагося года, и пріимите въ нихъ участіе въ селахъ. Вы всѣ, безпокойство унылой зимы сносившіе, отъ угрюмаго хлада и сырости, и отъ воющихъ бореевъ заключившіеся въ жилищахъ снѣжными буграми заваленныхъ, вы видѣли ваши окна отъ ночнаго мраза окаменѣвшія; позабудьте теперь скуку сихъ суровыхъ мѣсяцовъ, оставляйте градскія стѣны, и выходите на весеннія поля, гдѣ по всѣмъ мѣстамъ цвѣтупіъ веселости, и цѣлое небо съ новою осклабляется ясностію. Теперь среди сихъ чистѣйшимъ увеселеніямъ посвященныхъ дней, теперь надобно всякому, кто къ веселымъ чувствованіямъ склонное имѣетъ сердце, убѣгать изъ градскихъ темницъ, и искать удовольствія природы въ чистомъ сельскомъ воздухѣ. Все трогается отъ радости, все приглашаетъ градскихъ жителей къ пріятію участія въ веселости, которую природа во кругъ хижинъ сельскихъ разсѣяла, горы воздымая гордую главу свою зеленымъ убранствомъ увѣнчанную, весну прославляютъ; одѣтые листвіемъ лѣса со всѣхъ сторонъ прельщая ссбою, весну возвѣщаютъ; стада пространной лугъ покрывающія, которыхъ ревъ въ самыхъ градскихъ сыростію зараженныхъ стѣнахъ отзывается,

ся, весну же проповѣдуютъ. — Такъ — всѣ слышатъ взываніе природы, и чувствительная часть людей ей послѣдуетъ. Я вижу, какъ любители сельской жизни попеременно изъ града убѣгаютъ, и переселяются въ нѣдра лѣтняго жилища; домы и улицы градскія помаленьку опустошаются — Публичныя гульбища, новыми листвіями зеленѣющіяся, утромъ и вечеромъ опять посѣщаемыя, и тѣмъ, которые сіи веселые мѣсяцы въ градахъ препровождать должны, даютъ участіе въ веселостяхъ весеннихъ. — Я уже слышу, какъ тамъ подъ тѣнію аллей веселыя собранія съ шумомъ проходятъ одно за другимъ, гдѣ удовольствіе соединяя старость со младостію, трогаетъ сердце и возбуждаетъ къ забавнѣйшимъ разговорамъ. Я вижу стихотворца, какъ онъ держа въ рукѣ Горація, сидитъ на пригоркѣ въ безмолвномъ восхищеніи; я вижу изображающихъ весну красавицъ въ объятіяхъ ихъ почитателей среди фіалокъ и травы рѣзвящихся, орошенными цвѣтами грудь свою украшающихъ, и обновившемуся виду природы удивляющихся. Такъ — наслаждайтесь всѣми пріятностями новаго лѣта вы благородные и къ тонкимъ чувствованіямъ образованныя души. Вкушайте со всѣми совершенствами сіе сладкое удовольствіе,

Отцемъ

Отцемъ весны для васъ по всюду изливаемое! Вы любезные, участвующіе въ сельскихъ моихъ забавахъ, вы образуя сердце ваше въ красотахъ природы, позвольте мнѣ препровождая съ вами веселые года мѣсяцы, чувствительнѣе описать счастіе сельской жизни для тѣхъ, которые можетъ быть еще болѣе его познать желаютъ.

Май разцвѣтая во всей младой красотѣ, оканчивалъ одинъ изъ своихъ пріятнѣйшихъ дней, какъ наше общество прибыло въ сельской домъ.

Еще такой пріятной вечеръ
Изъ за морей невосходилъ;
Вѣтвистые лѣса молчали.

И тихость запада весной произведенна
Въ эфира легкую облекшися одежду,
Царя веселостей съ Олимпа низводила;
И благовоніе отъ травъ
Со всѣхъ долинъ, со всѣхъ холмовъ,
Лилось по тѣнистымъ аллеямъ:
На горизонтѣ изъ багроваго эфира,
Еще на золотой гордился колѣсницѣ,
Изъ всѣхъ весеннихъ дней пріятнѣйшій тотъ день. (*)

(*) Герстенбергъ.

Съ какою радостію поспѣшали мы на оное мѣсто, гдѣ столь многія веселости, на краткомъ пути уже нами предчувствуемыя насъ ожидали! Въ минуту сокрылся позади насъ городъ и всѣ его пышности, и прелѣстные виды попеременно занимали взоръ нашъ пріятнѣйшими представленіями. Въ первой юности своей разцвѣтающая красота, открывшись по истеченіи скучной зимы, живѣйшее въ чувствахъ нашихъ дѣлала впечатлѣніе. — Скоро достигли мы на одинъ пригорокъ, съ котораго дальновидное усмотрѣли пространство, гдѣ воздухъ отъ одного пріятнаго предмета перебѣгалъ къ другому и въ необозрѣваемой окружности ненасытимое чувствуя удовольствіе, ни гдѣ останавливаться не могъ. Сердца наши начинали въ сладкихъ чувствованіяхъ попеременно возхищаться, и мы съ чистосердечіемъ то, что столь благородно чувствовали, взаимно открывали. — Мѣста кругомъ всѣми природы выгодами обогащенныя, всемъ искусствомъ ея живописи украшалися. Зелень съ столь перемѣнною многоразличностію одѣвшая долины; младой посѣвъ на поляхъ возницающій; цвѣтами облекшіяся плодоносныя дерева; въ различныхъ мѣстахъ миролюбивыя села, шумъ трудящихся земледѣльцовъ, множество лѣтнихъ домовъ,

ко-

которые синимЪ горизонтомЪ и цѣпію отдаленныхЪ холмовЪ, какЪ сумракомЪ окружены лежали; вблизи травистыя горы, гдѣ безЪ опасности при пѣсняхЪ пастушескихЪ паслися агнцы, и вЪ ближайшей долинѣ ревѣли радостно волы на изобильной пасствѣ своей; тамЪ АрЪ близЪ холмовЪ искривленнымЪ своимЪ теченіемЪ по полямЪ крутится, то вЪ густомЪ крылся кустарникѣ, то на другой странѣ сЪ сребреновидными извивался волнами, гдѣ вЪ чистой поверхности показывались облака сЪ своими различными видами; здѣсь тихое журчаніе сокрытыхЪ ручейковЪ, куда привлекалЪ нѣжной соловей; пріятность воздуха, и изЪ младыхЪ травЪ произходящее благовоніе; западное небо при захожденіи солнца отЪ багряности пламенѣющее, и длинные снѣжные верхи АлпійскихЪ горЪ блестящимЪ златомЪ испещряющее; тысячи неподражаемыхЪ красотЪ, и не тщательной порядокЪ, вЪ которомЪ красоты сіи являются, погружали сердца наши какЪ вЪ незабвенное, такЪ и не описанное удовольствіе. Мы только смотрѣли, слушали и чувствовали; а живность чувствованій учиняла то, что мы на нѣсколько минутЪ позабывали свои разговоры. Но сколь легко тронутое сердце прерываетЪ свое краткое вЪ размышленіяхЪ безмолвіе!

КакЪ

Какъ оживотворительны, сказали мы, удержавъ тихоистекающія радостныя на глазахъ слезы, какъ оживотворительны твои благодѣянія Отецъ природы! Съ какимъ нѣжнымъ удовольствіемъ, которое смѣшано съ уныніемъ, сердце наше чувствуетъ присудствіе благости твоей на сихъ прелѣстныхъ поляхъ, гдѣ все для насъ обновляется, гдѣ все для насъ разцвѣтаетъ.

Послѣдній видъ проходящаго дня начиналъ уже на западѣ блѣднѣть; сумрачность покрыла дальнія мѣста; тихая только ясность помавала еще на ближнихъ поляхъ, и уже прохладнѣе дышали зефиры, какъ мы достигли до пріятныхъ лѣтнихъ покоевъ. Излишно сказывать, колико сладчайшихъ вечеръ сей исполненъ былъ веселостей! все казалося въ торжественномъ пріуготовленіи къ пріятію насъ. — Невинность и забавы въ маленькихъ Нимфахъ поспѣшали къ намъ изъ деревни на встрѣтеніе, съ простосердечною свободностію нѣмо изъясняя предъ нами свои веселости; намъ какъ приходящимъ на весну гостямъ, поднесли они первыя ея цвѣты. — Цѣлой хоръ соловьевъ какъ будто согласившись, поздравить насъ съ прибытіемъ, ударилъ своими голосами. Луна возносясь съ сіяніемъ своимъ, казалось, что чистую

ясность

ясность изливала на счастливое наше товарищество. Аръ глубоко проливался предъ нашнмъ сельскимъ домомъ съ шумящими волнами; казалось намъ, что предъ нашимъ жилищемъ, предъ жилищемъ радости съ пріятнѣйшимъ онъ, нежели въ другихъ мѣстахъ протекалъ шумомъ. Все оживотворяло наше воображеніе, и оно представляя себѣ одно начертаніе за другимъ, восхищалося тысящію веселыхъ предметовъ.

Въ продолженіи ужина дружествомъ и веселостію приправленнаго, при поднесенныхъ рюмкахъ мы уговорились, жить въ селѣ сообразуясь съ природою, и воздерживая духъ въ непрестанной бодрости, упражнять его прилѣжными о сельскихъ предметахъ разсужденіями, и раздѣлять между собою наши чувствованія. Съ удовольствіемъ мы заснули, съ удовольствіемъ и опять пробудились, возчувствовавъ веселость прекраснаго весенняго утра.

Возрите, какъ по холмамъ злачнымъ
Увѣнчанъ розами восходитъ день!
Кротчайшими Зефиръ его крылами прохлаждаетъ;
И цвѣтоносная его росой сіяетъ колѣсница;
Какъ Флора ходитъ по лугамъ!
Какъ жаворонокъ взлѣтевъ изъ тучнаго посѣва
Поетъ въ безоблачномъ воздухѣ. — (*)

Съ

(*) Уцъ.

Съ какимъ восхищеніемъ открылись теперь вкругъ насъ веселыя поля весеннія; съ какою осклабляющеюся пріятностію поздравила насъ вся пробуждающаяся страна. Здѣсь съ нами тоже происходило, что съ чужестранцомъ въ великолѣпныхъ царскихъ палатахъ водимымъ случается; тысячи предметовъ наполняютъ блескомъ своимъ зрѣніе, и занимаютъ всѣ его мысли собою. Онъ всѣ явленія пышности ему представляющейся проходитъ бѣглыми взорами; и все пересматриваетъ по величинѣ; по его надъ обыкновенною вещію удивленіи, не насыщается еще любопытство: но онъ начинаетъ особливыя рѣдкости, зрѣлище художествъ, одно по другимъ со внимательностію разсматривать, доколѣ, всѣ части и ихъ согласное между собою соединеніе узнавъ, отъ внутреннихъ и наружныхъ зданія красотъ не придетъ въ изумленіе. — Вся страна казалась намъ неизмѣримыми палатами, исполненными природы чудесъ, которые при первомъ возрѣніи приводя въ восхитительное удивленіе, такъ многоразличностію своею распространялись, что наша внимательность не могла останавливаться при каждомъ порознь явленіи. Мы поспѣшали отъ одного мѣста къ другому не возмогши точнѣе разсмотрѣть всего, что тамъ прелестнѣйшаго ни

по-

показалось. — Мы прохаживались иногда по комнатамъ лѣтняго дома, иногда въ садахъ, или на ближнихъ поляхъ, пускали взоры свои заблуждаться въ обширной дальновидности. Нечувствительно всегда становились мы къ тайнымъ природы увеселеніямъ склоннѣе, чувства наши казалось, изощрялись, и душевныя силы возобновлялись, для большаго возчувствованія драгоцѣнныхъ сельской жизни удовольствій. — Чѣмъ болѣе мы ими наслаждались, тѣмъ живѣе дѣлался вкусъ; ни отвращеніемъ неуменшаемой, ни раскаяніемъ незаражаемой.

Скрытное побужденіе, заставляетъ изобразить мѣсто, по удовольствію, которымъ насъ оно наградило, въ повѣствованіи нашихъ чувствованій примѣтнымъ учинившееся; и по Гарціеву Таренту, коль много изображено прелестныхъ странъ? И такъ здѣсь да будетъ маленькое нашего лѣтняго дома начертаніе не вѣчности, но однимъ чувствованіямъ посвящено. — Пріятное и уединенное положеніе и простаго во внутренности убранства приличность производя красоту его, не заставляютъ желать большаго въ немъ пространства и пышности. — Основано на срединѣ лѣсистой горы, стоитъ тамъ сіе сельское жилище, съ отверстыми въ тѣ страны

ны окнами, гдѣ солнце восходитъ, и откуда нощь разсѣваетъ прохладныя свои тѣни; его комнаты съ нѣкоторыми между собою отдѣленіями простираются противъ прекраснѣйшихъ проспектовъ. — По наружности стѣнъ виноградныя лозы взаимно соплетаясь съ персиковыми вѣтвями, сплетеніемъ листвій своихъ тщательно защищаютъ страну, жарчайшимъ солнечнымъ лучамъ подверженную. — Вблизи цвѣтущія липовыя древеса при колеблющихся своихъ тѣняхъ, разсыпаютъ благовоніе въ самые покои; при каждомъ Зефира дыханіи на стѣнахъ и картинахъ пріятная между свѣтомъ и тѣнію игра представляется. — При входѣ журчитъ между двумя зеленѣющимися бѣседками никогда не изсыхающій источникъ, которой низпадая въ мраморной сосудъ, поддерживаемой богами любви, пріятнопрохладную разкидываетъ росу; на кровляхъ веселое миролюбивое собраніе голубей, часто слѣтая на наше приманиваніе, среди пернатаго сбѣгающагося на дворѣ сонмища, продираются для клеванія зеренъ изъ самыхъ рукъ нашихъ. Какія вокругъ прелестныя мѣста! На одной странѣ взоръ пробѣгаетъ по одѣвшейся плодами, травою и лѣсомъ горѣ, которая между счастливыми сельскими хижинами далеко простираетъ обитаемыя свои хребты,

ты, откуда тысячи веселыхъ птичьихъ голосовъ раздаются до нашего жилища; въ другихъ странахъ безпрепятственно зрѣніе перелетаетъ; Аръ, луга, поля, села, хижины, сады; сельскіе домы, стада, еловые лѣса, долины, холмы, и въ безмѣрной между нѣкоторыми горами отдаленности сыскавъ слабой и сумрачной проспектъ, наконецъ синею окружностію Алпійскихъ горъ, которыя представляются съ небомъ соединившимися, пресѣкается. Безмѣрное зрѣлище удовольствій, для чувствъ и воображенія — ! При всѣхъ оныхъ пріятностяхъ въ нашемъ лѣтнѣмъ жилищѣ разцвѣтаетъ садъ, выгоду съ красотою въ себѣ соединяющій — Онъ съ своими длинными и прекрасными цвѣтовъ грядами, гдѣ между забавными ихъ кривизнами, по нѣкоторымъ мѣстамъ катящаяся вода въ сребреноясныхъ шумя водоворотахъ, вбирается въ глубину маленькаго рыбнаго пруда; съ своими тѣнистыми аллеями, гдѣ хоръ соловьевъ при шумящемъ поетъ журчаніи; съ своими пріятными мѣстами, и бесѣдками, съ овощемъ и плодоносными древами простирается въ простокажущемся порядкѣ; виноградныхъ вѣтвей подпоры ограждаютъ окружность его. Здѣсь обитаетъ спокойствіе, прохлада, и восхищеніе чувствъ; здѣсь пріятно, или на пробуж-

дающуюся смотрѣть утреннюю зарю, или при сребреновидномъ сіяніи луны въ вечернемъ прогуливаться воздухѣ, или уединенно сидѣть въ сладкихъ воображеніяхъ, когда, или лиственная бесѣдка тѣни свои и легкія надъ нами цвѣты разсыпаетъ, или резвящійся вѣтерокъ въ вершинахъ древесъ тихоунылый разпространяетъ шумъ. По нѣкоторымъ мѣстамъ встрѣчаются убѣленныя глазамъ статуи, какъ превосходствомъ искуства, такъ и блеску исполненнымъ видомъ, и кажущеюся величиною живость и веселость саду сообщающія. — Окружена розовымъ кустарникомъ, стоитъ тамъ прелѣстная Флора, обративши лице свое на разлившіеся ряды цвѣтовъ, кажется, что на взорахъ ея благосклонное удовольствіе улыбается надъ ними, и что развертывающаяся изъ листовъ своихъ фіалка приближившуюся поздравляетъ богиню. — Тамъ лежатъ нѣкоторыя нимфы, и изъ ключевыхъ кладезей въ ихъ сосуды собирающуюся воду въ прудъ безпрестанно изливаютъ; въ той плодоносными древами обросшей и съ ближнимъ лѣсомъ соединяющейся пустынѣ, Діана чрезъ кустарники лукъ свой напрягаетъ. — Но болѣе еще восхищаютъ взоръ оные не басносл овные виды: Томсонъ и Клейстъ, окружены Музами, стоятъ они на

на концѣ тѣнистой аллеи, въ рукахъ ихъ божественныя лиры, и главы младыми увѣнчанныя розами. — Радость блистаетъ на челахъ ихъ; кажется, что они воспѣвая прелѣсти природы, въ пріятномъ вдохновеніи отверзаютъ еще уста свои, предъ ними трудолюбивое лѣто одному подаетъ плоды свои, держась за руку маленькаго Купидона; весна, другому пукъ свѣжихъ Майскихъ вручаетъ цвѣтовъ. — Сіи статуи воздвигъ Евфраноръ, соорудитель сельскаго сего дома; „ Пусть сказалъ онъ, „ тамъ стоятъ они, научивши насъ чувствовать красоту года, пусть и изображеніе ихъ, сіе величайшее саду украшеніе, ежедневно напоминаетъ намъ о „ ихъ тѣни. — Никто предъ ними не „ проходи, не чувствуя священнаго благоговѣнія; никто не позабывай, чѣмъ одолженъ онъ Стихотворцамъ, веселости „ природы для нашихъ сердецъ воспѣвавшимъ. — Пусть держа пѣсни ихъ, сидитъ часто предъ ними маленькой сынъ „ мой, и читаетъ ихъ съ жаркимъ чувствованіемъ со всѣмъ глубокомысліемъ младой души; и естьли тогда востревожитъ его, или близкое птицы пѣніе, „ или громкое ручейковъ журчаніе; естьли „ еще болѣе оживятся его чувствованія „ наружными впечатлѣніями, тогда пусть

„ радостными слезами, омоченные взоры
„ устремитъ на статуи ихъ; пусть то-
„ гда вздыхаетъ о томъ; чтобы нѣкогда,
„ какъ имъ, удалось ему изображать пре-
„ красную природу, или по крайнѣй мѣрѣ
„ понимать всю цѣну невинности и добро-
„ дѣтели; тогда, о! милостивое небо,
„ приведши меня къ нему, позволь воз-
„ зрѣть на изъясняющееся въ лицѣ его
„ благородное чувствованіе, и отеческимъ
„ за сіе наградить его веселымъ объяті-
„ емъ.

Внутренніе покои сельскаго сего до-мика, имѣютъ лучшія такъ же украшенія, каковыя только хорошій вкусъ сообщить имъ можетъ; они наполнены собраніемъ изваянныхъ на мѣди изображеній, и съ рисованныхъ съ природы картинъ, которыя какъ сердце, такъ и покои, веселыми учиняя, воображеніе оживляютъ новыми начертаніями, усугубляютъ красоту природы, изощряютъ ею вкусъ, развеселяютъ въ скучную непогоду, и въ уединеніи научаютъ. — Какія прелести, какая многоразличность; сколь восхитительно пребываніе среди картинъ де Баудера, Томана, Пуссена, Бриля, Вернета, Клода, Лорреня и другихъ столь многихъ художниковъ! мы утѣшаемся, говоритъ одинъ великой знатокъ, вами и при солнцѣ, и при-

при помрачающемся вечерѣ. — Все удовольствіе, съ которымъ мы сельскими веселостями наслаждались, представляется намъ въ безсмертныхъ вашихъ изображеніяхъ. —

Чье сердце сими прелестями природы не трогается, кто дѣлъ человѣческихъ ищетъ только въ палатахъ господствующаго Рима, кто среди равнины зеленѣющихся полей вздыхаетъ только о шумныхъ городахъ, тотъ не чувствуетъ цѣны живописи.

Теперь, находясь въ семъ лѣтнѣмъ домикѣ, опять владѣемъ мы собою; теперь начинаемъ снова жить, и почитаемъ себя равными Государямъ, оставивъ трудныя и скучныя дѣла столь много въ градахъ прославляемыя. — Коль многія пріятныя забавы востаютъ съ каждою зарею, препровождая къ намъ день! Ихъ наслажденіемъ наполнивъ сердца свои, и пріятно трогающіяся радостію чувства взаимно изъясняя другъ другу; какъ можемъ погасить желаніе, чтобъ видѣть всѣхъ, которые еще незнаютъ сего удовольствія, пріемлющими въ немъ участіе? Откуда происходитъ, часто мы себя спрашивали,

 что

что столь многіе, которые кажется, признали сладкое сельской жизни благополучіе, наслажденіе сего счастія покушаются у себя похитить? не разсуждая, что человѣкъ имѣетъ долгъ поучаться красотамъ природы, можно ли повѣрить, чтобъ столь пріятныя и столь чувствительныя сего времени прелѣсти, не привлекли по крайнѣй мѣрѣ нѣкотораго вниманія? Въ оное время, когда воздухъ благовоніемъ и тихостію дышетъ, зеленѣются поля, шумятъ водопады, луга блѣяніемъ, а лѣса пѣніемъ наполняются; въ оное время, когда вся природа дышетъ отъ радости; въ сыромъ и отъ куреній помрачившемся воздухѣ, среди стѣнъ градскихъ заключившися содержаться, или изъ сей выползая темницы, при видѣ прекрасныхъ полей пребыть безъ всякаго чувствованія; сіе, кажется означаетъ со всемъ не естественныя сердцемъ расположенія. Чудесное явленіе! Сіи самыя замерзнувшія растенія вторично оживились наконецъ отъ согрѣвающаго солнца, и отъ прохлажденія утренней росы, а человѣкъ при возбужденіи благодѣтельной природы пребываетъ еще безъ чувствованій! слабость духа, недостатокъ вкуса, безпокойство прихотей, привычка къ шумнымъ забавамъ, сіи одни умерщвля-

вляютЪ склонность кЪ пріятностямЪ природы, и уничтожаютЪ драгоцѣннѣйшее вЪ свѣтѣ удовольствіе.

КриспилЪ (характерЪ сей выдумалЪ, однако имѣетЪ свои оригиналы) родившись безпечнымЪ, чрезЪ бѣдное воспитаніе еще не радѣтельнѣйшимЪ учинившийся, вЪ жилище свое, гдѣ онЪ кЪ тунеядству рожденЪ своею матерію, столько влюбился, что при вратахЪ, гдѣ онЪ по утру сидѣлЪ, и вечерЪ видитЪ его еще тамЪ засѣдающимЪ. — ОнЪ тщательно стережетЪ спокойное сіе мѣсто, и не иначе его оставляетЪ какЪ по призыву кЪ обѣду. —

Tu nidum ſervas; ego laudo ruris amoeni
Rivos, & muſco circumlita ſaxa nemusque. (*)

Душа его не столько понятная, чтобы красоту природы по различности ея предметовЪ могла чувствовать, во весь день погружается вЪ несмыслящей безчувственности; тихой лѣсовЪ шумЪ нестоитЪ его вниманія; для него все одно, и крикЪ вороны, и пріятное соловья пѣніе, слышать. — Сей соловей при тихомЪ вечерѣ вЪ лежащемЪ близЪ спальни его саду, истоща-

(*) *Горацій.*

щаетъ все свое искуство, чтобы тронуть пѣснію внимательность слуха, и чувствованіе его сердца, но будучи глухъ ко всѣмъ чувствованіямъ, онъ не слышитъ его.-- Такъ прерви прелестной пѣвецъ очаровывающее свое пѣніе, и слабой низводя тонъ, замолкни наконецъ. — Не истощай долѣе божественнаго своего пѣнія для не достойныхъ сердецъ, или преврати его въ жалобу, что человѣкъ, когда вся природа въ веселостяхъ восхищается, человѣкъ одинъ при твоемъ голосѣ къ радости приглашающемъ, глухъ и безчувственъ пребываетъ. -- Его къ шуму пріобыкшій слухъ ни чемъ не веселится, кромѣ ежедневнаго на многолюдныхъ улицахъ крику; его взоры почти ничего невидывали кромѣ того, что только между стѣнъ происходитъ; все его упражненіе въ томъ состоитъ, чтобъ смотрѣть только въ праздности на мятежъ торжища, на безчисленное множество людей и коней; или забавлять мысли свои маленькою новизною, отъ сосѣдки ему приносимою. — Но къ чему картина сія? Криспилъ, которой едва взглянетъ на Авиціонныя записки, ни чего не читаетъ, ни кто его не знаетъ.

Насѣкомыя болѣе имѣютъ живности, нежели онъ. (*)

Арелъ

(*) *Гагедорнъ.*

Арель точно возчувствуетъ весну; онъ уже и работу свою оставилъ, чтобъ насладиться теперь плодами трудовъ своихъ. — У него есть богатство, здоровье и свободность, и онъ столько самовластенъ, что ни когда не зависитъ отъ другой фамиліи. — Но вотъ онъ любитъ еще невольничество и заботы свои; онъ всегда льститъ себя лучшими увеселеніями, унываетъ среди пріятнѣйшаго Майскаго дня; нѣтъ для него инаго удовольствія, какъ считать въ заимъ розданныя деньги, собирать съ нихъ проценты, или съ печальною торопливостію изъ дома въ домъ слѣдовать за вѣстями о цѣнѣ товаровъ. — Онъ ходитъ предъ своими вратами, но боясь удалиться отъ своихъ сокровищъ, не пускается въ поле. — Друзья его приглашаютъ къ веселымъ прогулкамъ, но мысли его ни зеленѣющимися лугами, ни исполненными будущей жатвою полями не плѣняются. — Онъ вмѣсто природы красотъ со всѣми ихъ зрѣлищами предъ глазами его обращающихся, разсматриваетъ разные сорты монетъ, и среди сего веселаго мѣстоположенія сердится на монетное расплавливаніе жидовъ при послѣдней войнѣ.

Штаргонъ сколько ни цвѣтетъ въ младомъ возрастѣ своемъ, но къ удоволь-

ствіямъ сельскимъ остается не чувствителенъ. — Его безпокойныя страсти, погашая разсудокъ, не позволяютъ познать роды веселостей нѣжнымъ сердцемъ и не испорченнымъ вкусомъ избираемыхъ. — Сельскія забавы для него весьма просты и не трогательны. — Сердце его не престанно обурѣвается волнующимися движеніями. — Ему надобны веселости которыми жаркія его страсти еще болѣе возжигаются. Пріобыкши къ сообществамъ, гдѣ шутливость въ грубое преображается невѣжество, гдѣ вино воспламѣняетъ до глупостей; пріобыкши къ танцованію шума и похотей исполненному, бѣжитъ онъ отъ тихихъ упражненій сердца, сельскими предметами довольствующагося, имѣя отвращеніе къ роду жизни, духъ въ спокойномъ равновѣсіи содержащей.

Анитъ, прибылъ въ великолѣпное сельское жилище природою и искусствомъ напрерывъ украшаемое. Сей гордой замокъ, откуда разширяющееся видно пространство страны, пріятнѣйшимъ садомъ окружается. Между высокими тѣнистыми аллеями, которыя, то длиннымъ простираются проспектомъ, то ускими изгибаются кривизнами, то въ лабиринтовыхъ теряются путяхъ, изобильные водою вез-

дѣ

дѣ возвышаются фонтаны, бѣлѣются мраморныя статуи, и пестрятся ряды цвѣтовъ. Осклабляющїеся Купидоны лїютъ въ омывальницу Венеры прохладную воду, текущую сребряными ручьями, для прохлажденїя богини отъ зноя; вблизи изъ челюстей Кита цѣлыя изрыгаются на высоту волны, откуда сей высокой каскадъ съ дикимъ низпадаетъ шумомъ. Оранжерея, и открытые цвѣтники, испускаютъ благовонїе по ближнимъ предмѣстїямъ, открывающимъ пространное разновидныхъ цвѣтовъ зрѣлище; для обозрѣнїя его, кажется, приманиваютъ, то нѣкоторыя мѣста, то тѣнистыя бесѣдки. Позади представляется длинное мѣсто, гдѣ Римъ сосчитать всѣхъ боговъ своихъ, богинь и ихъ дѣтей можетъ, гдѣ любовь изъ твердаго улыбается камня, и гнѣвъ говоритъ изъ мрамора, гдѣ возвышенная булава, не ударяя, и положенная на лукѣ стрѣла, не слѣтая съ него безпрестанно угрожаютъ. Среди покрывшихся листьями аллей раздаются веселыя пѣсни, и въ отдаленныхъ веселостей мѣстахъ вїются стада птицъ. Но какъ текутъ дни Анита, въ семъ сельскомъ обиталищѣ, гдѣ боги, естьлибъ снизшли на землю, съ радостью бы обитать пожелали. Ахъ! въ сихъ прелѣстныхъ мѣстахъ ни чего не достаетъ кромѣ

мѣ сердца, ихъ пріятности чувствовать могущаго; Анитъ его не имѣетъ. Сколь часто судьба, кажется, погрѣшаетъ въ расположеніи веселыхъ на землѣ мѣстъ, что ихъ, гдѣ духъ благодарной долженъ обитать, Философъ или Стихотворецъ, ихъ доставляетъ немощной и безчувственной душѣ! Едва удостоиваетъ Анитъ своего посѣщенія сей прелѣстной вертоградъ; и естьли онъ его протекаетъ; не для него тогда зеленѣются древеса, дышутъ благовоніемъ цвѣты; не для него шумятъ и фонтаны; держа убивственное въ рукахъ оружіе, онъ съ свирѣпостію подсматриваетъ только восхищающихъ пѣніемъ соловьевъ, и злится, что ни одного среди тюльпановъ не находитъ зайца. Онъ въ покояхъ своего замка, ободравъ Луки Фонъ Удена и Дитериха картины, утвердилъ на мѣстѣ ихъ рога оленьи, онъ уже учредилъ заводъ молодыхъ кабановъ, чтобъ для ловли населить ими садъ свой. Безполезные дни его протекаютъ въ безпрерывномъ шумѣ его товарищей и гончихъ собакъ, въ геройскихъ разговорахъ о шинкахъ, и о низложенныхъ лисицахъ въ крикѣ и ругательствѣ; и тотъ, которой могъ бы въ раю обитать, живетъ бѣднѣе, нежели звѣри въ степяхъ пустыхъ.

„Уда-

„Удались отЪ Оронта уединенное „жилище мое; тамЪ собирается виноград- „ное вЪ погребахЪ его вино; ему для „того только природа кажется прекрас- „ною, что вкусная для него пища или „на воздухѣ еще летаетЪ, или вЪ лѣ- „сахЪ бѣгаетЪ, или по водѣ плаваетЪ. „ОнЪ поспѣшаетЪ вЪ села, чтобЪ тамЪ „безпрепятственно неистовствовать; ка- „кая опасность вЪ ненавистныхЪ стѣ- „нахЪ, гдѣ глупой сосѣдЪ за всѣми под- „сматриваетЪ поступками! Пусть тебя „никогда уединенной день не заставитЪ „сидѣть одного; можетЪ быть тебѣ слу- „чится разсмотрѣть себя самаго Но нѣтЪ, „тебѣ умученные кони запыхавшись не- „сутЪ на себѣ не достойныя бремена; они „скачутЪ проклинаемы отЪ невиннаго „звѣря, шумЪ и бѣшенство и глубокое „остроуміе препровождаютЪ товарищество „кЪ столу, пьянствомЪ, отнявшимЪ у „нихЪ силу, оканчивается сіе неистовое „явленіе.

СпѣшитЪ КодратЪ начальникЪ Рима,
ВЪ свой садЪ, послѣдуя сосѣдамЪ;
За чемЪ? чтобЪ красоту почувствовать цвѣтовЪ,
НикакЪ! чтобЪ сЪ выгодой и безЪ препятствЪ играть.
Величество свое ГефестіонЪ оставилЪ,

ИдетЪ

Идетъ въ деревню, гдѣ себѣ воздвигъ онъ замокъ;
Зритъ на поля; поля его не веселятъ,
За тѣмъ, что пышности онъ тамъ не видитъ Царской.

Природа ниспосылаетъ столь много благъ своихъ, что смертные при излишествѣ ихъ, едва половиною изобилія ея наслаждаются. Въ отдаленныхъ степяхъ, куда взоръ еще не проникалъ человѣческой, производитъ она цвѣты, и разстилаетъ зеленѣющійся ихъ пурпуръ; въ уединенной пустынѣ шумятъ чистыя ручьи и для дикой природы производятъ свое журчаніе. Скупится ли натура въ своихъ благодѣяніяхъ? можемъ ли безъ преступленія роптать на нее въ такомъ свѣтѣ, каковъ сей есть? Но нашъ сладострастной вкусъ презираетъ сіи позволенныя ея прелести, и гонится за испорченными красотами изображеннаго искуства. Фульвія такъ влюбилась въ городъ свой, что прохладной воздухъ, (превратное дѣйствіе!) сей красавицѣ причиняетъ припадки. Зеленыя поля, тѣнистыя рощи, кристаловидные источники, жаворонокъ и соловей для нее ненавистны. Но куреніе, пыль, шумъ и многолюдство, приносятъ ей удовольствіе, въ чрезмѣрной тѣснотѣ, сидитъ она отъ восхищенія въ изступленіи. Гдѣ сребровидные ру-

ручейки по разцвѣтающимъ віются лугамъ, гдѣ дикія лиліи дышутъ благовоніемъ, гдѣ липовыя древеса разбрасываютъ свои тѣни; тамъ воздыхаетъ она по удаленномъ городѣ, простря свое обоняніе надъ грядами фіалокъ.

Сколь долгобъ еще долженствовали изображать Стихотворцы, таковыя и подобныя свойства, естьлибъ замѣчать ихъ хотѣли. Столь велико людей отвращеніе отъ красотъ природы!

Кромѣ нечувствительности къ красотамъ природы; кромѣ сей врожденной сердца болѣзни, или дѣйствія непорядочныхъ склонностей, людскіе предразсудки при разсматриваніи сельской жизни не рѣдко царствуютъ; что гражданинъ часто о поселянинѣ думаетъ иначе, нежели должно. До того дошелъ человѣкъ, что различныя и предъ глазами его лежащія мѣста не умѣетъ цѣнить; всегда столь не разсудителенъ, сколь не доволенъ.

Agricolam laudat iuris legumque peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat;
Jlle, datis vadibus, qui rure extractus in urbem est,
Solos felices viventes clamat in urbe.

Воображаютъ, что удоволствіе только въ градахъ жилище свое основало, а въ селахъ несносное царствуетъ уединеніе, и что тамъ взорамъ ничего не встрѣчается, кромѣ стадъ и трудовъ простаго поселянина. Съ смѣшною гордостію взирая на хижины сельскія, почитаютъ, что благоразумному свѣту не пристойно, къ онымъ приближаться, ссылаясь на нравы поселянина, думаютъ, что село дѣлаетъ жизнь не пріятною. Предразсудки, Генеровымъ Меналькомъ весьма естественно опровергаемые! —

Какое удовольствіе сравнится съ удовольствіемъ въ лѣтнемъ домѣ при маленькомъ собраніи нѣжныхъ и искренныхъ друзей чувствуемымъ, гдѣ сердце свободно отъ безпокойства страстей, гдѣ слухъ клеветою не поражается, ни ласкательствомъ не обманывается, гдѣ съ благородной вольностію между собою и съ цѣлою обращаясь природою, то небомъ, то землею, то ихъ зрѣлищами различно увеселяющими занимаемся! Крайнѣ жалокъ тотъ, кто въ собраніяхъ будучи доволенъ, а въ уединеніи самъ себѣ тягостенъ, часто себя самаго избѣжать старается. Пріятно оно, -- сіе намъ въ селахъ сообщаемое уединеніе, на которое жалуются въ городахъ! Долженъ ли духъ нашъ въ вѣчномъ

комъ мысленныхъ разсѣяній вихрѣ кружиться? кратчайшіе дни жизни, -- уже ли они долженствуютъ протекать въ дикомъ шумѣ не пользуя насъ мудростію? Уже ли никогда не надобно отъ тягости свѣта успокоиться и себя возчувствовать? Любитель истиннаго удовольствія! Не обманывай себя болѣе.

Omitte mirari beatae
Fumum & opes, ſtrepitumque Romae.

Какъ? стада и сельскія упражненія, скучныя ли зрѣлища? Не обрѣтающій въ нихъ удовольствія не знаетъ, чего хочетъ. Сказано было, что они первѣйшее природы званіе, и важнѣйшее для обогащенія государства упражненіе представляютъ; сказано, что одно на нихъ воззрѣніе, напоминаетъ о тягостяхъ ближняго, и оживотворяетъ ощущеніе собственнаго нашего спокойствія: извлекая бладарныя къ промыслу чувствованія. Какія въ нихъ открываются пріятности! Пріятности для испытателя естества, пріятности для Стихотворца и живописца при успокоеніи страстей къ неиспорченному вкусу чувствительнаго.

И кто можетъ скучать жизнію поселянина кромѣ не знающаго разсуждать?

 Тотъ,

Тотъ, какъ его воспитаніе и расположеніе велитъ, такъ является онъ въ своей природной простотѣ; и отъ сего происходитъ, что онъ намъ нравится.

Какія внимательныя примѣчанія для разумнаго политика изъ краткаго съ поселяниномъ разговора почерпаются, Такъ ли бы онъ понравился, когдабъ менѣе имѣлъ природной простоты, когдабъ онъ вмѣсто врожденнаго благороднаго чистосердечія подражалъ принужденнымъ учтивостямъ петиметра, или искусно сокрытымъ пронырствамъ придворнаго.

Такъ; пристрастный градской жизни почитатель, любезный другъ Ѳенутъ! Я для васъ сообщаю сіи разсужденія. —— Никогда я съ вашимъ мнѣніемъ не соглашусь, что будто городъ предпочитается сельскому жилищу. Мое сердце со всѣми его чувствованіями, —— но что я такъ мало сказалъ? Вся бъ прекрасная природа востала противъ моего согласія, естьлибъ я его оказалъ вамъ въ предосужденіе сельской жизни. Можетъ быть, лѣта вашего среди градскихъ нравовъ воспитанія, и общества вашихъ друзей вселили въ васъ къ жизни сей предразсудокъ. Посѣтите меня, другъ мой; я приглашаю васъ имянемъ всей цвѣтущей весны, посѣтите хотя однаж-

нажды лѣтній нашъ домъ. Градъ со всѣми очарованіями, которыя онъ въ васъ производитъ, на одно время изчезнетъ. Прекрасныя мѣста сердце ваше восхитятъ къ новымъ чувствованіямъ; и удовольствіе, сообщаемое сельскою жизнію, за ваше равнодушіе пріятнѣйшимъ накажетъ васъ образомъ. Тихое встрѣтитъ васъ безмолвіе. Вы болѣе не услышите ни шуму на многолюдныхъ улицахъ, ни звуку колесницъ, ни народнаго смятенія, и несносной торговли ремеслениковъ; но одно журчаніе протекающихъ ручьевъ, сельскую флейту согласующуюся съ пѣснями нѣжныхъ пастушекъ, голоса веселыхъ стадъ, пѣніе жаворонка съ зарею возлетающаго. Не устрашитъ васъ въ ночи смятеніе шумнаго многоводства. Удалившись отъ звука вечерней воинской музыки, удалившись отъ крика перемѣняющейся стражи, успокойтесь при раздающихся съ пріятностію тонахъ соловья; вы уже успокоитесь, а онъ будетъ пѣніе свое продолжать, чтобъ при нечаянномъ возбужденіи безсонныя ваши минуты прекратить въ сладчайшихъ чувствованіяхъ при тихомъ сіяніи Луны вашу спальню освѣщающей. Солнце пріятными лучами васъ къ утреннимъ возбудитъ веселостямъ. — И тогда вмѣстѣ поспѣшая на свѣжей воздухъ, чрезъ от-

верстыя окна узримЪ восхожденіе солнца и пробуждающуюся сЪ нами природу; пойдемЪ вЪ прохладной садЪ, и срывая окропленные росою цвѣты, возчувствуемЪ ихЪ тончайшій запахЪ и удовольствіе; тогда все вЪ поле начнетЪ сельскимЪ оживотворяться трудолюбіемЪ. Цѣлой вЪ деревнѣ день есть не прерывная связь веселостей, никогда не тягостныхЪ и никогда не скучныхЪ. КакЪ скоро только человѣкЪ оставитЪ городЪ, и сЪ вольнымЪ духомЪ пойдетЪ по лабиринтамЪ веселыхЪ сельскихЪ мѣстЪ; тотчасЪ душа начнетЪ предаваться не извѣстнымЪ восхищеніямЪ, обыкновенные случаи жизни вЪ забвеніе приводящимЪ, пребывая при всей живности своихЪ чувствованій вЪ границахЪ тихаго спокойствія и равнодушія. Скажите, другЪ мой, ужель вы никогда не читали сельскаго описанія сЪ таковымЪ чувствіемЪ, которое бы возродило вЪ васЪ охоту, чтобЪ разсматривать прекрасную природу вЪ собственныхЪ ея мѣстахЪ? Ужели вы никогда не слыхали вЪ ГагедорновыхЪ пѣсняхЪ сладкопоющаго соловья; ужели вы вЪ веснѣ Клейстена восходя на холмики, не видали лѣсовЪ, горЪ и долинЪ улыбающихся; ужели никогда вЪ ГеснеровыхЪ идилліяхЪ не присудствовали при веселыхЪ торжествахЪ пастуховЪ? Возможно ли предста-

ставить что нибудь прелѣстнѣе цѣлаго ж тысячію различныхъ зрѣлищъ и видовъ украшеннаго поля? Одно только воззрѣніе; и сколько представится красотъ! Съ пріятностію лежащіе одинъ на другомъ холмы возвышаются цѣлою горою, гдѣ взоръ останавливается; по отлогамъ ихъ между маленькаго буковаго лѣса бѣлѣются младые агнцы; какъ они тамъ прыгаютъ, какъ освѣщаетъ ясность заходящаго солнца улыбающееся зрѣлище. Какое вокругъ собирающіеся облака производятъ играніе между свѣтомъ и тѣнію: тогдажъ разноцвѣтная радуга свое отсвѣчиваніе мещетъ на темнолазоревые горъ верхи! Но что я мѣдлю, изъясняя вамъ красоты, которыя болѣе чувствовать нежели описать можно! Посѣтите только село, другъ мой! природа тысячекратно все то дополнитъ, чего я изобразить не умѣю.

Мудрецъ поставляетъ за законъ, чтобъ располагая себя по природѣ, часть своего времяни посвящать ея упражненіямъ. Она чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ въ величайшихъ являясь красотахъ, съ избыткомъ въ нѣдрахъ своихъ производитъ сладчайшія удовольствія; за неблагодарность къ ней и

за несправедливость къ себѣ самому почелъ бы онъ, естьлибъ въ сіе время не захотѣлъ принять участія въ веселостяхъ съ толикою щедростію ею предлагаемыхъ. Достойны похвалы богатые люди съ симъ намѣреніемъ лѣтніе домы сооружающіе, чтобъ наслаждаться въ нихъ пріятностями лѣта; и сіе прекрасное обыкновеніе, которое во всѣхъ воздѣлываемыхъ земляхъ господствуетъ, можетъ, кажется, почесться доказательствомъ неиспорченнаго нашихъ временъ вкуса.

Не многія хижины и домики безъ сомнѣнія были первые, въ которыхъ обитали люди. По размноженіи людей составились общества и возвысились города, въ которыхъ соединившееся поселялось товарищество для облегченія нуждъ своихъ; для наслажденія пріятностей жизни, и для безопасности отъ нападенія несправедливости. Человѣкъ сдѣлался кротчайшимъ; разумъ его начиналъ открываться, востающіе отвсюду разговоры уменьшились, земля учинилась спокойною; пастухъ и земледѣлецъ не опасались болѣе нападенія и похищенія своихъ имѣній. Возможно ли тогда было, воздѣлывая поля и взирая ежедневно на прекрасное зрѣлище природы, не трогаться имъ? Человѣкъ долженъ былъ, находя свои выгоды, находить

тамъ

тамъ и удовольствіе свое. Онъ долженствовалъ, слѣдуя приманчивой красотѣ столь многихъ пріятныхъ предметовъ; научиться сооружать домы не столько для необходимости, сколько для удовольствія своего. Теперь уже изыскивались прекрасныя страны и основывались на нихъ домы; теперь не приступные разбойническіе замки превращались въ мирныя и веселыя мѣста; и съ холмовъ, и откуда высматривали только непріятелей, теперь смотря на спокойныя мѣстоположенія, питали взоръ свой одними красотами природы. И увидѣвъ друзей своихъ въ селахъ съ удовольствіемъ живущихъ и отъ стадъ и отъ хлѣбопашества богатѣющихъ, перемѣняли родъ жизни, и избирали его или въ купленныхъ; или въ наслѣдственныхъ земляхъ. Многіе, можетъ быть, наскучивъ градскими нравами; основывали въ селахъ жилища свои. Такъ составлялись наши лѣтніе домы! Сколь много они странамъ придаютъ красоты, особливо нѣкоторыя мѣста въ Италіи и Швейцаріи то показываютъ. Сіи превосходнѣйшія какой нибудь страны украшенія возраждаютъ пріятную мысль о благосостояніи ея жителей; они напоминаютъ о первомъ щастливѣйшемъ свѣта состояніи, когда невинность и спокойствіе въ разсѣянныхъ обитали хи-

жинахЪ, чувствительное сердце при видѣ ихЪ истаеваетЪ отЪ пріятнаго разсматриванія. Не возможно безЪ живѣйшаго удовольствія напомянуть, какЪ высоко древніе почитали сельскую жизнь. Коль многіе воздвигнуты ей монументы! Они стада свои, ихЪ пастуховЪ, и сады достойными почитали, чтобЪ для защищенія ихЪ опредѣлить имЪ собственныхЪ боговЪ; самЪ АполлонЪ отецЪ знанія и хорошаго вкуса снизшедЪ на землю, вступилЪ вЪ общество пастуховЪ, сЪ которыми онЪ пасЪ, научая ихЪ божественнымЪ своимЪ пѣніямЪ. ИхЪ два великіе стихотворцы о садахЪ Алциноя и Кориція, которые вЪ древности толико славились, оставили пріятнѣйшія описанія, гдѣ вмѣсто хитростныхЪ прикрасЪ нынѣшняго времяни, одна по большей части прелѣстная изображалась простота. Древнѣйшіе Греціи Государи были пастухами, и ГомерЪ пріятнѣйшія свои начертанія заимствовалЪ изЪ сельской ихЪ жизни. Пастушескія пѣсни, какЪ драгоцѣнное до насЪ достигнувшее отЪ древности наслѣдство, дышутЪ только невиннымЪ удовольствіемЪ, нѣжнымЪ дружествомЪ и спокойствіемЪ, сельскою жизнію производимымЪ. Самые лаврами увѣнчанные герои воздѣлывали собственными руками поля свои сЪ большимЪ уваже-

ні-

ніемЪ почитаемыя; естьли они были доставшимся для нихЪ отеческимЪ наслѣдствомЪ. Атилій — КвинтЪ проливалЪ слезы, что за возложеннымЪ на него консульскимЪ достоинствомЪ цѣлой годЪ не могЪ самЪ обработывать своего поля. КатонЪ восхищался невинною сельскою жизнію Курія. — Кто не знаетЪ сихЪ и прочихЪ великихЪ мужей? Они вЪ помѣстьяхЪ своихЪ употребляя спокойствіе для знаній своихЪ, пріуготовляли себя кЪ дѣламЪ государственнымЪ; по отправленіи дѣлЪ таковыхЪ возвратившись вЪ безмолвныя свои селы, опять вЪ трудахЪ и умѣренности искали удовольствія, а послѣ трудовЪ успокоенія „ВЪ самомЪ дѣлѣ, говорипЪ ЦицеронЪ, описавЪ невинныя сель„скія увеселенія Сципіона и Лелія, какЪ „птицы устроя свои для сидѣнія гнѣз„ды, сЪ вольностію летаютЪ по воздуху „чтобЪ опять по трудахЪ своихЪ ус„покоиться, точно такЪ же и мы по„слѣ домашнихЪ упражненій и обществен„ныхЪ попеченій ищемЪ убѣжища и от„дохновенія. Они почитали и для старости сельскую жизнь способнѣйшимЪ прибѣжищемЪ; тотЪ же много упомянутой мужЪ похваляетЪ ее старикамЪ. ОнЪ разсказываетЪ, пребывая самЪ невѣроятнымЪ образомЪ вЪ помѣстьи своемЪ веселЪ, что сель-

ская жизнь по большей части приличествуетъ мудрецу, и что въ удовольствiяхъ ея и глубокая старость не препятствуетъ „ Не только, продолжаетъ онъ, прiятно село своими жатвами, лугами,
„ виноградными горами и лѣсами; но прелѣстно оно плодами, садами, паствою,
„ роящимися пчелами и различностiю цвѣтовъ. Бѣдна ли же будетъ старость
„ тѣхъ людей, которые воздѣлыванiемъ
„ полей довольствуются? По моему мнѣнiю, я не знаю, можетъ ли быть гдѣ
„ нибудь жизнь счастливѣйшею, нежели
„ сельская; я не только упоминаю о томъ,
„ что хлѣбопашество для цѣлаго рода человѣческаго похвально, но и о веселостяхъ, удовольствiи и избыточествѣ
„ всѣхъ вещей, какъ до потребностей жизненныхъ, такъ и до самаго богопочтенiя
„ относящихся говорю. Что еще сказать
„ надобно о зеленѣющихся лугахъ, о усажденныхъ древесами гульбищахъ и о красотѣ виноградныхъ горъ? Однимъ словомъ: нѣтъ ничего по выгодамъ изобильнѣе, по красотѣ прелѣстнѣе воздѣланнаго поля, и глубокая старость не только насъ не удерживаетъ, но приглашаетъ и приманиваетъ къ сему удовольствiю Гдѣ можетъ оной возрастъ съ
„ большимъ здравiемъ, или отъ солнечнаго

„ сiя-

„сіянія и теплоты согрѣться, или отъ „тѣни и воды прохладиться? „ Столь много Римляне любили безмолвіе жизни сельской! Они искали въ ней успокоенія и подкрѣпленія при изнеможеніи самой природы Для сихъ обстоятельствъ мѣста въ Кампаніи, гдѣ теперь Палестрина и Албанія лежатъ подъ прохладою горъ и лѣсовъ, сельскими домами и садами были усѣяны; на всѣхъ прохладнѣйшихъ мѣстахъ сооружились лѣтнія жилища, которыя обыкновенно по свойству годовыхъ времянъ такъ же перемѣняемы были жителями, какъ Гораціемъ, которой среди жаркаго лѣта поживши въ Тибурѣ, или Пренестѣ, гористымъ положеніемъ отъ жару защищающихъ, холодные мѣсяцы препровождалъ въ Тарентѣ.

Iam terras volucrem que polum fuga veris aquosi
Laxat, & Icariis coelum latratibus urit,
Ardua iam denſæ rareſcunt mœnia Romæ;
Hos Præneſ e ſacrum, nemus hos glaciale Dianæ
Algidus aut horrens, aut Tuſcula protegit umbra,
Tiburis hi lucos, Anienaque frigora captant.

Римляне въ самыхъ бѣдствіяхъ искали себѣ утѣшенія въ своихъ вотчинахъ. „Они,

Они, когда ихъ во градѣ гнало неправосудіе, въ добровольное заточеніе туда преселившись, позабывали не благодарность своего отечества подъ тѣнію безмолвной удаленности. И какое мѣсто способнѣе къ уменьшенію заботъ и къ разсѣянію печалей! Гдѣ удобнѣе позабыть несправедливость свѣта и усмирить возстающія страсти, какъ не въ лѣтнемъ жилищѣ, которое удаляя насъ отъ общества гонителей, въ щастливомъ безмолвіи при столь многихъ пріятностяхъ природы сердце спокойною оживотворяетъ веселостію? Здѣсь могутъ непостоянство человѣческихъ вещей испытавшіе терять въ дальновидной сторонѣ смущенныя мысли, и предавать печаль свою для разсѣянія несущемуся вѣтру; здѣсь слезы изсушаются отъ шумящаго воздуха, и сердце растаеваетъ въ спокойномъ уныніи. Вездѣ увеселенія природы встрѣчаются, и мы въ нихъ тихое пріемлемъ облегченіе отъ сѣтованія. Печальныя воображенія не чувствительно исчезаютъ. Сердце непротивится болѣе успокоивающимъ его разсужденіямъ, и мудрое равнодушіе, какъ чистая вечерняя заря послѣ ненастнаго дня, среди сердечныхъ сѣтованій открывается. Такъ изчезаетъ печаль въ тихомъ безмолвіи сельской жизни; и какое сердце, чувствуя свои тягости, не

не воздохнетъ отъ внутренняго желанія видѣть деревню?

O rus! quando ego te adspiciam, quandoque licebit,
Nunc veterum libris, nunc somno & inertibus horis,
Ducere sollicitæ iucunda oblivia uitæ?

Радость при красотахъ обновляющейся природы есть всѣмъ твореніямъ общая, мы ее въ цѣломъ царствѣ живущихъ существъ видимъ. Едва воздухъ оставитъ свою суровость, едва поля облекутся въ зеленѣющееся убранство, какъ все исполнится общаго удовольствія. Съ какимъ веселымъ шумомъ бѣгутъ стада на открытую паству; какъ порхаютъ разные роды птицъ на зеленыхъ вѣтвяхъ и поютъ свои пѣсни; какъ рыба играетъ въ тихошумящихъ водахъ; какая новая животворность при вліяніи краткаго неба по всему разливается творенію!

Играютъ листвія и вѣтеръ и потоки,
Цвѣты съ травой благоухаютъ,
Зазелѣнѣли и горы и долины,
Народъ веселый въ селахъ пляшетъ,
Поетъ въ спокойствіи пастухъ,

Расут-

Пасутся овцы безопасно,
Веселость общая и духЪ мой восхищаетЪ. (*)

Сіе общее чувствованіе бодрости и радости при обновленіи природы и человѣка оживотворяетЪ. ЧеловѣкЪ никакихЪ пріятныхЪ чувствованій вЪ сіе время не имѣющій былЪ бы до жребія животныхЪ униженный извергЪ нашего рода. Естьли животныхЪ сіи радостныя движенія только согрѣяніемЪ, новой пищи пресыщеніемЪ, и избыточнымЪ желаній удовольствіемЪ возбужденныя, толико оживотворяютЪ; тончайшія чувства человѣческія должны еще болѣе восхищаться. Всѣ твари при множествѣ красотЪ вЪ природѣ какЪ мертвы, или нечувствительны; одинЪ только человѣкЪ можетЪ ихЪ чувствовать; его самое расположеніе кЪ тому обязываетЪ. Все созданіе восклицаетЪ ему, чтобЪ онЪ для красотЪ его открылЪ свои чувства и разумЪ. Для него утренняя весеннихЪ дней заря блистаетЪ по орошеннымЪ лугамЪ, а не для слѣпаго червячка по землѣ пресмыкающагося. СимЪ восхищаться есть долгЪ, отЪ сего восходить кЪ Творцу, есть богослуженіе. Удовольствіе при пріятностяхЪ при-

(*) *Гагедорнъ.*

природы было первое чувствованіе человѣка, какъ онъ на землю вступилъ; оно и нынѣ какъ было тогда, еще столько же невинно.

Цѣлой свѣтъ для философа есть безмѣрное зрѣлище удовольствій; все, что ему въ немъ ни встрѣчается, есть для него источникомъ веселыхъ чувствованій. Чувственныя восхищенія сердца, какъ утренняя заря предъ разсвѣтомъ дня, предшествуютъ предъ очистившимися ума разсужденіями. Они плѣняютъ насъ еще прежде, нежели мы нѣсколько лучей возчувствуемъ отъ освѣщающаго разума. Они простирая предъ нами путь къ вышшимъ увеселеніямъ, предуготовляютъ насъ превосходнымъ удовольствія чувствованіямъ отъ чистыхъ разсужденій раждающимся. Но сіи чувственныя удовольствія при красотахъ природы, сообразно съ достоинствомъ человѣка, должны быть возвышенны и нравоучительные. Здѣсь смотрите на тѣ степени, по которымъ насъ препровождаетъ природа. Когда при обновленіи ея взираемъ на луга травою и цвѣтами, на поля жатвою, на наши сады пріятностію исполненные, когда при семъ воззрѣніи и привозчувствованіи плѣнительности ея, спокойною возхищаемся радостію; что тогда можетъ быть естественнѣе, какъ только размышлять, кому

долж-

должны мы благодарить за существованіе сихъ предметовъ, и за дарованную намъ возможность пріятности ихъ чувствовать; размышлять, сколько мы благодѣтельнымъ существа сего расположеніямъ обязаны? До высочайшаго степени сихъ размышленій доводитъ насъ испытаніе естества. „Сія наука, говоритъ одинъ великой пи„сатель въ Зрителѣ, оживотворя удоволь„ствіе наше, въ твореніи чувствуемое, дѣлаетъ его не только воображенію, но и „разуму пріятнѣйшимъ. Она не остана„вливается при шумѣ источника, при „пѣніи птицъ, подъ тѣнію гротовъ и „лѣсовъ, при испещреніи полей и луговъ, „но разсуждаетъ о различныхъ намѣрені„яхъ провидѣнія все сіе сохраняющаго, и „о чудесахъ Божественной премудрости „тамъ открывающейся. Она увеличивая у„довольствіе для взоровъ, возбуждаетъ въ „душѣ благоразумное удивленіе не много „низшее самаго благоговѣнія.„ Здѣсь мы занимаемъ мысли всею природою и ея Создателемъ. Видимъ и чувствуемъ его во всѣхъ твореніяхъ; все изображаетъ его. Дѣла его могущества и мудрости лежатъ предъ нами въ большемъ многоразличіи и великолѣпіи, нежели во градѣ. Размышленія сельскимъ безмолвіемъ производимыя весь духъ собою наполняютъ. Мы каждую

долину,

долину, каждую рощу какъ оныя добродѣтельные новой земли обитатели, дѣлаемъ святилищемъ Божества. Вездѣ встрѣчается присудствующій въ природѣ Богъ; высокія дубравы шумомъ своимъ отъ древа къ древу проповѣдуютъ славу Его; источники отъ одной журчащей волны къ другой, возвѣщаютъ благость Его. Какое мѣсто не имѣетъ слѣдовъ божества! Садимся ли мы подъ тѣнистымъ кустарникомъ, заблуждаемся ли по лабиринту долинъ, лѣсовъ и луговъ; восходимъ ли на высокіе холмики, вездѣ великія занимаютъ духъ размышленія; коль священны мѣста сіи! Здѣсь нѣтъ ничего кромѣ жилища Божества.

Сколь мало сіе примѣчаніе сельскую жизнь въ ограниченномъ своемъ горизонтѣ за прибѣжище чувственныхъ только удовольствій почитающимъ, сколь мало ни понравится; однако оно есть нравоученіе разума и великихъ людей. „Тогда, говоритъ Сенека, благодарность свидѣтельствую богамъ; тогда нахожу цѣну и „достоинство жизни моей; когда о природѣ „размышляю, когда взоромъ даже во внутренность ея проницаю. Могъ ли бы я „иначе себя счастливымъ почитать, на„ходясь въ числѣ живущихъ, а не научаясь „познавать природы, и чрезъ познаніе не

„ возвышаясь къ безконечному Существу „ всѣ вещи создавшему, распорядившему и „ все управляющему? „ Мнѣ кажется, говоритъ одинъ изъ великихъ стихотворцевъ; „ не долженъ тотъ хвалиться знаніемъ „ сельскихъ удовольствій, кто не часто „ предается вышшему изъ сихъ удовольствію, кто чрезъ воззрѣніе на природу, „ смотритъ ли на красоту ея въ маленькомъ листочкѣ, или въ обширной странѣ, „ кто чрезъ сіе воззрѣніе не часто восходитъ къ разсужденіямъ о Существѣ, все „ сіе создавшемъ. „ Тогда только въ самой вещи тѣни бываютъ прохладнѣе, лѣса зеленѣе, воздухъ здоровѣе и пріятнѣе, и лунной вечеръ безмолвнѣе; когда спокойнѣйшая и прекраснѣйшая, нежели все то, душа, по симъ степенямъ восходитъ къ благодѣтельному Отцу творенія. Кто таковаго рода примѣчаніямъ не внемлетъ, поелику онъ уже ихъ слышалъ; тотъ кажется мнѣ таковымъ, которой своимъ скучаетъ существованіемъ.

Сельская жизнь для вкушенія удовольствій прекрасной природы, подаетъ болѣе случаевъ и спокойствія, нежели жилище градское, гдѣ красоту вселенной только по одному вѣдая имяни весны, никогда не чувствуютъ; гдѣ взоръ стѣнами и башнями огра-

ограниченной, едвали часть чистаго усматриваетъ неба; гдѣ воздухъ облаками дыма и куреній помрачается. Для сихъ обстоятельствъ мы имѣемъ справедливую обязанность возпользоваться нѣкоторымъ въ селахъ временемъ. Какъ духъ, освободясь отъ тягостей упражненій, опредѣлитъ себя къ спокойнымъ сельскимъ удовольствіямъ, все тогда сердце въ сей праздности пріемлетъ участіе, и человѣкъ предается пріятнѣйшимъ размышленіямъ и сладкимъ чувствованіямъ. Со всѣхъ странъ веселость въ природѣ возбуждаетъ къ нимъ движеніе. Сіяжъ самая веселость приводитъ его и въ счастливѣйшее положеніе. Душа, трудами и заботами непрестанно отягощаемая, отъ всѣхъ прохладныхъ веселостей отрекающаяся, дѣлается наконецъ скучною и угрюмою. Чѣмъ болѣе отъ предмѣтовъ, удовольствіе производящихъ, она удаляется, теряясь въ глубокомысленныхъ испытаніяхъ, или чѣмъ болѣе предается попеченіямъ жизни, никогда не ободряя себя чувственнымъ удовольствіемъ; тѣмъ болѣе угрюмость и мрачность надъ нею простираются, потіемняя нѣжныя склонности пріятныхъ чувствованій. Счастливая легкость веселыхъ чувствъ превращается въ холодную недѣятельность. Какъ много напротивъ веселость сохраняетъ

здра-

здравіе, такЪ не меньше выгодЪ отЪ нея простирается и до всей души и ея дѣятельности. Истребляя попеченіе и неудовольствіе успокоиваетЪ она страсти, и приводитЪ духЪ вЪ равновѣсіе между умѣренностію и удовольствіемЪ. Она есть кроткое благоволеніе Провидѣнія и тайная за благодѣянія его благодарность. Она одна позволяетЪ намЪ всемЪ, что свѣтЪ ни имѣетЪ пріятнѣйшаго и полезнѣйшаго, наслаждаться. Она оживотворяетЪ наши упражненія; украшаетЪ поступки пріятностію и удовольствіемЪ; она сообщаетЪ сердцу и взорамЪ радость и обхожденію живность; она вливаетЪ вЪ насЪ чувствованія вЪ чужихЪ необходимостяхЪ участіе пріемлющія; она дѣлаетЪ, что мы удовольствіе и благодѣяніе природы сЪ охотою сообщаемЪ своимЪ братіямЪ. Сіе все производитЪ сельская жизнь! Кто еще имѣетЪ довольно духа презирать сіи источники добродѣтели?

Многіе Философы по справедливости говорили, что человѣкЪ есть самЪ себѣ совершенное противорѣчіе. ОнЪ любитЪ удовольствіе; сельская жизнь есть изобильной онаго источникЪ, но онЪ его не знаетЪ.

ИщетЪ

Ищетъ его всегда въ вещахъ, въ которыхъ совсемъ нѣтъ истиннаго удовольствія. Онъ отъ спокойствія и отечества бѣжитъ искать въ дальнихъ степяхъ не извѣстныхъ сокровищь. Онъ съ плаваніемъ и волнами учинивъ безпокойной союзъ, предается обманчивой корыстолюбія надеждѣ, опасностямъ и смерти, въ то время; когда маленькая часть земли, когда не большой садъ много и удовольствія и пищи ему представляетъ. Сколько свѣтъ сей ни прекрасенъ, онъ не знаетъ еще красотъ его. Все, что до удовольствованія его желаній, до увеселеній его чувствъ и духа касается, все съ каждымъ воззрѣніемъ для него изливается; со всѣхъ странъ ищетъ его истинное удовольствіе; онъ уходитъ отъ него, бѣжитъ за обманчивою тѣнію, находя удовольствіе себя обманывать. Онъ уподобляется заблудившейся бабочкѣ, которая, оставивъ исполненной цвѣтами вертоградъ, летаетъ въ блестящихъ уборами покояхъ, и цѣлуя изображенныя на нихъ розы, обманутая видомъ, ни какого благовонія и никакой сладости не находитъ. Его желанія безпрестанно противятся благодѣтельному гласу природы на истинной путь удовольствія привлекающей; она хватаетъ его за руку,

онѣ вырывается отъ нея; — но къ чему служатъ сіи укоризны?

Меня благоразумная часть людей внимаетъ; для грубыхъ я не преподаю нравоученія. Она знаетъ цѣну сельскихъ веселостей; знаетъ, что онѣ, будучи продолжительны, ни досадою не истребляются, ни за расточительное иждивеніе съ ущербомъ здравія не покупаются; знаетъ, что онѣ и духъ не безпокоятъ, и безъ удовольствія его не оставляютъ. Но что? веселости сельскія драгоцѣннѣйшія еще въ себѣ имѣютъ свойства; онѣ каждому дозволяютъ собою наслаждаться, кто ихъ только ищетъ, имѣя довольно вкуса, ихъ чувствовать. Не у всѣхъ находятся сельскіе домы, не всѣ имѣютъ довольно празднаго времяни, чтобъ прекрасную часть года въ селахъ препровождать могли. Но не открыты ли для нихъ сады друзей и веселыя поля? Окончились дневныя упражненія, предлежитъ прогуливаніе. Бѣдной съ богатыми и низкой съ знаменитыми выходя на весенніе луга, такъ же какъ и они могутъ чувствовать прохладу весеннюю, и удовольствіе прекрасной природы. Удовольствіе изъ ея расположеній проистекаетъ на все твореніе; для человѣка остается только, принять его, или нѣтъ.

нѣтъ. Вамъ, не чувствующіе пріятности, достоинствъ, знаменитости и богатствъ, вамъ сей недостатокъ преимуществъ, какъ не нужныхъ, такъ и обманчивыхъ вознаграждаетъ благодѣтельная природа; она никому не возбраняетъ наслажденіе своихъ пріятностей, она съ совершенною вольностію всѣмъ позволяетъ почерпать изъ ея источниковъ.

Ненависть и несправедливость препятствуетъ нашимъ удовольствіямъ; но кто похититъ ихъ, естьли намъ спокойная сельская жизнь ихъ сообщаетъ? Здѣсь веселости наши надежны; онѣ не опасаются перемѣны. Доколѣ прекрасная природа прельщаетъ взоры наши, доколѣ чувства и разумъ нашъ отверсты для ея пріятностей; дотолѣ можемъ мы съ непрерываемою вольностію ими наслаждаться. Пусть насиліе похититъ владѣнія достоинствъ съ ихъ преимуществами и доходами, пусть гонитъ людей изъ замковъ и градовъ. Тотъ никакого не заслуживаетъ сожалѣнія, кромѣ доброжелательства, кто можетъ жилища сіи перемѣнить на спокойные сельскіе дома.

Развратнымъ уступилъ Лордъ нравамъ благородный;
Какъ Дворъ низвергъ его, онъ въ ссылку удалился;

 Великъ

Великъ бывъ для Двора, себѣ ставъ цѣлымъ свѣтомъ,
Сокрылся онъ между и лѣсомъ и полями.
Родъ рабской лицемѣръ его оставилъ въ счастьѣ;
Ужъ Муза изъ своей корысти лѣтнимъ мухамъ
Ожившимъ отъ тепла подобясь, не шумитъ;
Уже пропалъ тотъ блескъ, кой привлекалъ льстецовъ,
Отрада сладкая! онъ чести не лишился.
Великой не пропалъ въ немъ духъ, хоть Дворъ клянется
Его унизить; онъ на отческихъ поляхъ
Внушаетъ съ вольностью пріятность всей природы;
Безъ помѣшательства гуляетъ по лѣсамъ;
Онъ дѣлаетъ добро какъ гражданинъ, какъ человѣкъ;
Онъ хвалитъ счастіе, что при такой свободѣ,
Не удовольствія, однихъ заботъ лишился. (*)

Въ самомъ дѣлѣ, коль многіе великіе мужи въ сельской жизни всегда сыскивали удовольствіе при бѣдствіяхъ, успокоеніе по трудахъ, и нѣкоторое сокровище увеселеній, которыхъ имъ ни богатство, ни честь придворная дать не моги! Село бывало всегда вольнымъ городомъ мужей непостоянство счастія сносившихъ; ихъ опытность довольно сельской жизни сдѣлала

(*) Уцъ.

лала уваженія. „ Я не зналъ, говорилъ
„ великой Французской Канцлеръ де Лопи-
„ таль, по многихъ безпокойствіяхъ отпра-
„ вившись въ свою вотчину, что сельская
„ жизнь только прелѣстей и удовольст-
„ вія въ себѣ имѣетъ. Я прежде дожилъ
„ до сѣдыхъ власовъ, нежели узнавать
„ научился, въ какомъ родѣ жизни искать
„ должно истиннаго счастія. Напрасно
„ природа одарила меня склонностію къ
„ покою и отдохновенію; я думаю, что сей
„ пріятной склонности никогда бы самъ
„ не предался, естьлибъ небо, воззрѣвъ на
„ меня съ сожалительнымъ окомъ, не раз-
„ рушило мои оковы, изъ которыхъ безъ
„ него никогда бы я не вышелъ. Естьли
„ кто думаетъ, что я счастливымъ себя
„ почиталъ въ то время, когда казалось,
„ что счастіе со мною совокупилось, ког-
„ да я бывши среди придворныхъ, ми-
„ лость Короля моего склонялъ къ себѣ по
„ моему произволенію, естьли кто дума-
„ етъ, что я теперь несчастливымъ себя
„ почитаю, потерявъ всѣ сіи блистатель-
„ ныя выгоды; О! сколь мало тотъ зна-
„ етъ сердце мое, сколь худо разсужда-
„ етъ и о чувствованіяхъ его. „

Безпрестанно открываются новыя преимущества сельской жизни, чѣмъ болѣе мы ими наслаждаемся, сказалъ мнѣ Арипсъ, какъ мы нѣкогда прекраснымъ утромъ сидя предъ вратами лѣтняго дома, разсматривали дальновидную страну. Какое различіе находится между симъ жилищемъ и городомъ? Какъ скучно было тамъ въ тѣсномъ заключеніи каменныхъ стѣнъ, при одинаковыхъ видахъ и недвижимости вещей предъ глазами всегда лежащихъ; какая въ душѣ простиралась мрачность и не удовольствіе! Свобода есть пища духа; я самъ часто сіе испытывалъ; величина и протяженіе есть источникъ удовольствій; я оное чувствую въ сію минуту. Разсмотрите со мною однажды сію страну. Какое представляется множество взорамъ прекраснѣйшихъ предметовъ; различность ихъ величины учиняетъ пріятность ихъ чувствительнѣйшею; и въ то время, какъ одни являются открывшись въ своей окружности, другіе показываются намъ по порядку, доставляя удовольствіе тамъ размышлять, гдѣ взоръ ничего болѣе не находитъ; самое ихъ соединеніе содержитъ къ себѣ новыя прелести; каждая долина не казалась бы съ толикою пріятностію, естьлибъ сребреновидная рѣка не предавала ей веселостей. естьлибъ

либъ на одной странѣ ея не возвышалася лѣсистая гора; и какія дѣйствія солнца и цвѣтовъ! Одни предметы блистаютъ въ лучахъ солнечныхъ; когда другіе въ тѣни лежатъ полупокрытыми; и отъ сіянія утомленное око съ удовольствіемъ остановляется при нихъ для спокойнаго отдохновенія, легкія облачки тамъ вдали собирающіяся пріосѣняя тѣнями ближній лѣсъ, умножаютъ подъ своимъ собраніемъ играніе свѣта. Естьлибъ сіи пріятныя зрѣлища въ не движимомъ показались видѣ; коль многобъ еще ихъ прелестямъ не доставало? Но воззрите, какъ все живо; какъ рѣка съ холмовъ съ пѣною низпадающая шумитъ сильными волнами; какъ оныя стада разсѣясь по паствѣ своей ходятъ, въ какомъ множествѣ тамъ представляются поселяне; какъ ласточка съ другими птицами по воздуху играетъ; какъ восточной вѣтерокъ шумитъ по цвѣтамъ и листьямъ сихъ древесъ, что самая роса съ нихъ низпадаетъ, внимайте здѣсь журчащимъ предъ нами источникамъ, внизу по холмамъ радостному шуму стадъ, вблизи вокругъ насъ голосамъ птицъ, которыя съ различностію составляютъ свои концерты, примѣните, другъ мой, все сіе и возчувствуйте сію жизнь, и сію зрѣлищъ перемѣну. Коль много веселыхъ,

и

и какЪ бы улыбающихся предметовЪ, коль много упражненій для воображенія!

ТакЪ, другЪ мой, продолжалЪ я, все то я чувствую, что воображенію сладчайшія сіи сообщаютЪ упражненія, одно на природу воззрѣніе препровождаетЪ меня кЪ новымЪ размышленіямЪ сЪ нею сроднымЪ, кЪ размышленіямЪ многоразличности. Столь обыкновенное вЪ насЪ движеніе находитЪ вЪ сихЪ ея зрѣлищахЪ полное удовольствіе. Сколько мы бываемЪ не спокойны, когда его насытить не можемЪ? Но коль мало бы насЪ упражняли сіи самые прелестные и предЪ нами лежащіе виды, коль слабы для насЪ были бы ихЪ впечатлѣнія, естьлибЪ здѣсь никакая перемѣна, и никакая многоразличность не господствовала! Сія оживотворяетЪ душу, чтобЪ могла она вкушать удовольствіе, которымЪ все творен е наполнено. ВЪ городѣ мы часто вздыхали о перемѣнахЪ, безпрестанно слѣдовало за нами отвращеніе отЪ одинаковыхЪ видовЪ вещей. Здѣсь наши склонности безпрестанно плѣняются многоразличностію, и всегда сЪ удовольствіемЪ. ПорядокЪ существЪ отЪ взора теряющихся. — ДнемЪ растеніи и животныя. — ВЪ ночи звѣзды — Какія многоразличныя увеселенія для внимательнаго

наго взора и для мыслящаго духа! Повсюду упражняется благодѣтельная природа, безпрестанно доставляя намъ новыя увеселенія; въ самомъ червячкѣ, въ самомъ листочкѣ предлагаетъ она намъ источникъ удовольствія; но все сіе истощаетъ не для легкомыслія, не для презрительной гордости, но для чувствительнаго мудреца. Для него каждой въ свѣтѣ день представляетъ цѣлое множество различныхъ веселостей.

Справедливо дѣлалъ Горацій нашъ, отвѣчалъ Арипсъ, что открывалъ нѣкоторымъ многоразличную сельской жизни красоту.

Novîsti ne locum potiorem rure beato?
At, ubi plus tepeant hyemes? ubi gratior aura,
Leniat & rabiem Canis & momenta Leonis,
Cum ſemel accepit furibundus acutum?
Eſt, ubi depellat ſomnos minus invida cura?
Deterius Lybicis olet et nitet herba lapillis?
Plurior in vicis aqua tendit rumpore plumbum,
Quam quae per pronum trepidat cum murmure rivum?

Не позабыли и другіе мудрые Стихотворцы о сей въ природѣ многоразличности удовольствій; вы памятуете еще,

съ какою веселостiю не давно на ближнемъ холмикѣ читали мы вступленiе въ Галлерову поему о происхожденiи зла. Тотъ ослѣпленнымъ долженъ быть, кто сей многоразличности не примѣчаетъ, кто не знаетъ еще, что природа столь много красотъ соединяетъ, чтобъ питать ими наше удовольствiе. Сей же самой источникъ, которой близъ нашего жилища протекаетъ орошая долину, приглашаетъ насъ и къ успокоенiю, забавляетъ слухъ и снабдѣваетъ питiемъ. Сей же самой тѣнистой лѣсъ, въ которомъ мы чувствуя прохлажденiе, внимаемъ многоразличнымъ пѣснямъ птицъ, питаемъ для стола нашего выгодныхъ животныхъ. Сiи древа, прекрасными насъ вѣтьвями прельщающiя, сообщаютъ намъ сладкiе плоды; сiе поле, исполненное классовъ съ прiятностiю зыблющихся, есть хранилище будущаго нашего пропитанiя. Природа ни одного не представляетъ дѣйствiя, которое бы не отвсюду было выгодно; нѣтъ ничего, что много пользы, и много удовольствiя не приносило бы. Она мудрымъ своимъ о насъ попеченiемъ избрала первымъ цвѣтомъ при одѣянiи земли зеленость. Довольно было сего, чтобъ намъ угодить; но не довольно, чтобъ такъ насъ удовольствовать, какъ она чрезъ многоразличность могла. И

такъ

такъ въ семъ цвѣтѣ она учинила умноженіе и уменьшеніе солнечнаго свѣта, увеселительныя перемѣны и пріятныя оттѣниванія. Коль многіе роды зелености изъ бѣлизны въ черноту чрезъ безчисленные степени перемѣняющейся, каждой родъ произрастеній имѣетъ собственной и наслѣдственной видъ; лѣсами, и кустарникомъ, произрастеніемъ, травою и жатвою наполненная страна коль живое представляетъ намъ изображеніе зелености, гдѣ стекаются различные роды красотъ, здѣсь ясно изображающихся, тамъ съ пріятностію между собою сливающихся и вездѣ нѣкоторою чувствительною гармоніею соединенныхъ.

Къ симъ размышленіямъ принадлежитъ еще видъ нашихъ садовъ. Каждой мѣсяцъ производитъ новыя растенія и цвѣты; мѣсто увядающихъ родовъ занимается вновь происходящими; они открываются по чредѣ. Я и нынѣ видѣлъ въ прохладные утра часы, какъ многіе цвѣточки при зарѣ вновь распускались, какъ младыя отрасли по мѣстамъ изъ нѣдръ возникали. И какое сборище красотъ на поляхъ цвѣтами наполненныхъ! Какое богатство, какое убранство на тюльпанахъ, какая красота на фіалкахъ, которыя скоро

ро

ро появятся! Не подражаемое смѣшеніе красотъ, ихъ согласіе, живое начертаніе, нѣжный видъ, легкой запахъ, на нихъ почивающій, и все чудное сложеніе цвѣтовъ — коль много различныхъ для взора увеселеній!

Между сихъ переговоровъ вставши, мы весь садъ проходили; ясность дня, и пріятность разговора, препроводили насъ до конца его. Исполнившись чувствованіемъ прекрасной природы слѣдовали мы по пути чрезъ одну долину; представилось намъ нечаянно новое явленіе; и, казалось, какъ будто бы все соединялось, чтобъ сію картину многоразличности, о которой мы разсуждали, предъ нами распростерть. Между двухъ холмовъ блеснули намъ въ глаза волны морскія; на сихъ чистыхъ водахъ плавало великое товарищество людей. По разнымъ мѣстамъ въ разсѣяніи стояли ботики, въ которыхъ внимательные сидѣли рыболовы; по брегу простирались холмы виноградомъ усажденные; на высотѣ ихъ показывался сельской домъ изъ средины плодоносныхъ и буковыхъ древесъ, по нижнему ихъ отлогу разсѣялось маленькое стадо козъ гложущихъ кусты; отъ моря простиралась рѣка, на одной странѣ долины, то подъ зеленымъ покрываломъ на-

навѣсившихся кустовъ протекавшая, то глубоко внизъ скорыми волнами при сіяніи солнечномъ скачущими въ спокойную степь стремившаяся. Болѣе, нежели однажды сказали мы, ибо стихотворцы всегда при насъ присутствовали:

Какою сладостїю дышутъ
Кустарникомъ покрыты холмы!
Какой пріятной Зефирокъ летаетъ
Тѣнистыми и орошенными крылами
Въ пріятной сей долинѣ, зеленой и разцвѣтшей! (*)

Такъ — мы постоявъ предъ однимъ высокимъ холмомъ, начинали переходить одну крутизну по другой; тогда же поздравлялъ насъ своимъ часто пѣніемъ возлетающій сюда съ нами жаворонокъ и на одной сторонѣ траву собирающія стада; здѣсь мы на короткое время подъ шумомъ маленькаго отдыхая водопада посматривали назадъ, сколь далеко мы взошли. Тихо шествуя, достигли самой вершины. Какое множество видовъ, какая торжественная веселостей игра; какая картина тысячи улыбающихся зрѣлищъ! Тихой сумракъ простирался предъ взоромъ внизъ устрем-

(*) Уцъ.

ляющимся, когда половина свѣта представлялась въ блѣдномъ сіяніи. Тамъ извиваются цвѣтами наполненныя долины забавными кривизнами по дальновидной сторонѣ, гдѣ гордой съ своими палатами и башнями градъ лежитъ, какъ маленькое и мрачное пятно; вблизи соединяются сады, луга и кустарники между собою; по оному холму ходитъ бѣлое волнистое стадо съ пріятностію изъ зеленѣющихся кустовъ бѣлѣющееся; за нимъ безподобною гордится зеленостію видъ лѣсовъ, всегда своими пространными тѣнями чернѣющихся. Не далеко отъ нихъ лежатъ мирныя хижины; вкругъ ихъ показывается мятущееся трудолюбіе. Посмотрите, какъ тамъ біющіеся волы одинъ отъ другаго потрясаясь и пыль и землю на воздухъ взбрасываютъ; какъ на той же паствѣ младые кони играютъ въ рѣзвыхъ прыганіяхъ; Какъ тамъ отсвѣчивается среди мызы чистой прудъ между насажденныхъ ракитовыхъ кустовъ; какъ сребреновидной по низкой равнинѣ протекаетъ Аръ! Какъ блестятъ различные долинѣ цвѣты, которые въ полной бы сумрачности блѣднѣли, когдабъ отъ отмѣннаго убранства полей классами наполненныхъ они неосвящались. Примѣтьте на правой странѣ рѣку отъ вспѣнившихся вершинъ ліющуюся; ея шумящая

щая вода чрезъ ускоe простираясь отверстіе съ усиліемъ съ камня на камень низвергается своимъ паденіемъ и представляется длиннымъ и какъ млеко бѣлѣющимся столбомъ, производитъ вокругъ себя бѣлой туманъ, и напояетъ нижнюю страну росистыми водами. Оттуда сѣдыя ни однимъ листочкомъ и никакою травою не зеленѣющіяся каменныя горы съ ужасомъ одна на другой лежащія, коихъ никогда не посѣщаемые верьхи среди громовыхъ тучь сокрываются, дико и грубо въ ужасномъ протяженіи простираются; на главахъ ихъ лежитъ солнце, а въ страшныхъ между ими разстояніяхъ нощь; ихъ край есть окончаніе лѣта и начало вѣчной зимы. (*) Между тѣмъ, какъ величіе красотъ въ другихъ мѣстахъ показывается, страна сія еще болѣе увеличивая прелѣсти земли, испещряется тѣнями мимо проходящихъ облаковъ; златомъ и розами рдѣетъ темнолазоревой сводъ небесъ, пурпуромъ украшаются краи его. Какое несказанное великолѣпіе, какое согласное соединеніе въ сихъ сельскихъ зрѣлищахъ!

(*) *Алпійскія горы.*

Среди сихъ многоразличныхъ веселостей успокоившись мы, возвращались назъ въ сельское наше жилище. Гобои пастушеские препровождали насъ при снизхождении; съ ними соглашалось простое пѣние ихъ Галатей; вездѣ эхо возставало; вдали пѣние рога умножало отголосокъ; громко раздавался онъ изъ стоящаго напротивъ лѣсу; тогда тоны начинали помаленьку низпадать; сперьва глухо были слышимы, а наконецъ и замолкли.

Прохладные вѣтры уменьшили жаръ приближающагося полудня; со всѣхъ сторонъ дышали сладкимъ благовониемъ трава и кустарники. Мы достигли нашего дома съ новымъ испытаниемъ, что природа при каждомъ шагѣ представляетъ намъ въ селахъ безмѣрную различность увеселений.

Не давно прибылъ богатой Лизиасъ въ свою вотчину въ нашемъ сосѣдствѣ; четыре лошади имѣли трудность, вести тучное его тѣло; одна коляска съ запасами и виномъ за нимъ слѣдовала. Я знавъ, что онъ ни о чемъ болѣе думать не умѣлъ, какъ только вино оцѣнивать, спросилъ укра-

крашающую наше общество Зелинду: „Чего желаетъ онъ найти въ селѣ? „ Онъ страждетъ подагрою, улыбаясь, отвѣчала она. — Такъ сельская жизнь отъ подагры исцѣляетъ? Конечно; то всѣмъ извѣстно владѣльцамъ: Я многихъ вижу изъ нихъ, которые отъѣжжаютъ въ свои вотчины не имѣя ни какой къ тому обязанности кромѣ своей болѣзни. Такое обыкновеніе показываетъ, что сельская жизнь не совсѣмъ не имѣетъ выгодъ для здравія.

Подлинно, размышлялъ я далѣе весьма естественно, градская жизнь не такъ спокойна; оболщая къ невоздержности, не столько способна, чтобъ можно въ ней было о здравіи имѣть попеченіе, въ спокойныхъ только нѣдрахъ сельской жизни намъ сообщаемое. Здѣсь мы живемъ отъ утренней зари до самаго вечера въ счастливой свободности; никакія тягости, никакія досады не похищаютъ ее у насъ. Наша съ пріятностію согрѣвшаяся кровь спокойно протекаетъ по своимъ жиламъ; наше сердце никакими заботами не отягощенное, никакими угрызеніями не утѣсненное, ни какою страстію не возмущенное въ тайныхъ чувствованіяхъ всегда равнаго удовольствія пребываетъ. Непрестанное движеніе сохраняетъ бодрость;

 мы

мы дышимъ чистымъ и здороваго бальзама исполненнымъ воздухомъ; мы вкушаемъ источникъ здравія подъ кроткимъ вліяніемъ небесъ; часто ходимъ въ прохладныя мыльни; вездѣ бываемъ среди веселостей прекрасной природы, которая, удерживая духъ въ удовольствіи, тогдажъ дѣйствуетъ и на тѣло. Въ самомъ дѣлѣ многіе въ болѣзни прибѣгнувъ въ село, возвращались въ городъ съ укрѣпленными силами и произведеннымъ на щекахъ здоровымъ румянцомъ; многіе въ гражданскихъ дѣлахъ упражнявшіеся люди въ своихъ вотчинахъ пріобрѣли сіе новое отдохновеніе. Поселяне имѣя преимущественно продолжительную крѣпость, не обыкновенно ли продолжаютъ годы свои до сѣдой старости? Въ селахъ меньше порабощаются нѣгѣ и невоздержности, нежели въ градахъ отъ своеволія моды и ея подражанія; болѣе ищутъ упражненій и движенія, болѣе слѣдуютъ въ насыщеніи потребностямъ благородной простоты, которой природа научаетъ. Здѣсь нѣтъ столовъ прянымъ кореніемъ приправленныхъ изъ всѣхъ четырехъ свѣта странъ доставляемыми ѣствами дымящихся; здѣсь нѣтъ собраній половину дня духъ пиршествомъ и виномъ изнуряющихъ, гдѣ на слабыхъ ногахъ въ безуміи и неистовствѣ между собою едва не падаютъ.

Съ

Съ чистотою накрытой столъ или въ зеленой бѣседкѣ, или подъ тѣнію древесъ, снабженной пріятнаго вкуса пищею, которую намъ пруды, лѣса и сады сообщаютъ, составленною изъ сладкаго молока и свѣжихъ овощей, стаканъ съ холодною водою, не большая бутылка не испорченнаго вина, — вотъ что, приглашаетъ насъ къ обѣду; веселость и шутки присутствуютъ съ нами; пріятной концертъ птицъ согласуется съ звѣнящимъ въ честь веснѣ и музамъ стекломъ. Довольнѣе Лукуллы встаемъ отъ сельскаго стола; ни у кого не разгорячается лице; ни у кого желудокъ не требуетъ врача. Отходимъ вечеромъ ко сну, и никакія ночныя компаніи не похищаютъ приходящаго спокойствія; не прерываетъ его ни разгорячившаяся кровь, ни шумъ многолюдства, ни душевная печаль. Съ прохладою протекаютъ ночные часы въ безмолвномъ снѣ; возбуждаемся съ первымъ сіяніемъ утренней зари и упражненія, прогуливаніе и веселости опять для насъ предуготовляютъ извѣстное вечернее спокойствіе.

Зрѣлища утромъ и вечеромъ намъ представляемыя въ селахъ, имѣя собственныя красоты свои, заслуживаютъ здѣсь особливое мѣсто. Ихъ разсматриванiе есть ежедневная наша забава; они содержатъ въ себѣ приманчивость, насъ никогда не отягощающую. Умирающiй Лайнецъ справедливо желалъ при концѣ своемъ увидѣть еще единожды восходящее солнце.

Уже луна (такъ я воображалъ нѣкогда о зрѣлищахъ утра) уклоняется съ своею блѣдною свитою; уже начинаютъ рдѣть по сумрачному небу первыя красоты Авроры. Не чувствительно черныя тѣни оставляя долину, собираются туманы, и кажутся между собою сражающимися, уступая пришествiю солнца. Теченiе рѣкъ и спокойная вода моря покрылися мглою, помаленьку на ближнiе холмы восходящею. Между тѣмъ, какъ по мѣстамъ показываются изъ мрачности верьхи лѣсовъ и домовъ, тамъ открывается длинной кругъ горъ сѣдыхъ съ синимъ небомъ соединяющiйся; здѣсь прохладной вѣтеръ шумя уже на открывшихся ручейкахъ, рѣзвою игрою производитъ маленькiя волны, тамъ съ свѣжихъ листвiй играя росу отрясаетъ. Непрестанно болѣе открывающейся червленной цвѣтъ по облакамъ разливается и

блескъ

блескЪ предЪ приближающимся дня царемЪ предшествующій играетЪ по вершинамЪ каменныхЪ горЪ и холмовЪ последнія капли росы на себя пріемлющихЪ , и возбуждаетЪ всей природы вниманіе кЪ великолепному солнца прибытію. Целой востокЪ воспламеняется ; небо блистаетЪ помавающимЪ сіяніемЪ; чело горЪ белеется ; надЪ зелеными лесами разливается пріятная румяность и дальнія поля, какЪ плаваютЪ вЪ позлащенной ясности. НаконецЪ возвышается солнце надЪ горизонтомЪ , какЪ кипящее огненное море. Лучи его все освящаютЪ ; вдали лежащее твореніе чувствуетЪ его присутствіе. Сіяніе света блещетЪ на орошенныхЪ поляхЪ ; цветы распускаются и смотрятЪ при возбужденномЪ солнце на окропленныя свои листвія; ЗефирЪ віется на свежихЪ растеніяхЪ ; воздухЪ еще прохладенЪ ; жаворонокЪ играетЪ утреннюю свою песню вЪ освещенныхЪ облакахЪ ; вся красота природы разкрывается и движеніе удовольствія пріемлетЪ силу надЪ всеми чувствами. Тонкая мгла , какЪ легкимЪ флоромЪ осеняющая долину , тихо поднимается вЪ чистой воздухЪ ; удаленныя горы изЪ сумрачности ближе представились очамЪ ; взоры наши бегали кругомЪ по освященной стране. Уже давно поселянинЪ отЪ голосу петела возбу-

будившійся оставивЪ свою постелю, приуготовляетЪ полевыя орудія предЪ хижиною, высокими дубами осѣняемЪ и сЪ ближнихЪ луговЪ благовоніемЪ одуваемЪ. При входѣ вЪ рощу стоитЪ елень, увидѣвЪ путешественника рано идущаго; смотритЪ на него сЪ робкимЪ любопытствомЪ и убѣгаетЪ вЪ безопасные кусты. Животныя радуются новому дню и ищутЪ своего пропитанія; волЪ равными шагами ведетЪ стадо на паству; и рѣвЪ и звонЪ колокольчика раздаются по пути; овцы выпрыгиваютЪ изЪ плетней своихЪ; холмы отвѣчаютЪ блѣянію и пастушескимЪ рогамЪ; между тѣмЪ лѣса согласуются сЪ общимЪ природы концертомЪ; сто различныхЪ голосовЪ раздаются до небесЪ; поселянинЪ остритЪ свою косу, собираетЪ траву и поетЪ; все живо и весело. Но всѣ сіи красоты больше чувствованію, нежели изображенію подвержены.

Столько же не изЪяснимы сельскія пріятности вечера. Дневной жарЪ по маленьку уменьшается; засыхающая трава и вялыя листвія древесЪ и цвѣтовЪ опять поднимаются вверхЪ; перепелЪ среди частыхЪ классовЪ запѣваетЪ свою вечернюю пѣснь; воздухЪ наполняется бальзамовымЪ благовоніемЪ; слабость изчезаетЪ и сладкія

кія удовольствій чувствованія разливаются по всей душѣ; коль спокойно и пріятно при прохладномъ вѣяніи Зефира прогуливаться! Но еще болѣе пріятностей имѣетъ сельской вечеръ. Горящій солнца пламень погружается въ западѣ; весь лѣтней домъ отъ него представляется въ великолѣпномъ позлащеніи. И тогда, какъ солнце разсѣвая по горамъ послѣдніе лучи свои, бросаетъ сквозь прерванныхъ облаковъ блистающій свѣтъ и позлащая верьхи лѣсовъ, въ розовыхъ красотахъ изображаетъ себя въ водѣ тогда погасая помаленьку оставляетъ, небеса разливъ по онымъ пріятной румянецъ. Здѣсь любезная Швейцарія, коль пышное зрѣлище другимъ странамъ не извѣстное изображается въ тебѣ вечернимъ сіяніемъ! Твои въ необозрѣваемомъ протяженіи простирающіяся Алпійскія горы, на которыхъ высокія небеса кажутся лежащими, какую неподражаемую природы красоту пріемлютъ на себя при отшествіи солнца: кругомъ вопервыхъ освѣщаются дальніе горъ верьхи; чрезъ тысячу лѣтъ лежащіе снѣги пріемлютъ на себя свѣтлой видъ и вѣчные льды заблистаютъ золотомъ. Скоро потомъ природа погружая кисть свою въ червленныхъ цвѣтахъ, украшаетъ нѣсколько минутъ верьхнія мѣста; всѣ отлоги сильнѣе

освя-

освѣщенные вдругъ начинаютъ блистать, наконецъ по цѣлому горизонту ихъ окружающему ясные разливаются лучи. Питайте взоры ваши сими зрѣлищами, вы Стихотворцы и Живописцы! но искуство ваше должно предъ натурою стыдиться. Въ короткихъ минутахъ снимая свое червленное покрывало, налагаетъ она другое хотя въ меньшемъ великолѣпіи блистающее, но не меньше прелѣстное. Не чувствительно и сіе превращается въ пріятную лазурь, по мѣстамъ испещренную умаляющимся румянцомъ, доколѣ ясныя не погаснутъ красоты и помрачающійся помаленьку фіолетовой неба цвѣтъ изъ одной сумрачности не прейдетъ въ другую, доколѣ наконецъ до небесъ касающіеся горъ верьхи прежде въ свѣтломъ пламени горѣвшіе не покроетъ всеобщая темнота. Теперь уже съ башни вечерней колоколъ зазвенѣлъ по спокойному селу. Изъ дальнихъ полей призывая земледѣльца въ объятіе покоя, или ожидающей его любезной; онъ охотно изъ усталыхъ рукъ своихъ опускаетъ косу, или удерживаетъ плугъ; его вѣрные помощники и служители, его волы увольняются отъ работы своей; самъ онъ кладетъ полевое свое орудіе на рамена свои и шествуетъ тихими шагами къ своей хижинѣ; не безъ удовольствія смотритъ

ритЪ издали при сумракѣ на восходящее изЪ нея куреніе; при входѣ нѣмымЪ выговоромЪ изЪясняютЪ ему радость свою дѣти его; маленькой сынЪ отЪ радости прыгая подноситЪ пойманную ласточку; отецЪ сЪ добросердечіемЪ повелѣваетЪ отпустить ее; сЪ печалію теряетЪ онЪ сію пріятную добычу; между тѣмЪ, за вечернимЪ столомЪ, куда при домашнихЪ расказываніяхЪ матери препровождаетЪ отца своего, опять утѣшается. Тѣни отЪ облаковЪ низпускаяся, ложатся на долинахЪ и восходятЪ на горы; поле оставлено; одни пастухи для веселыхЪ пѣсней собирающіеся слышимы еще были вдали.

Dicunt in tenero gramine pinguium,
Custodes ovium carmina fistula,
Delectantque Deum, cui pecus & nigri
Colles Arcadiæ placent.

При ихЪ пѣніи восходитЪ луна изЪ за черныхЪ лѣсовЪ; всѣ листочки, гдѣ свѣтЪ ея появится, играютЪ вЪ тихомЪ сіяніи; блѣдное ея лучеотраженіе блещетЪ на быстрой рѣкѣ. ВЪ кустахЪ и лугахЪ царствуетЪ безмолвіе; отЪ плуга освобожденный волЪ покоится и агнецЪ спитЪ вЪ безопасности. Ничего не слышно кромѣ глухаго шума Ары, кромѣ маленькаго вЪ саду журчащаго ручейка, или источ-

точника , кромѣ шуму древесъ или голоса Хлои , которая украшая вечеръ , поетъ пѣсни изъ Глейма и Гагедорна и Вейса , играя на клавикордахъ и сладкому своему пѣнію свистящаго соловья ревновать заставляетъ. Блѣдное луны сіяніе, которая по синему , кажется , плаваетъ своду надъ нами, умножается восходящими звѣздами , которыя по нѣкоторымъ мѣстамъ блистать начинаютъ , доколѣ наконецъ цѣлое небо не изчетными и до безконечности возженными огнями не засверкаетъ. Какое зрѣлище ! Безмолвное удивленіе объемлетъ духъ мыслящаго Философа, и пріятныя чувствованія разливаются по его сердцу , когда онъ нѣкоторые часы похищаетъ у сна на разсматриваніе полунощныхъ красотъ и пламенѣющихъ небесныхъ чудесъ. Сіи огни разсѣвая по полямъ свое сіяніе , на одной странѣ оной горы мещутъ тихой свѣтъ оставляя другую половину въ пріятной лежать тѣни. Часто скрывается оной царь нощи подъ завѣсою проходящихъ облаковъ ; сетуетъ тогда дальновидная страна и холмы и долины погружаются во всеобщей мрачности. Но скоро опять выступаетъ онъ изъ протекающихъ облаковъ ; все снова улыбается при сребреновидномъ сіяніи. Тамъ блещетъ сквозь дальнихъ кустовъ лампада,

да, можетъ быть служащая позднымъ нощнымъ бодрствованіямъ мудреца о природѣ разсуждающаго и о благополучіи сельской жизни размышляющаго. Тихо разливается по воздуху роса и нощная фіалка дышетъ благовоніемъ пріятнѣе; истощенныя жалобы соловья раздаются въ ближнихъ кустахъ и производятъ нѣжное уныніе. Какъ скоро въ душѣ успокоивается усиліе страстей, когда вся природа молчитъ и самое воздуха дыханіе утихло! Съ коликимъ спокойствіемъ все сердце само въ себя заключается и начинаетъ само съ собою въ тайныя вступать разсужденія; доколѣ сонъ не опустится на глаза и пріятныя мечтанія не возхитятъ всегда бодрствующаго воображенія!

Пиѳагоръ лучше, кажется, древнихъ Философовъ понималъ сельскую жизнь; плѣнителенъ и уваженія достоинъ родъ жизни, учениками его препровождаемой. Съ восхожденіемъ солнечнымъ они возставали; забавлялись пріятною музыкою и наконецъ учились, прогуливаясь по лѣсамъ и уединеннымъ странамъ, гдѣ тишина, безмолвіе и важные природы предметы, трогая духъ вперяли въ него превосходныя вдох-

вдохновенія, они между собою сообщали свои примѣчанія; каждой вечерѣ оканчивался какимѣ нибудь полезнымѣ духа упражненіемѣ. Вѣ самомѣ дѣлѣ кѣ пріятнѣйшимѣ сельской жизни выгодамѣ принадлежитѣ безмолвіе, для размышленій намѣ данное и уединеніе сѣ побужденіемѣ кѣ ученію, часто насѣ приглашающее. Безпрепятственное употребленіе времени, вольность духа, предметы вѣ природѣ, веселость вѣ мысляхѣ производящіе; все возбуждаетѣ сельскую жизнь посвящать на науки. „Сколь много дней вѣ городѣ я „самѣ у себя похитилѣ безполезными дѣ„лами? Мысль сія, пишетѣ Плиній, „часто меня безпокоитѣ, какѣ я вѣ моемѣ „Лаврентинѣ пишу или читаю, или мое „ученіе прерываю тѣлодвиженіемѣ; хоро„шее состояніе тѣла моего великое имѣ„етѣ на душу вліяніе. Здѣсь я ничего „не слышу и ничего не говорю, вѣ чемѣ „бы послѣ раскаиваться могѣ. Никто „не дерзаетѣ, поносными словами предо „мною другаго здѣлать ненавистнымѣ; я „самѣ никого не порицаю, кромѣ себя „самаго, естьли сочиню не хорошо. Ника„кая надежда и никакой страхѣ не при„водитѣ меня вѣ разсѣяніе; никакая мол„ва не прерываетѣ моего спокойствія. Я „самѣ сѣ собою, и сѣ моими книгами бѣ„сѣдую.

„ сѣдую. О благородное уединеніе: О жизнь „ исполненная невинности! Прохладное „ спокойствіе, коль ты прилично для че- „ ловѣка, ты превосходнѣе почти всѣхъ „ упражненій! Ты море, ты тихое при- „ станище, спокойная для ученія камора „ моя, коль много благородныхъ мыслей „ вы производите? Бѣги, другъ мой Фун- „ данъ изъ шумныхъ градовъ, отъ сихъ „ суетныхъ упражненій и отъ множест- „ ва безполезныхъ трудовъ, посвяти себя „ всего наукамъ и ученому спокойствію. „ Прекрасные сельскіе дни даны для того, чтобъ напоить насъ всѣми удовольствіями не низшими достоинства нашей природы. Сіи удовольствія бываютъ отчасти чувственныя, и отчасти такія, которыя разумной упражняютъ духъ. Оные, естьли только они находятся, опредѣлены для тѣхъ людей, которые по неспособности, по воспитанію и по особливому роду жизни не могутъ далѣе возвышаться. Мудрой же не довольствуется первыми впечатлѣніями, которыя предметами природы въ немъ производятся. Онъ не доволенъ, что взоръ его видъ солнца, или веселаго поля ему представляетъ, что пѣніе птицы забавляетъ слухъ его. Онъ старается проницательною разума силою изслѣдывать порядокъ, связь и намѣреніе въ неисчетныхъ

явленіяхЪ сельскою жизнію, столь прелѣстно ему представляемыхЪ; занимаясь сими испытаніями, старается духЪ свой пріучать кЪ познанію вѣчныхЪ законовЪ природы и имЪ слѣдовать во всѣхЪ своихЪ нравственныхЪ поступкахЪ. ВЪ семЪ состоитЪ истинное удовольствіе благороднаго духа; сіе есть важнѣйшее званіе разумнаго человѣка, когда онЪ вЪ сельскомЪ жилищѣ со всѣхЪ сторонЪ окружается красотами природы. „Можно ли, говоритЪ Се„нека, быть не довольнымЪ, когда духЪ „освободясь отЪ всѣхЪ странныхЪ размыш„леній, занимается только самЪ собою? „Я иногда утѣшаясь острыми сочиненія„ми, иногда разсуждаю о истиннѣ, о че„ловѣческой природѣ и о существѣ вещей. „Я возношусь кЪ самому божеству; по„всюду представляются мнѣ прелѣстнѣй„шіе виды. ДухЪ мой никогда не те„ряетЪ изЪ глазЪ своего безсмертія; я „питаю его всемЪ, что природа ни имѣетЪ „рѣдкаго и примѣчаній достойнаго. „Удовлетворяетъ недостаткамЪ нашего духа упражненіе вЪ сочиненіяхЪ мужей, упражнявшихЪ силы разума своего вЪ изысканіи правилЪ, которымЪ мудрость сама вЪ расположеніи вещей слѣдуетЪ. ИхЪ духЪ сообщается сЪ нашимЪ духомЪ и чѣмЪ правильнѣе дѣлаются размышленія наши

о дѣлахъ природы; тѣмъ ближе восходимъ мы къ Божеству, тѣмъ болѣе исполняемъ намѣреніе нашего на семъ прекрасномъ шарѣ пребыванія. Размышленіе о природѣ есть пища духа, живительную силу на цѣлой день ему сообщающая; есть защитительное орудіе противъ склонности къ безполезному времяни препровожденію; есть неизсыхающій источникъ веселости и удовольствія въ товариществѣ, есть важнѣйшее свойство истинной философской въ селахъ жизни, которой мудрые какъ величайшаго человѣческаго благополучія всегда искали. И такъ да будетъ оно всегда жертвою, нашимъ духомъ каждое утро красотамъ года приносимою.

Кто однажды возчувствовалъ пріятность знаній, никогда уже тотъ не прервѣтъ съ ними своего обращенія; „ Они съ „ нами путешествуютъ, съ нами живутъ „ въ деревнѣ; „ и никакой лѣтней домъ такъ не достоинъ уваженія какъ тотъ, которой отъ градскихъ безпокойствъ исторгнувшимся музамъ безмолвной отверзаетъ въ себѣ храмъ. Римъ своихъ героевъ и политиковъ къ себѣ изъ селъ призывалъ; и ихъ историки не позабыли при ихъ блистательныхъ и въ Сенатѣ и на полѣ заслугахъ примѣтить ихъ сельское

вЪ наукахЪ упражненіе. Коль многія родились превосходныя дѣла вЪ нѣдрахЪ сельской жизни! Коль многія произошли не подражаемыя поемы отЪ превосходнаго духа, спокойствію и впечатлѣніямЪ сельской жизни предавшагося! СЪ ненасытнымЪ еще удовольствіемЪ читаемЪ мы живыя начертанія РимскихЪ стихотворцевЪ; зеленѣются еще вЪ ихЪ описаніяхЪ нѣкоторыя мѣста Италіи, и вЪ самыхЪ опустошеніяхЪ АддисонЪ ихЪ еще узнаетЪ. Природа ихЪ одушевляла, и Поезія была истолковательницею чувствованій. Вида имянно совѣтуетЪ стихотворцамЪ удаляться вЪ села и Горацій, которой печалился, когда дѣла призывали его вЪ РимЪ, предпочитая свой ТарентЪ двору и довѣренности Августа, говоритЪ, что все собраніе писателей убѣгаетЪ градовЪ, и ищетЪ лѣсовЪ; Проперцій, КвинтиліанЪ и другіе многіе представляютЪ тому примѣрЪ. ПослѣихЪ стихотворцы всѣхЪ временЪ были любители сельской жизни; повсюду находимЪ мы вЪ ней пріятной видЪ; вездѣ привлекательность кЪ ея удовольствіямЪ. Можно бы цѣлую прекрасную собрать библіотеку изЪ сочиненій нашихЪ и иностранныхЪ стихотворцевЪ сельскую жизнь воспѣвавшихЪ; какоебЪ она сообщала намЪ упражненіе? МногимЪ сіе извѣстно, ко-

торые

торые ее уже имѣютъ. Здѣсь помѣщаю я взятое отъ другихъ примѣчаніе. „ Читая „ Буколику и Георгику Виргилія, не мож- „ но воздержаться и не сказать съ Гора- „ ціемъ, что сельской жизни музы въ сего „ стихотворца вдохнули всѣ свои пріят- „ ности и красоты. Сіи пастушескія пѣсни „ весьма способны, учиняя сельскую жизнь „ пріятною, убѣдить людей, чтобъ они „ сладкое спокойствіе ея, шумнымъ весе- „ лостямъ градскимъ предпочитать на- „ учились. Оные кровожаждущіе люди ни „ чемъ, какъ только войною дышущіе, „ всегда будутъ читать ихъ съ выгодою; „ они почерпнутъ изъ нихъ кротчайшія „ мысли, ихъ счастію болѣе служащія; „ Для нихъ Виргилій есть новой Орфей, „ которой для того только касается ли- „ ры своей, чтобъ побудить ихъ къ оста- „ вленію безчеловѣчія, и соединить ихъ „ союзомъ обыкновеній и законовъ. „

Я обращаюсь къ разумнѣйшимъ читателямъ. Они вѣдаютъ, что чтеніе стихотворцевъ болѣе пріятности имѣетъ въ селѣ, нежели во градѣ. Когда они сообщаютъ намъ начертаніе прекрасной страны и невинность и красоту сельской жизни, за удовольствіе тогда почесть можно его сравнивать съ самою природою. Она

есть способная и пріятная истолковательница ихъ сочиненій; съ нею мы всегда совѣтоваться можемъ. Подлинно, разумъ въ спокойномъ лѣтнемъ жилищѣ, болѣе открывается, нежели въ градскомъ шумѣ; духъ бываетъ веселѣе, вкусъ тончае и живѣе для возчувствованія красотъ стихотворческихъ. Живая воображенія сила и память обогащенная прекрасными сочиненій мѣстами, умножаютъ удовольствіе сельской жизни; они возвышаютъ чувствованіе представляющихся въ природѣ красотъ, и производятъ ихъ тамъ, гдѣ они въ пренебреженіи быть кажутся. Многіе дни и многія мѣста болѣе намъ нравятся, когда стихотворецъ вмѣшиваясь въ наши чувствованія, явленія природы въ ихъ истинномъ показываетъ положеніи, въ которомъ бѣглыми взорами мы часто ихъ не усматривали; ибо духъ нашъ долженъ возбуждаемъ быть нѣкоторымъ пріятнѣйшимъ образомъ, когда онъ въ надлежащемъ расположеніи къ красотамъ творенія находится, къ чему онъ съ начала опредѣленъ. Возчувствованное воображенія съ природою согласіе возбуждаетъ новое удовольствіе. Но ничто такъ не возвышаетъ цѣну сего удовольствія, какъ то, когда стихотворецъ столько мудръ, что сердце вмѣшанными въ сочиненіи нравственными черта-

чертами къ чувствованіямъ добродѣтели препровождаетъ Оно будучи нѣжно, тотчасъ трогается пріятными чувствованіями, и тогда охотно пріемлетъ впечатлѣнія, легкимъ натуральнымъ нравоученіемъ въ сіи минуты дѣлаемыя. Оно плѣняется въ то время, когда ничего не ожидало, и чувствуетъ чрезъ сей родъ плѣненія удовольствіе. При каждомъ напоминаніи изображеній, стихотворцомъ съ толикою красотою съ природы начертанныхъ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ возобновляется чувствованіе добродѣтели.

Зритель за нужное почелъ красавицъ предостеречь отъ опасностей, и сей хорошій нравоучитель то не безъ справедливости сдѣлалъ. Я не предостерегаю моихъ прекрасныхъ читательницъ; онѣ любя полезное чтеніе, знаютъ, что весна никогда столь пріятна не бываетъ, какъ при невинности сердца. Я представляю себѣ, какъ онѣ иногда подъ тѣнію древесъ, иногда на брегахъ прохладныхъ потоковъ прогуливаются, иногда подъ зеленымъ сводомъ уединенной бѣседки сидятъ при благовоніи; какъ онѣ иногда чтеніемъ, иногда взаимными разговорами научаются чувствовать трогательныя мѣста изъ сти-

 хо-

хотворцевъ, съ красотами природы и добродѣтель воспѣвавшихъ. Сіе явленіе не то заслуживаетъ, чтобъ только представляемо было однимъ воображеніемъ; я вѣдаю, что оно имѣетъ въ себѣ и справедливость.

Какъ одни изъ сельскихъ обитателей имѣютъ предразсудокъ, что будто сельскіе въ лѣтнемъ жилищѣ дни употреблять должно только на чувственныя и шумныя веселости, такъ находятся другіе, которые совсѣмъ безъ всякаго кажутся чувствія, погружая духъ въ вѣчной немощи сна. Трудно найти выраженіе, чтобъ такъ естественно означить имъ таковыхъ людей. Столь мало понять можно сіе состояніе души въ пріятнѣйшемъ года времяни! Они тожъ значатъ въ своихъ лѣтнихъ домахъ, что статуи въ ихъ садахъ. Всегда ихъ видятъ въ одинаковомъ положеніи безъ дѣятельности и безъ движенія. Ихъ ничемъ не занятая душа подобна пустынѣ, никакихъ весны слѣдовъ и никакой лѣта надежды въ себѣ не имѣющей. Одинъ изъ моихъ сосѣдовъ благородной Өиль между ими занимаетъ первое мѣсто. Тогда, какъ солнце на полдневную уже восходитъ высоту, и по се-

ля-

дянинъ многіе часы обливается потомъ, онъ и тогда еще храпитъ въ глубокомъ снѣ. Наконецъ поднимается съ унылою мѣдленностію, зѣваетъ на солнце и смотритъ сонливыми глазами на прекрасную природу. Пьетъ кофе, и скоро потомъ предлагается обѣдъ. Между тѣмъ, какъ дватцатью руками трудятся въ кухнѣ за пріуготовленіемъ кушанья; онъ пресмыкается при своей мужественной силѣ, обернутъ въ шлафоркѣ, держа трубку съ табакомъ, изъ одного покоя въ другой, выглядываетъ въ окно, или садится предъ дверями на софу, вездѣ продолжительнымъ мучась времянемъ, съ нетерпѣливостію ожидаетъ позыва къ обѣду. Продолжительной и желанной часъ ударяетъ. Онъ садится за столъ рѣдкимъ кушаніемъ курящійся; ѣстъ и пьетъ до излишества; пустые и глупые иногда съ своимъ управителемъ, иногда съ служителями разговоры препровождаютъ обѣдъ его; Онъ встаетъ съ отягченною головою —— и что теперь начнетъ? Не что иное, какъ послѣполуденное отдохновеніе. Съ лѣностію повергаетъ утучненное свое тѣло на мягкоуубранную постелю; душа, которую въ немъ едва примѣтить можно, ни о чемъ не имѣетъ размышленій, какъ только о мухахъ во снѣ его безпокоющихъ.

Между тѣмъ цѣлой домъ наблюдаетъ строгое повелѣніе, чтобъ ни малѣйшаго не произвести шума; служители ходятъ тихими шагами, съ дрожащею боязливостію; и безмолвіе такъ хранятъ, какъ во храмѣ, гдѣ нѣкоторой богъ послѣ великихъ покоится дѣлъ. Онъ спитъ до пятаго часу; и кофе опять готово. Съ полузакрытыми глазами шатается вставъ съ постели, какъ отъ болѣзни разслабѣвшій; выпиваетъ нѣсколько чашекъ, зажигаетъ Кнастеръ, и выходитъ мѣдлительными шагами въ садъ. Ни одна въ природу вникающая мысль, ни одно благородное чувствованіе не препровождаетъ сію несчастную душу. Садится въ бесѣдку, смотритъ на погоду, любопытствуетъ въ календарѣ, велитъ принести подлой романъ, начинаетъ читать и опять перестаетъ, глядитъ на улицу, и спрашиваетъ о проходящихъ. Не чувствительно часъ ужина приближается; онъ уже тщательно радвѣдалъ и число и имена кушаньевъ. При столѣ всегда одикаковое наблюдаетъ правило, и, естьли сосѣдственная винныхъ героевъ толпа нечаянно его не застанетъ, онъ опять отходитъ на постелю. Вотъ сельская жизнь Ѳиля! И сколько онъ ни имѣетъ чувствованія, можетъ ли она почесться человѣческою? Не

должнолибъ было въ особливой его заключить домъ больныхъ; тамъ бы онъ въ уединенiи для себя самаго несчастные дни жизни своей оплакивалъ, когда не для свѣта, но для утучненiя своего только тѣла живетъ, когда кажется, что едва ли онъ къ человѣческому принадлежитъ роду.

Въ самомъ дѣлѣ, вы подобящiеся ему владѣльцы! Таковаго свойства душу имѣющiй недостоинъ, чтобъ прiяли его въ сельское жилище. Оно для тѣхъ только посвящено, которые внимательной духъ и чувствительное къ красотамъ природы сердце въ него съ собою приносятъ. Столь многiе знаменитые празднолюбцы, которые лѣто почитая времянемъ жаровъ, съ нечувствительностiю, съ которою они зимнiя ночи во снѣ препровождали, посѣщая селы, при всѣхъ дѣлахъ, кромѣ общихъ имъ съ животными, пребываютъ въ недѣятельности; сiи должны лучше въ стѣнахъ градскихъ пресмыкаться, нежели среди веселостей сельской жизни, которыми они насладиться не могутъ.

Справедливо, что мы отягчены дѣлами, не полагая празднаго между трудовъ разстоянiя, силы свои почувствовали бы весьма слабыми къ другимъ предпрi-

пріятіямЪ; справедливо, что мы должны предаваться для возобновленія силЪ своихЪ спокойствію. Величайшее вЪ важныхЪ дѣлахЪ утружденіе умножаетЪ права на пріятное отдохновеніе. Лѣтней домЪ отЪ шуму свѣта, отЪ безпокойства гостей, отЪ утомляющихЪ церемоній оковЪ удаленной, посправедлнвости кажется для сихЪ нашей природы потребностей опредѣленЪ. Но видя кого нибудь, что онЪ вЪ вѣчной лѣности пребывая, посѣщаетЪ деревню, чтобЪ еще свободнѣе вЪ ней предаваться своей недѣятельности; видя желалЪ бы сЪ довольною убѣдительностію посовѣтовать, чтобЪ онЪ назадЪ удалился.

Нигдѣ недѣятельность столь постыдныхЪ не находитЪ себѣ нареканій, какЪ вЪ селахЪ. Вся природа упражняется, чтобЪ исполнить намѣреніе Творца своего и выгоды человѣческія; земля безпрестанно содержаніе столь многимЪ тысячамЪ твореній производитЪ изЪ нѣдрЪ своихЪ. Животныя вЪ полномЪ смятеніи созидаютЪ свои жилища, пекутся о дѣтяхЪ своихЪ и собираютЪ на зиму запасЪ; народЪ на поляхЪ и лугахЪ предЪ нашими глазами сноситЪ всѣ тягости жара, своимЪ потомЪ изготовляя намЪ пропитаніе. Со всѣхЪ странЪ предметами вЪ полномЪ для

насЪ

насъ движеніи находящимися быть окружаему; отъ утренней зари до позднаго вечера видѣть сто зрѣлищъ трудолюбія; и ни за какое человѣческаго общества полезное упражненіе не принимаясь, духъ свой достоинству сельской жизни соразмѣрными не занимать разсужденіями. — какое состояніе можетъ быть бѣднѣе сего?

Опытъ показываетъ, что многіе какъ Оѳиль жизнь свою въ селахъ безполезно провождающіе владѣльцы, ничего болѣе не показавъ кромѣ жалостныхъ увядшаго разума остатковъ, наконецъ столь безсмысленны становятся, что посмѣшищемъ разумнаго свѣта дѣлаются, какъ скоро къ нимъ появятся. Всякъ видитъ, откуда сіе происходитъ; сіе есть недостатокъ человѣка, а не сельской невинной жизни. Недѣятельность предлагаетъ человѣку ложное удовольствіе; она сама себя наказываетъ омерзѣніемъ и досадою, которыя съ нею не разрывны. Она умерщвляетъ душевныя силы безъ упражненія слабыми и безполезными учинившіяся; страсти возникаютъ, какъ ядовитыя насажденія; благороднѣйшія способности; которыя питаясь упражненіемъ, произвели бы тысячу превосходныхъ дѣйствій, изсыхаютъ какъ трава среди жаркихъ лѣт-

нихъ

нихъ дней, никогда дождемъ не прохлаждаемая. Извѣстно такъ же, что никто удовольствія сельской жизни такъ не возчувствуетъ, какъ тотъ, которой въ различныхъ упражненіяхъ его состоянію, его вкусу и достоинству человѣческой природы соразмѣрныхъ, ее препровождаетъ.

Удовольствію нами въ сіе годовое время въ селахъ вкушаемому какъ души не доставало бы, естьлибъ его тихое спокойствіе сердца не препровождало. Не рѣдко въ сіе время востаютъ страсти, и кажется, что онѣ отъ жару солнечнаго возжигаются; сіи несчастныя страсти возмущаютъ разумъ; заражаютъ сердце и портятъ вкусъ, которой избѣгая невинныхъ удовольствій въ разсматриваніи природы, весь погружается въ низкихъ увеселеніяхъ. Весьма часто человѣкъ самъ и съ нимъ въ соединеніи находящіяся вещи нарушаютъ душевное спокойствіе, которое необходимо нужно, естьли мы сладкими природы пріятностями наслаждаться желаемъ. Тщетно сего удовольствія духа отъ природы человѣку предоставленнаго, къ которому онъ живое чувствуетъ удовольствіе, ищутъ у временщиковъ двора, гдѣ рев-

ревность съ завистію владѣя духомъ, гдѣ страхъ, чтобъ не потерять достоинство, или желаніе, чтобъ достигнуть вышшаго соединяются съ лестію и не правосудіемъ, гдѣ обманъ и хитрость, проходя подъ маскою дружества, путь счастія склоняютъ къ вѣчному смущенію духа. Тщетно ищутъ его въ палатахъ богачей, гдѣ трудность, съ которою богатство собирается, и боязливость, чтобъ его не потерять, попремѣнно открываются, гдѣ или сребролюбіе терзаетъ душу, или непрестанная недовѣрчивость снѣдаетъ удовольствіе быть среди праводушныхъ людей, или жизнь мотовство заражаетъ; гдѣ среди хранилищъ собранныхъ сокровищь обитаетъ уныніе, и угрызающая совѣсть, осуждая богача за слезы ограбленныхъ вдовицъ. Тщетно его ищутъ въ большихъ градахъ, въ непрестанномъ смятеніи торжищей, гдѣ волны попеченій отъ одной страны повергаютъ къ другой, гдѣ тысячи дѣлъ занимаютъ душу, что она непрестанно носясь внѣ себя, ходитъ за предметами, которые никогда ея желаніямъ не удовлетворяя, никогда не могутъ ей сообщить истиннаго спокойствія.

Удовольствіе источникъ свой имѣетъ въ мудрости, въ невинности духа, въ успо-

покоивающемся исполненіемъ должностей своихъ сердцѣ, которое господствуя надъ страстями, великое знаніе ихъ удовольствовать, понимаетъ; сіе удовольствіе бываетъ лучшимъ нашимъ спутникомъ, когда мы въ сельскіе поспѣшаемъ домы. Когда ни мраморныя палаты, ни блестящій пурпуръ, ни драгоцѣнныя вина насъ удовольствовать не могутъ; тамъ для чегожъ имѣя спокойное сердце въ сельскомъ жилищѣ, желаемъ гордыхъ зданій и суетныхъ вещей? Почто хотимъ спокойную долину перемѣнять на отягощающее насъ богатство? (*) Имѣя маленькую и насъ содержащую часть земли, здоровье бодрость духа подкрѣпляющее, число друзей мудрость и душевное благородство имѣющихъ, библіотеку красотамъ и добродѣтели научающую, имѣя совѣсть каждое удовольствіе пріятностію растворяющую, мы позабываемъ забавы Двора и милости Государя. Мы никому не завидуемъ въ позлащенныхъ его тягостяхъ; кто хочетъ, носи удручающія его цѣпи, скрывай свое уныніе подъ притворною веселостію и претерпѣвай свое рабство подъ видомъ величества. Мы довольствуясь своимъ состояніемъ

(*) *Горацій*

нїемъ и дарованною провидѣнїемъ участїю, живемъ удалены отъ безпокойствъ и опасностей величїя въ безмолвной сельской неизвѣстности. Мы смѣемся надъ бѣдными трудами бѣгающихъ за тѣнїю! Мы довольны, когда ни кѣмъ не примѣчаемы, только предъ глазами праводушныхъ друзей, подъ сѣнїю селькой жизни препровождаемъ не винные дни въ удовольствїи, которому никто не завидуетъ и никто не удивляется. Толь часто холодной ручей по нашей деревнѣ протекающей насъ прохлаждаетъ; чтожъ мы еще болѣе отъ промысла испрашивать можемъ, какъ только бы онъ то, что мы имѣемъ, хотябъ оно и меньше еще было, для насъ сохранилъ; только бы мы, естьли сколько жить должны, для себя жить могли; только бы въ книгахъ и въ жизненыхъ потребностяхъ въ будущее время недостатку не было. Довольно для насъ, когда чистая одѣжда покрываетъ члены наши, когда сидимъ за приправленнымъ умѣренностїю столомъ, гдѣ въ изобилїи истощается произведенїе садовъ и стадъ, когда ни одинъ обиженной поселянинъ не приноситъ на насъ жалобъ своихъ; когда ничто насъ не окружаетъ, какъ только невинность и нѣсколько благородныхъ друзей. Ничто не возбуждаетъ насъ къ за-

 вис-

висти, или глупому подражанію, ни пышная роскошь, ни шумное великолѣпно одѣтыхъ слугъ множество, ни унижающаяся услужливость. Спокойствіе душъ нашихъ, подобящееся ясному утру весны, когда дыханіе вѣтра ни воздухъ, ни чистую ручейка равнину не движетъ, ни отъ какого наружнаго блеску не исчезаетъ. Его не нарушаетъ ни безпокойство домашнее, ни порицательное злословіе гражданина.

Non iſtic obliquo oculo mea commoda quiſquam
Limat, non odio obſcuro morſuque venenat. (*)

Мы шествуемъ къ садамъ, или посѣщаемъ тѣнистые лѣса, садимся на зеленой долинѣ, на брегу прозрачнаго источника; вездѣ обрѣтаемъ новое возбужденіе къ удовольствіямъ духа. Ясной день, прогуливаніе при лунномъ сіяніи, каждой разпускающійся цвѣтокъ, тихокаплющій дождь есть для насъ источникъ спокойнаго удовольствія; все, что натура намъ предлагаетъ, учиняется частію нашего счастія.

Тотъ

(*) *Горацій*

Тотъ только пріятенъ небесамъ, кто удалившись отъ сонмища глупцовъ, покоится при источникѣ — пробуждается и поетъ. Для него солнце востокъ украшаетъ пурпуромъ, для него благоухаютъ луга и поетъ соловей. Не слѣдуетъ за нимъ раскаяніе среди зыблющейся нивы, по долинѣ среди стадъ и среди виноградныхъ кустовъ. Приправа пищи его есть работа; кровь его есть тонкая какъ ѳеиръ. Сонъ протекаетъ вмѣстѣ съ нощію, и утренній Зефиръ возбуждаетъ его.

,, Счастливъ тотъ, такъ описываетъ Рапинъ спокойное сельское удовольствіе, счастливъ тотъ, кто обремененъ трудною тягостію дѣлъ, далекъ отъ смятенія и движенія народнаго, убѣгаетъ иногда подъ тѣнь наслѣдственнаго помѣстья, гдѣ онъ свободенъ отъ всѣхъ попеченій съ веселымъ духомъ покоится; гражданской шумъ перемѣнивъ на деревню, отдыхаетъ послѣ градскихъ не удовольствій. Уклоняется ли онъ тамъ отъ полдневнаго жару солнца, приглашаетъ ли его вечеръ чистымъ восхищаться небомъ, или на высокія выходя горы увеселяться пріятнымъ видомъ полей, повсюду послѣдуетъ за нимъ прелѣстная радость. Онъ можетъ прогуливаться

 ,, среди

„ среди высокихъ рощей, когда птицы „ весь лѣсъ оживотворяютъ по утру сво- „ имъ пѣніемъ, и ревъ воловъ слышится „ изъ высокой травы, при возвращеніи „ тучныхъ коровъ въ стойло ихъ; онъ „ можетъ или цвѣты разсматривать, или „ источники посѣщать, или по всей де- „ ревнѣ иногда здѣсь, а иногда тамъ свои „ попеченія разсѣвать; никогда не будетъ „ онъ веселыми проницаемъ чувствованіями, „ помышлять о глупой чести двора и о- „ городѣ. Лѣса и ручьи чистое изъ не- „ винной сельской жизни проистекающее „ удовольствіе, постеля на травѣ и сонъ „ среди цвѣтовъ, понравятся больше, неже- „ ли великолѣпное жилище. „

Самая жизнь низкаго поселянина коль завистна кажется въ изображеніяхъ толь многихъ стихотворцевъ! Здѣсь представляю я сію картину Курхилла и Виргилія. „ Поселянинъ въ низкомъ состояніи рож- „ денный, грубо воспитанный, удовольст- „ віе богатствомъ, а нищету своею за- „ щитою имѣющій, въ дѣлахъ своихъ простъ „ и справедливъ, въ совѣсти чистъ, поро- „ ками не зараженъ, которой при посред- „ ственномъ стяжаніи, при малыхъ по- „ требностяхъ въ трудахъ свое упражне- „ ніе и удовольствіе находитъ, сей посе-

„ ля-

,, лянинЪ вЪ одинЪ часЪ вкушаетЪ больше
,, удовольствія , нежели во всю жизнь
,, кЪ могуществу осужденный нещастьли-
,, вецЪ. Оживотворенъ здравіемЪ, встаетЪ
,, вмѣстѣ со днемЪ, идетЪ на свою рабо-
,, ту, какЪ бы шествовалЪ на игру. Про-
,, тивЪ жару и мраза вЪ слабость насЪ
,, приводящаго всегдашнимЪ навыкомЪ у-
,, крѣпившись, сноситЪ все не жалуясь на
,, то, отЪ чего бы мы умереть думали.
,, Его обѣдЪ кратокЪ, и его пища малаго
,, стоитЪ иждивенія. Жажду свою уто-
,, ляетЪ изЪ чистаго вблизи источника,
,, онЪ никакихЪ не требуетЪ похлѣбокЪ;
,, голодЪ его есть поварЪ его. Когда роса
,, ниспадаетЪ, и солнце за горы погру-
,, жается, когда во всѣхЪ хижинахЪ вдругЪ
,, зажженные огни возвѣщаютЪ ему ужинЪ,
,, издали блистая утомленнымЪ его взо-
,, рамЪ; тогда возвращается онЪ вЪ домЪ,
,, вкушаетЪ сЪ сильными и крѣпкими дѣть-
,, ми чистую и грубую пищу, нѣжною
,, женою предЪ приходомЪ его изготовлен-
,, ную, и любовію приправленную. ,, О со-
вершенно счастливой поселянинЪ, такЪ
изображаетЪ его Римской стихотворецЪ,
естьлибЪ онЪ только свое счастіе узналЪ!
Ему изЪ нѣдрЪ своихЪ праведная земля
удаленная отЪ гражданскихЪ раздоровЪ,
его малое содержаніе даетЪ ему сЪ лихвою.

 Не

Не изтекаетъ изъ его хижины множество служителей, какъ по утру изъ покоевъ великолѣпныхъ палатъ; не видно у него ни столповъ черепаховою костiю обложенныхъ, ни золотомъ украшенныхъ одеждъ, ни Кориноской мѣди; не блещетъ онъ пурпуромъ; не имѣетъ благовонныхъ мастей; но онъ имѣетъ все, что недостатокъ сихъ градскихъ прикрасъ, до безконечности вознаграждаетъ, онъ имѣетъ надежное спокойствiе, жизнь никакого обмана не знающую, и тысячу различныхъ сокровищъ. Здѣсь находятся гроты, животворные источники, прiятныя и прохлады исполненныя мѣста, ревущiя стада, спокойной сонъ подъ древесами, лѣсъ и ловля, къ трудамъ и умѣренности привыкшее юношество, постоянство, почтенные и съ непорочностiю живущiе старцы, у которыхъ правда, возвращаясь отъ земли на небеса оставила послѣднiе свои слѣды. Не трогаетъ поселянина ни высочайшая власть правителей, ни порфира Государей, ни раздоры вѣроломныхъ гражданъ безпокоющiе, ни война Дакiанъ, ни статскiя дѣла Рима, ни погибель государства; онъ свободенъ отъ мученiй сожалѣнiя, не видя никого въ бѣдности; онъ свободенъ и отъ зависти къ богатымъ. Срывая плоды представляемые его древами,

ми; срѣзываетъ и то, что съ щедростію приноситъ земля его. Онъ не знаетъ ни строгихъ правъ, ни шумныхъ споровъ судебныхъ мѣстъ, ни мѣстъ народныхъ собраній. Пусть другіе обтекаютъ пространныя моря, повергаются на мечи, продираются во дворъ, и получаютъ милость Князей; пусть они разрушаютъ города и несчастные домы, чтобъ послѣ пить изъ сосудовъ драгоцѣнными каменьями украшенныхъ, и спать подъ пурпуровымъ покрываломъ; пусть они исполнившись сребролюбія скрываютъ свои сокровища, и на ископанномъ опять золотѣ основываютъ свои жилища; пусть они съ сѣдалища риторовъ восхищаются внимательностію слушателей; пусть они при ихъ вступленіи на театръ съ торжественнымъ народа и знатныхъ государства членовъ восклицаніемъ пріемлются, собственнымъ одушевляясь честолюбіемъ; пусть они увеселяются кровію своихъ братій, и чрезъ самовольное заточеніе оставляя свои любезныя жилища, ищутъ въ другихъ странахъ отечества; поселянинъ имѣетъ совсѣмъ другія и пріятнѣйшія упражненія. Онъ воздѣлываетъ своимъ плугомъ землю; пользуется цѣлой годъ своею работою; питаетъ отечество и своихъ дѣтей; содержитъ трудолюбивыхъ и содержанія достой-

стойныхъ воловъ. Годовое время непрестанно сообщаетъ ему иногда овощи, иногда размноженіе младаго скота, иногда снопы, обременяя поля и житницы его изобильными плодами. Зимою тучныя стада его возвращаются съ паствы своей; лѣса даютъ ему плоды свои; осень приноситъ различныя сокровища; и виноградъ на высокихъ противъ солнца лежащихъ горахъ достигаетъ до зрѣлости. Тогдажъ любимые его дѣти объемлютъ съ поцѣлуями шею своей матери; домъ его хранитъ цѣломудріе. У коровъ его висятъ млекомъ исполненные сосцы; тучные козлы уставивъ одинъ противъ другаго рога свои, біются на травѣ. Часто отдыхаетъ онъ послѣ трудовъ своихъ, празднуя торжественные дни; тогда онъ распростирается на зеленой травѣ; вокругъ садятся его сосѣди и онъ жертвуетъ съ ними изъ украшенной цвѣтами чаши.

Жизнь сія, предъ которою блистательныя тягости двора, и смѣющейся видъ имѣющее неудовольствіе города, какъ тѣнь обмана предъ справедливостію изчезаетъ; не столько осталась неизвѣстною, что бы самыхъ великихъ людей собою не плѣняла. Какія увеселенія Государей могутъ быть невиннѣе? Какія забавы

бавы

бавы безпокойствамъ гражданскихъ дѣлъ болѣе соразмѣрны, и менѣе отяготительны для подданныхъ, какъ не тихое удовольствіе въ увеселительныхъ замкахъ? Безъ сомнѣнія къ совершенному сельской жизни удовольствію принадлежитъ, что, кажется, великіе люди еще не узнали, удаленіе придворнаго шума, за ними въ загородные домы гоняющагося, и чистой и не испорченной вкусъ въ красотахъ природы. Лудвигъ четвертыйнадесять въ спокойной и простой долинѣ конечно не возчувствовалъ бы того удовольствія, которое онъ въ украшенныхъ ле Нотра тріумфальными вратами, гротами, лабиринтами и каскадами, садахъ чувствовалъ; въ сихъ красотахъ Антонинъ менѣе бы нашелъ увеселенія; тотъ Антонинъ, которой, не пышность, но природную любя красоту, стяжалъ знаніе, въ самомъ дворѣ уединенную жизнь препровождать. Но онъ больше, нежели Антонинъ.

После безпокойствъ самодержавія
Отдыхаетъ онъ нѣсколько времяни;
Тогда безмолвный замокъ не Государя,
Но философа въ себѣ имѣетъ.

Тамъ покоится онъ подъ тѣнію своихъ лавровъ, повелѣваетъ удалиться при-

дворному шуму, и приближиться маленькому собранію благоразумныхъ душъ; съ свободою вкушаетъ сельскую прохладу и спокойствіе мудраго, читаетъ и поетъ безсмертныя пѣсни и видя отдалившагося своего любимца, самъ приглашаетъ его: Оставь скучной градъ, попечительность, шумъ, судебные споры и заботы желчію насъ заражающія; приди въ замокъ мой. Здѣсь всякъ самъ себѣ господинъ, собственной владѣтель и истинной повелитель надъ собою. Сельское жилище своимъ спокойствіемъ призываетъ насъ вкушать собственную свободу. Здѣсь всегда одинаково протекаютъ дни мои. Здѣсь не господствуетъ глупость мучительныхъ и продолжительныхъ пиршествъ, безчеловѣчнымъ обыкновеніемъ установленныхъ, гдѣ скучное неудовольствіе соединяясь съ расточительностію и колкія шутки слѣдуютъ за придворнымъ порядкомъ и шумомъ. Въ полдень съ умѣренностію учреждаемой и полезными разговорами украшаемой столъ, при которомъ иногда блистающія искры живой остроты забавляютъ насъ на щетъ дурачества, здѣсь безъ неистовства удовлетворяетъ потребностямъ жизни нашей. Здѣсь веселая шутка остроумныхъ мыслей невоздержности Апиція и всѣхъ ея героевъ предпочитается. Здѣсь не показывается съ про-

продолжительными объятіями ни безчестное коварство, ни не примиримая ненависть вѣроломными устами множество учтивостей произносящая. Не являются сюда люди, которыхъ пріятнѣйшими самолюбіе красками изображаетъ, которые во всѣхъ частяхъ совершенные мудрецы; ихъ разговоръ есть зеркало, въ которомъ дурачество себѣ удивляясь предлагаетъ себя взорамъ другихъ. Здѣсь нѣтъ вѣрою воспалившихся лицемѣровъ, бродящихъ вралей, Метафизическими школьными мнѣніями торгующихъ. Здѣсь не обитаетъ критика съ злобною улыбкою и ругательнымъ взоромъ. Сіе мирное уединеніе какъ укрѣпленной валъ защищаетъ насъ отъ всѣхъ нападеній мудрымъ наукъ и знанія любителямъ шумомъ волнующагося народа дѣлаемыхъ.

Уда-

Удаленіе отъ мятущихся человѣческихъ обществъ и пріятное уединеніе, которому мы въ лѣтнемъ жилищѣ обыкновенно предаемся, содержитъ въ себѣ выгоды, въ нравственное наше состояніе счастливое втеченіе имѣющія. Градскія упражненія и безпокойства разсѣваютъ духъ; коль часто слышимъ мы жалобы градскихъ обитателей, что они никогда совершенно сами себя возчувствовать не могутъ! Угнѣтена бременемъ безпрестанныхъ упражненій, погружается душа въ нѣкоторой родъ нечувствительности къ вышшимъ должностямъ, которыми она своимъ силамъ обязана. Одинъ день, одинъ мѣсяцъ протекаетъ за другимъ и тогда, какъ мы обѣщаемъ себѣ спокойствіе, новой и неожиданной случай опять гонитъ отъ насъ сію надежду, Непрестанная разсѣянность и неприсутствіе духа нечувствительно дѣлается у насъ привычкою. Спокойные между дѣлъ часы, когда бы онъ могъ въ себя притти, по необходимости природы въ тихомъ и по большей части до тѣла касающемся отдохновеніи, или для господствующей моды въ непріятномъ прекращеніи времени и безполезныхъ увеселеніяхъ теряются. Основательность въ разумѣ непримѣтно погашается; доброе намѣре-

мѣреніе одною нечаянною мыслію опровергаются; страсть, нами почти побѣжденная, отъ одного воззрѣнія беретъ усиліе, которое низлагая наше оружіе, уничтожаетъ сопротивленіе нашихъ положеній. Въ великомъ многолюдствѣ слабая добродѣтель находится въ опасности, чтобъ не истребиться, а твердая, чтобъ не поколебаться.

„Никогда, признался самъ Сенека, „не приношу изъ собранія моихъ добро„дѣтелей такъ, какъ въ собраніе ихъ „вносилъ; всегда нѣчто отъ добраго во „мнѣ расположенія истребляется, и нѣ„что отъ того, что я изтребилъ, на„задъ возвращается.„ Нечувствительно дѣлаемся сами собою довольными, что духъ нашъ безпрестанно внѣ себя носясь, лишается превосходной вольности заниматься самимъ собою. Возбуждающіяся иногда чувствованія необходимости себя самаго испытывать, болѣе пріятности для насъ не имѣютъ; мы боимся таковаго на себя воззрѣнія; усыпляемъ первыя движенія; и въ сіе время страсть утверждаетъ на суетности свое господствованіе.

Но сколько на противъ того сельская жизнь способствуетъ таковымъ нравственнымъ себя испытаніямъ? Шумъ упражненій

ній оставляетъ насъ, или самъ уменьшается; ложные законы градской благопристойности, дѣлать другимъ или отъ другихъ принимать посѣщенія, истребляются, и мы предаемся безмолвію, насъ къ самимъ себѣ призывающему. Какъ легко можемъ мы здѣсь разсуждать о прежнихъ жизни нашей дѣлахъ, истреблять вредныя впечатлѣнія въ насъ укоренившіяся, усматривать свои глупости, брать намѣренія къ исправленію, убѣгать отъ соблазну примѣровъ! Безпрепятственно простираются взоры наши въ будущіе дни и узнаютъ средство ихъ сдѣлать счастливыми; противъ самыхъ случайныхъ несчастій, способнѣе можемъ спокойнымъ равнодушіемъ вооружиться, и взирая на благополучіе онаго свѣта, послѣднія перемѣны чрезъ изображенія природы представить въ пріятнѣйшемъ видѣ. Мрачность грота, тѣни зеленыхъ лѣсовъ, тихое журчаніе ручья, все имѣетъ, не извѣстно колико пріятное побужденіе, приглашающее насъ самихъ съ собою заниматься. Чувства наружнымъ насиліемъ не повреждаются; молчатъ льстивыя уста, удаляются воображенія суетности, духъ заключается въ тѣсныя границы; сердце дѣлается внимательнѣе; усмиряетъ свои чувствованія, и приводитъ ихъ подъ законы

коны нравственнаго согласія. Сіе упражненіе тѣмъ счастливѣе, что мы его предъ своими только глазами предпринимаемъ; взираемъ на пороки свои безъ свидѣтелей, не изъ злословія и не изъ посмѣянія научаясь ихъ узнавать; сіежъ самое спомоществуетъ ихъ и оставить.

Въ сельскомъ моемъ сосѣдствѣ старой Евиратъ, съ сими основательными положеніями намъ неизвѣстными, научалъ соединять опытность. Мудрость, часто онъ говаривалъ, духъ нашъ долженствуетъ ежедневно обогащать сѣменами добродѣтелей также, какъ лѣто оживотворяетъ поля наши своимъ благорастворееніемъ; и тогда, какъ въ деревнѣ живутъ, менѣе нежели въ градахъ позволяется самому себѣ неизвѣстнымъ быть. Какъ скоро спокойное вечера сіяніе начинало по полямъ распростиратъся, онъ или удалялся въ уединенныя мѣста, или восходилъ на маленькой пригорокъ, и на немъ при захожденіи солнца отправлялъ вечернюю свою молитву; онъ часто къ сему торжественному дѣйствію пріуготовлялъ себя по своему обыкновенію Шульцеровыми о красотахъ природы разсужденіями, истинную въ себѣ сельской жизни философію содержащими. Однажды, какъ я въ той стра-

странѣ, куда онъ съ симъ намѣреніемъ обыкновенно хаживалъ, прогуливался собирая траву, которыя знаніемъ мы часто занимаемся, нашелъ его на холмѣ при кустарникѣ сѣдящаго; почтенное видѣніе! Спокойной вечеръ разсыпалъ по челу старца свое сіяніе; лице его улыбалось съ такою же ясностію, съ которою свѣтъ въ позлащенныхъ погружался облакахъ. Долго смотрѣлъ я на сего старца въ безмолвномъ глубокомысліи сѣдящаго; только, что тихой иногда вздохъ исходилъ отъ устъ его; казалось, что онъ совсѣмъ теряясь въ глубокихъ размышленіяхъ, и иногда въ землю потуплялъ взоры свои, иногда за уклоняющимся опять устремлялъ ихъ солнцемъ; живое удовольствіе духа разливалось по всѣмъ чертамъ лица его; далѣе услышалъ я сіи слова изъ устъ его раздающіяся: „Я погрѣшилъ, вѣчной тварей „Отецъ, сколько ни старался не погрѣшить; день опять уклоняется къ концу; я осматриваю его отъ вечера до „самаго утра; здѣсь нахожу многія дѣ„ла, которыя я не совершенно исполнилъ, „тамъ случаи, которые не совсѣмъ на „добро употреблялъ, здѣсь холодность, „тамъ чувствительность, которую я „ещебъ болѣе оживотворять долженствовалъ, вездѣ усматриваю только знаки

твоей

„ твоей благости отъ одного мгновенія
„ до другаго. Моихъ добродѣтелей, но что
„ я говорю? Моихъ исполненыхъ должнос-
„ тей мало; я съ сожалѣніемъ вижу, что
„ исторія дня сего дѣлаетъ мнѣ не столь-
„ ко обѣщаній, сколько я сдѣлалъ предъ
„ тобою по утру. Но еще, всеблагое су-
„ щество! еще взоры мои тебя видятъ
„ во всей природѣ; я еще слышу всеобщей
„ концертъ благодарности, отъ всѣхъ тво-
„ реній къ Тебѣ возсылаемой. Все сіе есть
„ твердое о продолженіи любви твоей до-
„ казательство; сіежъ самое вперяетъ въ
„ меня надѣяніе, что ты еще милостію
„ своею меня сохранишь; о семъ сохране-
„ ніи прошу тебя; я уповаю, что ты
„ и будущей день мнѣ препроводить бла-
„ говолишь; день моего испытанія; день
„ моего въ добродѣтели ревнованія, и
„ моей къ тебѣ благодарности, долженъ
„ быть лучшимъ свидѣтелемъ, нежели про-
„ текшіе дни. Сіе я прославляю, сего на-
„ дѣюсь отъ тебя; для сего прошу еще
„ времяни. Не дозволь мнѣ вторично у-
„ зрѣть утра, въ которомъ бы я съ мень-
„ шею любилъ тебя горячностію. Отецъ
„ природы! Сіи явленія мною зримыя на-
„ поминаютъ мнѣ о прошествіи вещей, и
„ о окончаніи дней моихъ. Уже оно не
„ далеко; о! когда оно будетъ; позволь

„ мнѣ опочить съ спокойнымъ на твою „ благость упованіемъ и въ странахъ „ болѣе торжественныхъ , нежели сіи , „ вѣчно взирать на твою славу.„Здѣсь онъ замолкнулъ , и я зрѣлъ , какъ тихія слезы орошали взоръ его. Священной западъ , казалось, болѣе возвышался , вознося сквозь облаковъ молитву его ; и я при шумѣ листвій отшелъ исполненъ благоговѣнія ; ибо я видѣлъ вечернее зрѣлище добродѣтельнаго.

Но ужели нѣтъ въ Германіи столь прекрасныхъ странъ? Спросила меня однажды маленькая Дориса , слышавъ , что я столь часто выхвалялъ мѣстоположеніе сельскаго нашего въ Швейцаріи жилища . Съ откровенностію отвѣчалъ , что я не знаю толико прекрасныхъ. Хотя каждой потаенной вертепъ земли можетъ быть пріятнѣйшимъ жилищемъ мудраго ; однако извѣстно , что наши чувствованія бываютъ наружными вблизи впечатлѣніями плѣняемы. Горящія степи Азіи , и прохладная Темпа — Кто будетъ долго избирать ? И какую надъ нами имѣютъ силу климатъ , нравы и благосостояніе земли ? Часто малѣйшія въ странѣ преиму-

имущества насъ плѣняютъ, спокойное мѣстоположенiе, веселая дальновидность, прiятныя и многоразличныя черты красотъ рукою природы безъ тщательности разсѣянныхъ.

Jlle terrarum præter omnes,
Angulus ridet.

Стихотворецъ произнесъ бы сiе на страну нашего сельскаго жилища, естьлибъ онъ въ нихъ обиталъ. Здѣсь воздухъ чистъ и прозраченъ, не такъ заразителенъ, какъ среди болотъ Нидерландiи, не такъ жарокъ, какъ въ Италiи; теплота и прохладность взаимно перемѣняются, и движенiе вѣтровъ всегда наполняетъ воздухъ чистотою и прохладою; оживотворяющiй вѣтерокъ вѣетъ со всѣхъ лѣсистыхъ холмовъ, шумя съ пѣнящимся внизъ водопадомъ. Восходящее солнце, по червленному небу тлясь въ тихой прозрачности, и по облакамъ лежащимъ на омоченныхъ росою верьхахъ горъ разливая помаленьку веселой пурпуръ, разсѣваетъ бѣгущiе туманы и тогда освѣщаются горы и долины; тогда оно съ прiятною теплотою блещетъ на счастливую страну. Какая безконечная многоразличность, какое множество видовъ представляющихъ соединенiе холмовъ, горъ и бугровъ! При каж-

 домъ

домъ шагѣ открывается взорамъ новое зрѣлище красотъ; пріятныя прелѣсти многихъ странъ представляются близъ Романтійскихъ степей, близъ веселой тѣни пустыхъ каменистыхъ горъ. Пріятнѣе кажется среди плодоносныхъ древесъ покрытая тѣнію сельская хижина, или мыльня за лѣсомъ и дикою каменистою стоящая горою, которая отъ виду теряясь въ облакахъ, наполняетъ взоръ новымъ изумленіемъ; между тѣмъ, какъ рѣки съ стремленіемъ совокупно сливаясь, въ мрачной и съ звукомъ раздающейся безднѣ ревѣли, здѣсь тихія долины животворными ручьями орошенныя, и высокою травою покрытыя, привлекали взоръ къ увеселительному зрѣлищу. Соединеніе величины съ красотою, грубости съ пріятностію составляетъ главное сей страны свойство; часто красота только одна въ нѣкоторыхъ заключается странахъ; но съ толь неизчерпаемыми перемѣнами, что кромѣ Географическаго описанія, самъ Галлеръ и Геснеръ сію картину совершить не могли бы.

Пріятное множество горъ, полей и озеръ хотя въ блѣдной сумрачности, ясно однако представляются взору; синее пространство, гдѣ черной лѣсъ послѣдніе въ себя поглощаетъ солнечные лучи, заключаетъ-

чается окружностію холмовЪ. То возвышенные показываются верьхи горЪ, откуда громко раздается вЪ долинѣ блѣяніе агнцовЪ; то пространное открываетя озеро, какЪ величайшее зеркало, гдѣ на гладкой плоскости дрожащее колеблется сіяніе; то представляются вЪ протяженіи зеленыя долины, которыя вЪ разныхЪ мѣстахЪ своими кризизнами теряются вЪ дальности отЪ взоровЪ.

ЗдѣсЬ вездѣ сходно сЪ натурою, здравой вкусЪ разположилЪ сады, гдѣ пышность ничего не расточаетЪ для большаго красотЪ показанія, гдѣ не раздѣляются сЪ скучною точностію гряды цвѣтовЪ, не представляются терновые кусты единообразною стѣною, гдѣ нѣтЪ по Французскому изобрѣтенію раздробленнымЪ стекломЪ и раковинами усланныхЪ мѣстЪ, нѣтЪ дорогЪ сЪ бесѣдками по грубому введенію ГолландцовЪ сЪ единообразною правильностію, и непріятною соразмѣрностію расположенныхЪ. ЗдѣсЬ сады представляютЪ веселую вольность природы, и нѣкоторой родЪ пріятной ея нерадивости. Искуство, кажется, только руку свою предлагаетЪ для прикрытія маленькихЪ природы недостатковЪ. Красота проспектовЪ и различныя перемѣны, страною представляемыя

мыя презирают постороннее украшеніе; и истинная и непритворная красота, увеселяя взор и занимая собою тонкія чувствованія, среди маленьких грубостей показывается привлекательнѣйшею. Пріятная вода сама собою низпадая с ближних холмов, протекает ключами, которые часто журчат вкруг гряд усаженных цвѣтами, и не рѣдко непримѣтными стезями пробираясь в самые лѣтніе покои, нечаянно в них сребреной показывают блеск. На сих прелѣстных полях народ подвержен только законам природы: здѣсь находит поселянин все, что он заслуживает, покровительство, любовь и почтеніе. Коль пріятно чувствовать красоту сельской жизни среди такого народа, котораго состояніе нравам его кротость и веселость сообщает! Подлинно, благосостояніе и удовольствіе земледѣльца умножают пріятность сельской жизни для всякаго, кто только справедливо чувствовать умѣет; одно на счастливых воззрѣніе есть уже самое счастіе и не естественно бы было не находить удовольствія духа, видя поселянина с полей, стад и виноградных гор плоды собирающаго, видя, что он вкушает то, что сам собою пріобрѣл.

Здѣсь зараза времяни не повредила еще сердецъ; здѣсь подъ обросшею мохомъ кровлею обитаетъ еще наслѣдственная добродѣтель, которая боится Бога, почитаетъ начальство, и никакихъ опасностей, кромѣ вѣроломства и несправедливости не ужасается. О! естьли бы добродѣтель сія, какъ Алпійскія горы, навсегда осталась не поколебимою. Здѣсь протекаетъ жизнь въ тихой простотѣ, въ счастливой единообразности. Каждой день имѣетъ свои упражненія, къ которымъ утренняя возбуждаетъ заря и здоровые плоды стадъ и полей, изъ протекающаго источника, или изъ вина составленное питіе укрѣпляютъ силы наши. Поля, луга и виноградныя горы даютъ все, чего требуетъ бѣдная жизнь; рѣки не иностранныя и опасныя сокровища, но плоды полей и виноградныхъ лозъ преносятъ на безопасныхъ волнахъ отъ одной деревни къ другой; на брегахъ ихъ не тщетно трудится рыболовъ. Миролюбіе и вѣрность и товарищеское дружество обитаютъ съ поселяниномъ въ хижинѣ, и препровождаютъ его на поля. Онъ любя своего сосѣда, и тогда бываетъ его совѣтникомъ, когда видитъ у него больше скота и хлѣба, нежели у себя самаго. Онъ раздѣляетъ съ нимъ труды и удоволь-

вольствіе; дружелюбно идутъ совокупясь по лугамъ къ обѣду изъ млека изготовленному; духъ ихъ всегда въ равномъ спокойствіи; никакія превратности свѣта не возмущаютъ его. Часто, какъ вечеръ разсѣваетъ тѣни свои по долинамъ, часто они покоятся подъ насажденными отъ нихъ самихъ плодоносными древесами, или подъ виноградными вѣтвями; въ то время, какъ старые съ старыми собираются къ веселымъ разговорамъ, здѣсь нѣкоторые младые и не утружденные еще юноши въ борбѣ упражняютъ силы свои, и гордясь побѣдою и похвалою въ новые вступаютъ поединки; тамъ развѣваются пестрѣющіеся вѣнцы веселостію и любовію оживотворенные при простомъ танцованіи среди утоптанной травы. Правда, часто мѣшается въ ихъ вечернихъ разговорахъ безвредное суевѣріе, или любовь къ чуднымъ произшествіямъ, или лукавое коварство другихъ обманывающее. Тутъ показываются очарованныя мѣста, сверканіе блудящихъ огней, путешествующіе люди безъ ногъ и головы, шумящіе духи и предсказывающая сова. Не надобно смѣяться надъ простотою поселянина и его предразсудками, которые воспитаніемъ и временемъ можетъ быть неизтребимыми учинилися. Вредитъ ли его добродѣте-

шелямЪ, когда онЪ и ночныхЪ признаковЪ ужасается? Ужели будетЪ онЪ чрезЪ то менѣе добродѣтеленЪ, менѣе справедливЪ и менѣе трудолюбивЪ? Не имѣетЪ ли и градЪ своихЪ привидѣній? Не выдумываетЪ ли самой ученой среди глубокой нощи ложныхЪ мнѣній, которыя онЪ по утру продаетЪ свѣту за справедливость? Часто старикЪ, вЪ которомЪ находится еще духЪ древнихЪ ШвейцаровЪ, часто начинаетЪ разговорЪ о сраженіяхЪ и оружіяхЪ; на исполненномЪ морщинЪ лицѣ его, котораго почтенной видЪ бѣлою украшается брадою, возобновляются опять всѣ черты не упадшаго еще мужества: иногда упоминаетЪ онЪ обЪ оковахЪ ТелемЪ разорванныхЪ, и о ТираннахЪ имЪ изгнанныхЪ: иногда разсказываетЪ, какЪ злобная Франціи политика безпокоитЪ его милостивыхЪ владѣтелей, или какЪ нынѣ молодой и страстолюбивой дворянинЪ не уподобляется болѣе своимЪ почтеннымЪ предкамЪ; доходитЪ иногда до собственныхЪ своихЪ дѣлЪ; показываетЪ свои раны, и вЪ слушающихЪ юношахЪ возжигая храбрость, беретЪ дрожащею рукою исполненную вина рюмку, и выпиваетЪ ее вЪ честь храбраго своего отечества. ТутЪ начинаетЪ расказывать другой, какЪ онЪ путешествовалЪ вЪ Голландію, какія чудныя видѣлЪ

 рѣд-

рѣдкости, видѣлъ людей не столь въ длинномъ, какъ они носятъ, нижнемъ платьѣ, иностранныхъ гражданъ, градодержателя, которой къ удивленію больше имѣетъ почтенія, нежели ихъ староста, почитаетъ себя счастливымъ, что возвратился домой, хвалитъ свое спокойствіе, свою жену, и пріятное млеко своихъ коровъ. Другіе внимая данной матеріи, примѣшиваютъ свои длинные, и исполненные благоразумія и опытности разговоры о домостроительствѣ, о погодѣ Алпійскими горами возвѣщаемой, о подающемъ добрую надежду виноградѣ; или о управленіи и награжденіи, которыми начальство подкрѣпляетъ земледѣліе. Въ таковыхъ полезныхъ разговорахъ самаго мудраго увеселяющихъ, въ разговорахъ посрамляющихъ глупую болтливость молодыхъ дворянчиковъ, протекаютъ вечерніе часы сихъ счастливыхъ поселянъ; и тогда препровождаемы наставленіемъ и удовольствіемъ расходятся они при тихомъ сіяніи луны къ покою.

Среди сего любезнаго народа коль многіе находятся чувствительные друзья, бывшіе моимъ счастіемъ въ веселомъ моемъ юношествѣ; особливо между ими ты, дорогой мой Аспазій! Въ глубокой долинѣ, гдѣ шумящая протекаетъ Аръ, и мрачной

лѣсъ

лѣсъ торжественными зеленые холмы увѣнчиваетъ тѣнями, усматриваю я тебя и твою любезную, благодатію небесъ и веселостію сельской жизни благословляемыхъ. Кроткая любовь, единодушіе, благоразумная шутливость, и пріятное удовольствіе совокупляя сердца ваши, разливаютъ среди дней вашихъ чистѣйшую радость. Всѣ ваши разговоры суть разговоры нѣжности; всѣ ваши упражненія и самыя желанія соединяются взаимно съ любезною пріятностію. Ничто не прерываетъ божественнаго вашихъ душъ соединенія; ваши сердца никакого не знаютъ желанія, какъ только другъ друга въ любви превосходить, и пріятную жизнь еще пріятнѣйшею дѣлать. Часто ходитъ мудрой Аспазіо въ ближнія хижины и подобно Монтескію, которой всегда съ удовольствіемъ находилъ въ деревнѣ свою философію, учится среди простосердечныхъ людей, одною только природою наставленныхъ. Съ веселостію обходясь съ поселянами, старается между сократическихъ разговоровъ извѣдывать мысли ихъ; съ дружелюбіемъ выслушивая отвѣты, всегда умѣетъ ихъ приводить къ тѣмъ предметамъ, которымъ они научаютъ сами того не примѣчая; иногда препровождая ихъ къ ежедневнымъ природы явленіямъ, изъясня-

ясняетЪ мысли ихЪ своими маленькими примѣчаніями; сЪ охотою слушаютЪ они отЪ него о выгодахЪ жизни, и одолжностяхЪ ихЪ, которыя онЪ имЪ сЪ толикою открываетЪ пріятностію, иногда разрѣшаетЪ маленькіе споры, до которыхЪ временемЪ сосѣдЪ сЪ своимЪ сосѣдомЪ доходитЪ. Всѣ поселяне любя его какЪ своего отца и учителя, во всѣхЪ своихЪ потребностяхЪ сЪ откровенностію прибѣгаютЪ кЪ нему. Какую онЪ дѣлаетЪ поселянамЪ услужливость! Она тѣмЪ благороднѣе и драгоцѣннѣе бываетЪ, чѣмЪ неизвѣстнѣе.

ГерцогЪ Монтморенскій, прогуливаясь нѣкогда вЪ деревнѣ, разговаривалЪ о томЪ, что составляетЪ благополучіе жизни. ОдинЪ изЪ его спутниковЪ утверждалЪ, что часто посредственнаго состоянія человѣкЪ бываетЪ счастливѣе великихЪ вЪ свѣтѣ людей. Здѣсь находятся люди, которые сей вопросЪ разрѣшить должны, сказалЪ ГерцогЪ, увидѣвЪ четырехЪ земледѣльцовЪ, которые подЪ терновымЪ кустарникомЪ обѣдали. ПриходитЪ кЪ нимЪ и говоритЪ: „Друзья мои, счастливы ли вы?„ Трое изЪ нихЪ отвѣчали, что все ихЪ счастіе состоитЪ вЪ нѣкоторыхЪ земли десятинахЪ, послѣ отцовЪ по наслѣдству доставшихся; болѣе они ничего не желали.

ли. Четвертый признавался, что ему ничего къ исполненію своихъ желаній не недоставало, кромѣ владѣнія одного поля, которое прежде принадлежавъ его фамиліи перешло въ чужія руки Но естьли бы ты сіе поле имѣлъ, продолжалъ Герцогъ, былъ ли бы ты счастливъ? „ Столько счастливъ, милостивой государь, сколько быть можно въ свѣтѣ семъ. „ Но чего стоитъ поле сіе? „ Двухъ тысячь франковъ. „ „ Отдайте оное ему, вскричалъ Герцогъ; „ пусть будутъ говорить, что я сего дня „ человѣка сдѣлалъ счастливымъ. „ Вотъ дѣло сего для щедрости рожденнаго мужа, которое по внутреннему своему достоинству болѣе стоитъ, нежели многія побѣды. Съ меньшимъ имуществомъ, но съ равнымъ духомъ старается Аспазіо быть благодѣтелемъ всей своей страны; одному сообщаетъ онъ пропитаніе, другому лѣкарство, третьему спокойствіе; всѣмъ подаетъ наставленіе въ достиженіи истиннаго удовольствія духа. Часто, какъ сего любезнаго мужа важныя духа упражненія, или благодѣтельныя для ближняго дѣла, (ибо онъ дѣлъ другихъ не знаетъ) отвлекаютъ его отъ своей супруги, часто съ слезными взорами отпускаетъ она его изъ своихъ обьятій; всѣ ея тщательныя упражненія не помогаютъ прекратить

про-

продолжительныхъ для нея часовъ его отсутствія. Между тѣмъ занимается она во всѣхъ домашнихъ добродѣтеляхъ ей свойственныхъ. Иногда съ пристойностію и благоразуміемъ управляетъ она домомъ, даетъ каждому свою работу, за всемъ примѣчаетъ; здѣсь исправляетъ погрѣшности, тамъ учреждаетъ новыя дѣла, изыскиваетъ и наставляетъ, здѣсь награждаетъ похвалою, тамъ наказываетъ кроткимъ выговоромъ. Иногда сидитъ за пяльцами показывая примѣръ трудолюбія, дѣйствуетъ искусною рукою, и подражаетъ на бѣломъ полотнѣ пестрѣющимся цвѣтамъ весны. Иногда поспѣшаетъ въ садъ, съ кротостію разговариваетъ съ садовникомъ и его помощниками, и разсуждаетъ, гдѣ должно разводить младыя дерева; „ Ибо думаетъ она, должно, естьли я не доживу до ихъ плодовъ, должно ихъ для потомковъ насаждать, какъ предки наши для насъ насаждали. „ Тогда съ удовольствіемъ видитъ она растенія для ея кухни поспѣвающія, посѣщаетъ свои пчелы, входитъ въ цвѣтникъ, осматриваетъ каждую разцвѣтающую красоту; ставитъ подпоры подъ опускающуюся гвоздику; или съ сожалѣніемъ выноситъ ее подъ тѣнь, и въ то время какъ маленькой сынъ, образъ ея прелѣстей, любимецъ

Гра-

Грацій вкругъ ея рѣзвясь, гоняется за бабочкой, она подобясь богинѣ любви, ходитъ среди розъ, съ бережливостію скрываетъ изъ нихъ одну, и украшаетъ ею грудь нетерпимымъ біющуюся ожиданіемъ возвращенія своего супруга. Такъ — по ея желаніямъ онъ возвращается; тамъ застаетъ ее съ своимъ поцѣлуемъ при розовомъ кустарникѣ; маленькой сынъ съ восклицаніемъ прыгаетъ держась за его руку; и кто изобразитъ смѣшеніе радости, и сладкако унынія, любви исполненные вопросы при нѣжномъ давленіи рукъ и при повторяемыхъ объятіяхъ. То предлагаетъ она ему новые плоды, то занимаетъ его вниманіе сто пріятными расказываніями. Часто, какъ безмолвной помаваетъ вечеръ, какъ садъ сильнѣе дышитъ благовоніемъ, тихимъ луны сіяніемъ посребряемой, часто держась за руку ходитъ она съ нимъ при нѣжныхъ разговорахъ по освященнымъ рядамъ древесъ, на листвіяхъ которыхъ съ пріятностію играетъ преломленное луны сіяніе; исполнившись сладкихъ любви чувствованій повергается она въ его объятія, называетъ себя изъ всѣхъ женъ счастливѣйшею, и, какъ слезы по прекраснымъ ея низтекаютъ щекамъ, возводитъ взоры свои къ звѣздоноснымъ небе-

бе-

бесамъ. Часто при семъ прохладномъ сумракѣ нѣсколько друзей посѣщаютъ сіе прекрасное жилище; дружество и удовольствіе спѣшатъ на встрѣтеніе имъ; сто сельскихъ пріятностей пріемлютъ ихъ. Въ какихъ веселыхъ и унылыхъ чувствованіяхъ начинаетъ колебаться теперь сердце мое! Я принадлежалъ нѣкогда къ числу сихъ счастливыхъ людей, которые въ сіи минуты спокойнаго сей четы удовольствія въ веселомъ сельскомъ жилищѣ были свидѣтелями. Естьли безмолвная сельская жизнь есть уже самое не оцѣненное для человѣка счастіе; чегожъ не можно найти въ товариществѣ съ женою, всѣ добродѣтели и всѣ украшенія своего пола имѣющею? Тогда долины еще пріятнѣе благоухаютъ, тогда вечерняя заря еще прелѣстнѣе показывается, тогда всѣ красоты природы возвышаются, и сугубо бываютъ чувствуемы; тогда сельская жизнь столько имѣетъ пріятностей, сколько Геснеръ въ своихъ Идилліяхъ придать ей могъ: такъ, Аспазій, ты въ самомъ дѣлѣ столько счастливъ, сколько Фанія счастливо стихотворствовалъ:

Далекъ отъ нищеты и пышнаго богатства,
Не такъ какъ мыслитъ свѣтъ, но самымъ счастливъ дѣломъ,

Жизнь

Жизнь Фанія свою въ завистной тишинѣ,
Безъ зависти препровождаетъ.
Не достигаетъ вихрь колеблющій Аѳины,
До хижины его слывущей храмомъ Грацій,
Съ тѣхъ поръ какъ средь ее живетъ Музаріонъ.
Благоразумію послѣдуя искуство
Природѣ, гдѣ его простерлося владѣнье,
Безъ блеску красоту пріятную даетъ.
Садъ, гдѣ съ Зефирами и Флорой
Жилище для себя Помона избрала;
Дубрава, гдѣ любовь съ пріятностью плутаетъ,
Гдѣ мысли важныя и шутки обитаютъ
Источникъ маленькой, древами осѣненной,
Гдѣ сонъ полуденной приходитъ тихо къ намъ;
Бесѣдка лѣтняя въ саду, гдѣ онъ съ любезной
Вино, что Хіо шлетъ изъ кистей виноградныхъ,
Какъ истинной вкушаетъ нектаръ;
Друзья подобные Горація друзьямъ;
Здорова въ жилахъ кровь, и не смущенны мысли,
Спокойной духъ веселое чело —
Все дѣлаетъ его довольнымъ.
Къ пріятностямъ такимъ, такъ мнитъ Музаріонъ,
Что могутъ лучшаго еще прибавить боги?

Самъ Петрархъ не могъ быть счастливѣе; коль часто ни сравниваешь ты свое счастіе, съ счастіемъ его! Не могъ бы быть счастливѣе въ безмолвной долинѣ

 при-

при славномъ въ Ѳесаліи источникѣ, въ сосѣдствѣ съ своею божественною Лаурою, въ спокойствіи и среди наукъ. Чистыми и прозрачными водами извивается Пеней по его Темпѣ, изъ знатнаго источника протекая по плодоносной странѣ, наполненной различностію садовъ, полей, масличныхъ древесъ и разцвѣтающихъ луговъ. На обѣихъ странахъ возвышающіяся горы вдали по теченію рѣки ближе одна къ другой склоняются, какъ наконецъ близь самаго источника среди ихъ заключенной и отъ свѣта отдѣленной человѣкъ, ничего не видитъ вокругъ себя, кромѣ горъ, а надъ собою, кромѣ небесъ, и ничего не слышитъ, кромѣ спокойнаго журчанія источника изъ каменной пещеры чрезъ различныя паденія низтекающаго. Здѣсь чувствительной стихотворецъ на скатистой странѣ горы, на мѣстѣ его живое воображеніе еще болѣе одушевляющемъ, имѣлъ жилище свое; здѣсь душа его, которая сладкими дышала только чувствованіями, предавалась всей власти любви, и упоющимъ веселостію красотамъ своей Лауры. Здѣсь онъ воспѣвалъ пѣснь, о которой дальніе вѣка будутъ говорить еще:

Spirat adhuc amor,
Vivuntque commiſſi calores.

„ Пре-

„Прекрасные источники, прохладныя и „тихія рѣки, близь которыхъ моя любезная покоилась, владѣя моимъ сердцемъ! „Прекрасное древо, на которое она нѣжными плечами опиралась! Съ воздыханіемъ „представляю я образъ твой. Зеленые лѣса, украшающіе платье и грудь ея „цвѣты! Чистой и священной воздухъ, „въ которомъ любовь сердце мое прекрасными уязвляла взорами, внимайте совокупно печальнымъ моимъ и послѣднимъ „словамъ. — Прелѣстная картина, для „памяти! Съ прекрасныхъ вѣтвей дождемъ цвѣты низпадали на грудь ея; и „она съ кротостію въ такомъ великолѣпіи сидѣла, орошенная симъ любовнымъ „дождемъ. Одинъ цвѣтъ упадалъ на „платье, другой опускался на ея власы, „которыя подобясь чистому золоту, „блистали украшены перлами; третій „долго віясь въ пріятномъ вкругъ ея заблужденіи, казалось, такъ говорилъ: „здѣсь царствуетъ любовь. Коль часто „исполнившись тогда изумленія, говаривалъ я: безъ сомнѣнія она изъ обитателей рая; въ толь глубокую погружали „меня забывчивость, ея божественное „шествіе, лице, слова и пріятная улыбка; столь много отъ истинны меня „удаляли, что воздыхая спрашивалъ:

„ какъ, или когда я пришелъ сюда? Казалось, что я на небѣ, а не тамъ, гдѣ былъ. „ Съ сего времяни столько нравятся мнѣ „ поля сіи, что я во всѣхъ другихъ мѣстахъ никакого не нахожу спокойствія.„ Подобное и пріятное мыслей разсѣяніе занимаетъ чувствительное сердце, какъ скоро вспомнимъ мы Петрархово изображеніе сельскаго безмолвія и его любви. Вся природа чувствовала впечатлѣнія красотъ Лауры, и его страсти; воздухъ вокругъ прекрасной его былъ чистой, трава подъ стопами разцвѣтающая, небо въ присутствіи ея ясное. Однако, любезной Аспазій, ты счастливѣе, нежели онъ; онъ воспѣвалъ Лауру, которою не владѣлъ; а ты имѣешь любезную, которую онъ съ равнымъ бы воспѣвалъ излишествомъ нѣжности.

Еще, дражайшій Аспазій, еще часто размышляю я о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда взоры мои тебя видѣли, стопы мои по твоей заблуждались долинѣ, когда я тебя къ моему біющемуся прижималъ сердцу, когда каждое невинное удовольствіе намъ принадлежало, и каждое благородное природы и дружества чувствованіе насъ одушевляло. Оно исполнилось, — сіе печальное предчувствіе, часто наши взоры слезами омочавшее:

горь-

горы и дальняя страна раздѣляютъ насъ съ тобою; и мое отечество, о которомъ многіе говорятъ:

Quod latus mundi nebulæ, malusque
Jupiter urget. (*)

Сіе мое отечество опять меня въ себѣ имѣетъ; такъ же здѣсь обитаетъ часть сельскаго удовольствія, такъ же здѣсь природа свои имѣетъ пріятности, при напоминаніи оныхъ съ тобою препровожденныхъ дней болѣе показывающіяся. Когда въ уединенные часы, которые отъ шуму города и отъ тягостей дѣлъ отнимаю, въ безмолвномъ глубокомысліи, по брегамъ пристани при уныломъ шумѣ волнъ шествую къ оному пустынническому лѣсу, которой съ горы внизъ на мраччую свою главу смотритъ въ глубококипящихъ волнахъ, раздаваясь съ веселостію отъ глухаго шуму, когда восходя на одинъ изъ холмовъ, какъ пестрѣющимся вѣнцомъ страну окружающихъ, взираю, какъ въ ближнемъ морѣ бѣгающія въ неизмѣримости волны лучами солнца украшаясь, въ синемъ горизонтѣ отсвѣчиваются; когда пре-

(*) *Горацій.*

прекрасную страну пробѣгая взорами, въ ниской долинѣ усматриваю спокойную хижину плодоносными древами полуосѣненную, и своими въ окнахъ стеклами отъ отсвѣчиванія ближнихъ водъ блистающую; тогда возбуждается спящее мое воображеніе, и я наслаждаясь представляющимся зрѣлищемъ, непримѣтно къ тебѣ, незабвенный Аспазій, къ твоей приближаюсь деревнѣ. Тутъ я съ тобой или прогуливаюсь по берегамъ Ары, и въ саду по лабиринту, или въ тѣнистой бесѣдкѣ сижу при веселыхъ разговорахъ, или внимаю пріятному голосу твоей любезной при громкомъ пѣніи соловья на клавикордахъ играющей. Узнаю мое привидѣніе, и исполненъ тоскою, воздыхаю, и опять предаюсь ему. Едва представится взорамъ оная долина, гдѣ я прежде въ безпечной сидѣлъ юности, въ спокойномъ чувствованіи по Алпійскимъ ходилъ горамъ, иногда трогающія изъ стихотворцовъ мѣста печальными омочалъ слезами; иногда взорами вокругъ себя обѣгая, желалъ быть вокругъ стоящимъ отеческимъ холмамъ Алпійскими горами, а мнѣ пастухомъ, стада на нихъ пасущимъ; едва все сіе представится, и я при такомъ воображеніи повторяю всѣ пріятности тѣхъ златыхъ дней, которые у насъ вмѣстѣ протека-

текали. Каждой прохладной вѣтеръ, кажется мнѣ, приходитъ съ оныхъ любезныхъ холмовъ, и каждое луны чистое сіяніе освѣщаетъ твои прогуливанія, при которыхъ ты о мнѣ напоминаешь. О! Аспазій, при твоемъ имяни вся природа вокругъ меня прекраснѣе представляется. Колико говорливымъ учиняетъ меня здѣсь таковое разсѣяніе мыслей? Я умолкаю, и наслаждаюсь моимъ удовольствіемъ, далѣе размышляя о тебѣ.

Предаваясь толь часто пріятнымъ впечатлѣніямъ повсюду въ природѣ находящихся красотъ; не рѣдко мы напоминаемъ себѣ, что во всѣ времена толь многія благородныя сердца ими трогались, и что мы изобрѣтеніемъ прекрасныхъ наукъ по большей части обязаны сельской жизни. Какъ матерія ихъ находится въ природѣ, то пріятное сельское спокойствіе соединясь съ внимательностію на столь многіе предметы простирающеюся, соединясь съ склонностію къ перемѣнѣ и къ умноженію удовольствій, первой представило случай къ изобрѣтенію ея; первой шагъ былъ учиненъ и съ нимъ уже учинилось много. Разсѣянныя красоты при-

роды были собираемы, изображаемы, и въ новое цѣлое соединяемы. Иногда внимая то намъ въ природѣ слышимымъ, или чувствованіямъ въ себѣ изображаемымъ, находили нѣчто, чему подражали; иногда тронутое сердце производя тоны любовію или радостію вдыхаемые, помаленьку составляло изъ нихъ пѣсни эхомъ и прекрасною Филлидою любимыя. Иногда одинъ покушался начертать тѣнь своей любезной на стѣнѣ простертую, и образъ ея навсегда у себя удержать; восхищенъ зеленою нивою, тѣнистымъ убранствомъ лѣсовъ, горящимъ вечерней зари пурпуромъ; восхищенъ всей красотой природы, многоразличностію и смѣшеніемъ ея видовъ, различнымъ зрѣлищемъ свѣта, вздумалъ сіи предметы ему столько нравящіеся изобразить на картинѣ. Другой иногда питая воображеніе пріятными видами природы, старался красоту имъ чувствуемую обогатить новыми чертами и чрезъ искусное подражаніе отборныхъ словъ себѣ и другимъ возобновить удовольствіе, которымъ онъ наслаждался. Пріятнѣе намъ изобразилъ Глеймъ или Геснеръ стихотворческое происхожденіе прекрасныхъ наукъ.

Живописное искуство родившись изъ наблюденій, надъ прекрасною природою дѣла-

ляемыхъ, въ разсужденіи существеннѣйшихъ частей, нигдѣ, кромѣ села не можетъ достигнуть совершеннаго приращенія и образованія. Особливо живописецъ изображающій какую нибудь страну преподастъ отмѣнную мыслямъ своимъ пищу, часто примѣчая со всѣхъ прекрасныхъ странъ природу, вникая въ таинство искуственныхъ чертъ ея, гдѣ она при многоразличности предметовъ всѣ части съ толикою соединяя гармоніею, сообщаетъ каждой положеніе и размѣрность свѣта и оттѣниванія, гдѣ изъ всего собственная ея красота блистательнѣе открывается. Всѣ великіе живописцы понимали сей образецъ; часто они разсматривали прекрасную природу и восхищаемы пріятною ея картиною, писали они, и писали счастливо. Нѣсколько свидѣтельствъ, сихъ пріятныхъ сельскихъ картинъ, не безъ удовольствія найти можно. ,, На другой странѣ, такъ ,, описываетъ Аддисонъ пріятную страну ,, не далеко отъ города Тиволи, открывается видъ надъ Римскою кампаніею, ,, гдѣ она по пространнымъ и ровнымъ ,, теряется полямъ. На другой возвышается негладкая и неровная страна, ,, составленная изъ безконечнаго множества ,, гористыхъ мѣстъ, и различныхъ тѣней, происходящихъ отъ пріятнаго смѣ-

„ шенія холмовъ, лѣсовъ и долинъ. Но
„ изъ всѣхъ предметовъ пріятнѣйшая часть
„ есть рѣка Теверона; почти на четверть
„ мили оттуда видно, какъ она съ кру-
„ той горы низпадая чрезъ многіе водо-
„ скаты отъ одного камня ударяется на
„ другой, доколѣ наконецъ не достиг-
„ нетъ до дна долины. Здѣсь она совсѣмъ
„ бы сокрылась отъ взоровъ, естьлибъ,
„ между отверстій въ лежащихъ вокругъ
„ лѣсахъ по нѣкоторымъ мѣстамъ сама со-
„ бою не открывалась. Римскіе стихотвор-
„ цы часто описывали страну сію. Гер-
„ манъ Шваневельтъ въ безмолвіи заблуж-
„ дался среди кустарниковъ, и снискалъ
„ себѣ имя пустынника. Чѣмъ онъ зани-
„ мался въ своемъ уединеніи, доказываютъ
„ его Ландшафты и въ нихъ украшеніе
„ природы. Все есть на нихъ до послѣд-
„ няго волчца и травки, все есть самая
„ точность. Для него зеленѣлися луга;
„ и отъ нискихъ колеблющихся вѣтвей у-
„ мѣлъ онъ заимствовать пространныя и
„ чермныя вечера тѣни, которыя напол-
„ няли его картину, и служили взорамъ
„ отдохновеніемъ. Веселой Захтлевенъ ста-
„ рался изображать горы на брегахъ Рейна,
„ горы прекрасными долинами перемѣняе-
„ мыя. Онъ безъ лѣности восходилъ на
„ ихъ верьхи, и открывалъ себѣ многія
„ ве-

,, веселыя страны, которыя съ его деревня-
,, ми простираясь по рѣкѣ иногда извива-
,, ющейся, иногда раздѣляющейся, къ со-
,, ставленію его картины сами способство-
,, вали. Нагруженныя лодки, выкаченныя
,, и частію поставленныя бочки, праздно-
,, му зрителю для отдохновенія подпорою
,, служащія, смятеніе трудолюбиваго на
,, кораблѣ народа, все сіе самыя для кар-
,, тины украшенія взорамъ его представ-
,, ляло. Тѣнистой холмъ, откуда худож-
,, никъ осматривалъ зеленѣющуюся природу
,, и трудящихся людей былъ основаніемъ
,, его живописи. Умѣренное дѣйствіе сол-
,, нечнаго свѣта отъ вѣтвей до самой гус-
,, тоты листвій проникающаго, и прозрач-
,, ная зеленость придавала сему разполо-
,, женію привлекательность. ,,

Когда представляю нѣкоторыя въ Швейцаріи мѣста, гдѣ между хижинами и деревнями счастливыхъ поселянъ, между разсѣянными съ толикою пріятностію сельскими домами открывается веселое смѣшеніе паствъ, орошенныхъ луговъ, воздѣланныхъ полей, помаленьку возвышающихся холмовъ, съ которыхъ журчатъ вездѣ ручьи, смѣшеніе лѣсовъ, вдали мрачныхъ揀 гористыхъ зрѣлищей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только слабымъ свѣтомъ освѣща-

щаемыхъ, и въ долинахъ сребреновидное теченіе Ары; когда съ сими прелѣстными предметами голыя и свѣсившіяся каменныя горы, съ которыхъ дождевыя пѣнятся рѣки, уединенными елями покрытые верьхи ихъ, и на нихъ пустые остатки разрушившихся замковъ, согнившихъ Героевъ жилища въ проѣжжающихъ тайное почтеніе вперяющія, усматриваю нерадѣтельно разбросанными; когда за ними вѣчнымъ снѣгомъ бѣлѣющіеся Алпійскіе верьхи съ плодовитою величавостію, сообщающею всей странѣ нѣкоторую торжественную важность, вижу до облаковъ возвышающимися, и веселой горизонтъ заключающими: тогда начинаю живопись съ нѣкоторымъ родомъ тайной зависти уважитъ еще болѣе, желая отъ нее большаго и продолжительнѣйшаго удовольствія, нежели бѣглое подаетъ воззрѣніе. Тогда при пріятномъ восхищеніи сердца возобновляется въ памяти другъ мой Аберли, тотъ, которой образовалъ среди горъ Швейцарскихъ, изобразилъ прелѣстнья мѣста Тоуна, Нидади, возбудивъ желательное ожиданіе изображенія и прочихъ странъ. Тогда желаю я, чтобъ между обитателями пріятныхъ мѣстоположеній любитель, довольно дарованія и прилѣжности имѣющій въ свободные жизни своей

часы

часы въ ономъ странъ изображеніи могъ упражняться столь счастливо, какъ господинъ Геснеръ; столькобъ превосходенъ былъ живописецъ, сколько стихотворецъ. Природа, какъ говоритъ благоразумной художествомъ знатокъ, во время упражненія руководствуетъ его мысли; онъ можетъ Дорическое зданіе представить въ лѣтней бесѣдкѣ надъ кладеземъ съ водами простирающейся; или рыболова предъ своею хижиною къ брегу пристающаго, производя въ немъ при представленіи ловли дѣтскія радости; онъ можетъ рыболова за хижинами представить на водѣ, и по освѣщенному мосту, по сему бѣлоозначенному пути надъ пространнымъ тѣней мѣстомъ, взоры препровождать на чистые берега, или различнымъ показаніемъ стадъ о семъ:

Nunc etiam pecudes umbras & frigora captant.

Намъ напомянуть; здѣсь можетъ быть самаго стихотворца онъ можетъ представить на водѣ съ книгою плавающаго, тамъ въ рогъ играющаго пастуха противъ освѣщенной пещеры отъ эха раздающейся; можетъ насъ привлечь подъ самой мостъ для измѣриванія текущей воды, или побудить по оному слѣдовать за свѣтомъ проникающимъ сквозь густыхъ вер-

вершинъ прекрасныхъ деревъ, и оттуда, благоразумно ими ограничивъ горизонтъ возвратить насъ назадъ.

Я обращаюсь еще на одно мгновеніе къ поезіи, что тогда спокойнымъ владѣтелямъ земли сообщавшей имъ все, что нужды ихъ требовали, и что вкусу ихъ было пріятно, могло быть естественнѣе, какъ только при стадахъ своихъ въ безмолвной сельской жизни природою возбуждаясь къ веселости и благодарности, сіи чувствованія изливать въ своихъ пѣніяхъ? Все, что они ни имѣли предъ своими взорами, все оживляло силу ихъ воображенія, рѣки, холмы, луга, лѣса, и все, въ чемъ имъ избытокъ удовольствія и выгодъ открывался, все мѣшалось въ ихъ чувствованія; ихъ выраженія, когда они одну только прекрасную воспѣвали природу, соображаясь съ нею, должны имѣть всю сельскую пріятность. Красоты природы примѣтны и для тѣхъ, которые безъ проницательныхъ родились чувствованій; но съ коликою силою они должны были дѣйствовать въ тѣхъ людяхъ, которые нѣжное сердце, и плодовитое имѣли воображеніе? Коль они много ихъ стихотворческой духъ, изображать невинную жизнь, и тихія пріятности въ

селахъ

селахъ вкушаемыя, сей духъ ожизотворять могли? Отсюда произошло начало поэзіи, особливо пастушескаго стихотворства среди тихихъ сельской жизни веселостей; отсюда веселыя выраженія въ Ѳеокритѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, почерпнуты изъ природы, и ихъ тонкимъ воображеніемъ вмѣстѣ соединены. Все тутъ имѣетъ видъ безпритворной красоты; все возвѣщаетъ одно спокойствіе, невинность, простоту, и сладкія пріятности сельской жизни. Сіе восчувствуетъ каждой любитель красоты, когда онъ сего не чувствовалъ еще; весьма прелѣстнымъ дѣлается удовольствіе сельской жизни, при частомъ въ лѣтнемъ жилищѣ чтеніи сочиненій сихъ. Долженъ ли я ихъ знающему теперь наименовать?

Естьли многія обстоятельства вообще имѣютъ свое втеченіе въ состояніе воспитанія, конечно и мѣсто самое первому тѣлесныхъ и душевныхъ силъ открытію различнымъ образомъ способствовать нѣсколько можетъ. Преимущества деревни съ сей стороны касаются частію до укрѣпленія здоровья, и частію до нравственнаго души образованія; — Важныя части,

ти, которыхъ мудрое требуетъ воспитаніе!

Чѣмъ многолюднѣе города, тѣмъ заразительнѣе воздухъ въ нихъ распространяющійся; и испаренія одно съ другимъ ни стесненныхъ жилищъ причиняютъ слабость здоровья и раждаютъ ядовитыя болѣзни. Градскія стѣны запираютъ своихъ обитателей въ тѣсной окружности, и человѣкъ нечувствительно такъ привыкаетъ къ своей темницѣ, что, или дѣлается мѣдлителенъ, или позабываетъ искать вольнаго тѣлодвиженія, и крови въ непрестанной недвижимости густѣть и заражаться начинающей доставлять естественную тонкость и прохлажденіе. Зловыдуманная благопристойность при градскомъ воспитаніи ввела нѣгу, часто болѣе женской слабости показывающуюся; не надобно упоминать о соблазнѣ неумѣренности въ многочисленныхъ собраніяхъ.

Въ деревнѣ напротивъ того никакихъ мы не должны опасаться заразительныхъ паровъ; мы живемъ подъ втеченіемъ яснаго неба; воздухъ въ чистотѣ своей примѣтную имѣетъ силу къ подкрѣпленію здравія, и къ распространенію бодрости и живности по всѣмъ членамъ. Деревня сообщаетъ намъ болѣе свободности

ти и побужденія къ выгоднымъ тѣлодвиженіямъ; малыя и пріятныя упражненія и распоряженія въ садахъ и въ полѣ, иногда здѣсь, иногда тамъ призываютъ насъ къ себѣ; веселыя пріятности года, вездѣ насъ окружающія, столь много имѣютъ приманчивости, за ними непрестанно слѣдовать и нѣсколько часовъ среди ихъ прохаживаться, что не возможно имъ противиться, кровь всегда течетъ въ здоровомъ согрѣяніи, мы ищемъ, и вездѣ находимъ удовольствіе; удовольствіе души оживотворяетъ и тѣло. Большее время живутъ въ деревнѣ такимъ порядкомъ, которой съ натурою болѣе сходенъ; а дружескимъ и отъ критическихъ взоровъ роскошнаго гражданина сокрытымъ столомъ обыкновенно болѣе царствуетъ простота и умѣренность; и снисканной пріятнымъ прогуливаніемъ голодъ, вольность и бодрость учиняютъ пищу вкуснѣе и питательнѣе. Какія въ деревнѣ для здоровья выгоды можетъ имѣть нѣжное младенчество и возрастающее юношество! Пусть посѣтятъ единожды хижину поселянина, какое здѣсь неповрежденное увидятъ въ дѣтяхъ здоровье, какой разцвѣтающій на щекахъ румянецъ, какую твердость въ членахъ, продолжительную и отъ всѣхъ болѣзней безопасную жизнь

I пред-

предвозвѣщающихъ, какую крѣпкую при трудахъ силу въ томъ возрастѣ, котораго въ городѣ всѣ нѣжныя старанія не могутъ довольно ею снабдить! Сельское юношество, кажется, подражаетъ природѣ птицъ, которыя получивъ первыя для жизни потребности, и чувствуя малыя къ движенію способности, тотчасъ стадами вылетаютъ по вольному воздуху и полямъ, и въ краткое время съ трудомъ различаемы бываютъ отъ старыхъ птицъ.

Но еще болѣе важнѣйшія выгоды для воспитанія имѣетъ сельская жизнь въ разсужденіи нравственнаго образованія сердца. Коль скоро душа изъ перваго своего сна воставающая начинаетъ открывать свои способности; тогда онѣ помощію взоровъ и прочихъ чувствъ собираютъ въ чувствованіяхъ находящіяся знанія, которыя изъ темной мрачности помаленьку превращаяся въ нѣкоторые лучи, соединяются въ самой свѣтъ, цѣлое жизни время просвѣщающій. Еще нѣтъ никакихъ разсужденій; одни только бываютъ чувствованія раждающіяся въ душѣ, когда надъ нею только первыя предметовъ впечатлѣнія господствуютъ. Что можетъ быть выгоднѣе, какъ младой душѣ, при первомъ ея открытіи способствовать, предста-

ставлять ей только тѣ предметы, которые ничего кромѣ пріятныхъ чувствованій не раждаютъ, и удалять всѣ тѣ, которые смущеніе и нетерпѣливость производятъ? Слѣдствіе отъ того было бы такое, что веселость и кроткое дружелюбіе души, сіе для собственнаго счастія, и для свѣта столь полезное свойство, не чувствительно дѣтямъ перемѣнилося бы въ природу. Пусть разсмотрятъ; можно ли сіе правило воспитанія гдѣ нибудь исполнить счастливѣе, какъ среди пріятностей сельской жизни.

Чѣмъ болѣе разумъ открываться начинаетъ, особливо, когда возрастаетъ способность въ разговорахъ; тѣмъ живѣе обнаруживается въ душѣ желаніе къ познанію, и что прежде было темнымъ чувствованіемъ, то превращается въ чистыя понятія. Дитя трогается всѣми ему представляющимися вещами; оно небомъ, солнцемъ, животными, цвѣтами и пѣніемъ птицъ, благовоніемъ розы къ веселымъ радости движеніямъ, при воззрѣніи и при каждомъ видѣ возбуждается; размножаетъ безконечные вопросы; о всемъ хочетъ знать, и часто недовольно бываетъ, что разговоръ не скоро распространять, и слова не проворно продолжать

можетъ. Откуда происходитъ сіе ненасытное любопытство душу дѣтей занимающее? Оно бываетъ отъ природы, которую никогда оставлять не должно; оно безъ сомнѣнія опредѣлено управлять душею, что бы она важныя и благородныя собирала въ свѣтѣ знанія, которыя будучи сходны съ ея достоинствомъ, должны нѣкогда составить ея счастіе. Мы вступаемъ при нашемъ рожденіи на театръ, гдѣ для насъ все кажется мрачнымъ; или среди нощи въ драгоцѣнную насъ вводятъ горницу, никакимъ свѣтомъ не освѣщенную, гдѣ мы спимъ среди темноты. На разсвѣтѣ начинаемъ нѣчто изъ того познавать, что насъ окружаетъ; непрестанно болѣе умножается наше любопытство; мы безпокоимся, чтобы все увидѣть, и едва отъ нетерпѣливости дождаться можемъ восходу солнечнаго. Оно показывается, мещетъ въ горницу свои лучи, и все освѣщается великолѣпіе. Мы всему предаемся вниманію; отъ восхищенія взоровъ, отъ ненасытимаго любопытства дѣлаемся неподвижными. Но какое тайное въ сіе толь прекрасныхъ предметовъ осматриваніе вмѣшивается неудовольствіе! Мы видимъ ихъ предъ собою, но не знаемъ ни ихъ выгодъ ни ихъ имени; все, что насъ трогаетъ,

есть

есть только наружная красота. Наше желаніе исполняется; вступаетъ неизвѣстная особа. Съ тысячію вопросовъ спѣшимъ на встрѣчу ей, и прежде, нежели на первой она отвѣтитъ, предлагаемъ уже десятой. Нечувствительно получаемъ о всемъ свѣденіе; свѣтъ и удовольствіе простирается въ душѣ нашей. Еще пріемлемъ отдаленное только участіе; почитаемъ все сіе за сокровище, никакого не имѣя на него требованія. Но намъ сказываютъ, что оно намъ принадлежитъ; говорятъ, что мы для того пришли, чтобъ принявъ его во владѣніе, имъ пользовались. Несказанная радость все наше занимаетъ сердце; по возчувствованіи сего счастія спрашиваемъ о своемъ благодѣтелѣ, желая возблагодарить ему. Въ таковомъ состояніи находится дитя. Что можетъ быть для него выгоднѣе, какъ только научаться узнавать жилище имъ обитаемое, и предметы къ его выгодамъ представленные? И тѣ, которые знаютъ обстоятельство жизни; тѣ имѣютъ обязанность новаго пришельца научать въ свѣтѣ всему, чѣмъ онъ владѣя, на правильномъ того употребленіи, долженъ счастливую основать жизнь себѣ. Натура здѣсь показываетъ намъ путь; ей должны мы слѣдовать. Нѣтъ ничего не-

справедливѣе, какъ сіе благородное младой души любопытство погашать, или не вперяя въ нее достойныхъ и полезныхъ знаній, позволить бѣднымъ надзирательницамъ образовать ее предметами безплодными или и вредными. Чрезъ сіе разрушается благодѣтельной природы намѣреніе, и земля толь многими наполняется несчастными твореніями. Но какъ сіе души движеніе столь сильно, что всегда, сколькобъ его ни уничтожали, опять открывается, то и видно, что природа съ тщательностію при ея присутствуетъ вдохновеніи; и что можетъ быть удобнѣе, какъ его питая, сообщать ему правильное расположеніе, и подкрѣплять его изъ ежедневныхъ въ свѣтѣ явленій?

Теперь пусть представятъ отрока въ деревнѣ. Въ какое исходитъ онъ неизмѣримое поле предметовъ исполненное, которыхъ бы во градѣ онъ не увидѣлъ! Все для него ново; все возбуждаетъ его внимательность. Покажите сему маленькому пришельцу великолѣпной солнца восходъ; поведите его на исполненныя нивою поля, въ луга, къ рѣкамъ и стадамъ; позвольте ему все по его произволенію осматривать, и все извѣдывать. Его тысячію прекрасныхъ предметовъ плѣнен-

ная душа въ безпрестанныхъ изливаться будетъ вопросахъ; отвѣчайте на нихъ съ краткостію, оставляя нѣчто на размышленіе ему самому; тѣ минуты, когда его сердце удивленіемъ и восхищеніемъ исполняется, займите подкрѣпленіемъ его чувствованія краткими, веселыми и нравоучительными повѣствованіями; все предъ вами находящееся представьте ему съ пріятной стороны; и берегитесь его удовольствіе прерывать мрачною строгостію, и печальными изображеніями; вмѣшивайте въ ваши разговоры благородныя положенія, но съ легкимъ и чувствительнымъ выраженіемъ; примѣчая, что онъ на то скажетъ; смотрите, когда его любопытство среди разсѣяннаго множества отъ одного къ другому преходитъ предмету, не удерживайте его, повторяйте сіе естественное наставленіе, коль часто можете, то есть, коль часто маленькой свѣта зритель къ тому охоту открываетъ, или не принужденнымъ образомъ допускаетъ себя привлекать къ оному.

Многіе бываютъ случаи, для преподаванія маленькому въ свѣтъ пришельцу среди различныхъ сельскихъ зрѣлищъ, легкаго наставленія о его первѣйшемъ опредѣленіи. Ничего съ нашей стороны не

требуется, кромѣ внимательной попечительности, и плодовитаго разсужденія, чтобы дѣтямъ изъ всего, что они въ деревнѣ слышатъ или видятъ, сообщить пищу добродѣтельныхъ наставленій. Скоро возмогутъ въ него вперить полезнѣйшія понятія о знаніяхъ свѣта, о необходимости, о учрежденіи и разположеніи человѣческихъ упражненій. Представятъ взорамъ его, чего стоитъ воздѣлывать землю, чтобъ она приносила намъ пропитаніе; представятъ, коль неправедно, что многими снискано трудами, то расточатъ мотовствомъ и роскошью; и коль много поселянинъ проливаетъ поту, питая и одѣвая празднолюбиваго въ городѣ юношу. Симъ возбудятъ въ немъ уваженіе къ нискому состоянію, и вперятъ благородную склонность, въ исполненіи должностей искать ненарушаемаго удовольствія, которое, кажется только въ обросшихъ мохомъ хижинахъ жилище свое имѣетъ. Ему среди веселыхъ поселянъ, которые въ низкости и бѣдности имѣя избытокъ спокойствія и удовольствія, никакому трону не завидуютъ, важную и отъ всѣхъ забытую откроютъ справедливость, что человѣкъ безъ ущербу истиннаго своего счастія можетъ не имѣть преимуществъ природы, богатствъ и досто-

стоинствъ, которымъ люди съ глупостію удивляяся, съ толикимъ ищутъ ихъ жаромъ, что одна добрыми дѣлами пріобрѣтенная совѣсть есть все, что учиняетъ жизнь пріятною, и во всякихъ случаяхъ довольною. Скоро изъ учрежденій природы чувствительнымъ образомъ откроютъ ему свойство Творца ея, его намѣреніе, расположеніе къ человѣку, и справедливость нашей къ нему благодарности и любви. Сельское поученіе довольно пространно, и довольно къ убѣжденію сердца плодовито; оно не отягчаетъ памяти сухими и непонятными школьными положеніями; оно изъ того, что чувства открываютъ, сообщаетъ естественное, легкое, удобное и живое нравственное изъясненіе; и занимаясь чувствованіями, такъ ими располагаетъ, что разумъ изъ нихъ чистой заимствуетъ свѣтъ. Нѣтъ ничего продолжительнѣе, какъ первыхъ впечатлѣній душею получаемыхъ; по сей причинѣ, что чувствительнѣйшимъ образомъ трогая ее своею новостію, скоро ею пріемлются, и глубоко въ ней укореняются; по сей причинѣ всегда они мыслямъ представляются и на цѣлую жизнь простираются. И такъ какихъ довольныхъ имѣть не будутъ дѣйствій чувствованія и хорошія положенія отрокомъ въ

деревнѣ собираемыя? Естьлибъ слѣдовали по сему природою открываемому, удобному пути, дѣйствительно бы деревня воспитавъ много благородныхъ душъ, столь многими лучшими обогатила городъ жителями. И коль драгоцѣнною при таковыхъ выгодахъ должна быть для насъ сельская жизнь!

Человѣка тайная нѣкоторая сила влечетъ къ подражанію; онъ примѣчая, что другіе имѣютъ, самъ желаетъ тоже имѣть; онъ столько ревнивъ, что все то ищетъ, что въ другихъ нравится. Но никогда сіе движеніе не воспламеняется, никогда въ своихъ дѣйствіяхъ такъ не простирается, какъ въ юности. Тогда все возбуждаетъ силу воображенія; самой взоръ, одинъ взглядъ поощряетъ къ подражанію; и живность сей склонности столь велика, что не можно ее истребить. Чтожъ надобно дѣлать? Послѣдуя гласу природы, представлять дѣтямъ такіе къ подражанію примѣры, которые бы ихъ къ справедливости и добродѣтели руководствовали.

Но гдѣ имѣютъ сихъ примѣровъ болѣе, и гдѣ менѣе препятствій къ подражанію ихъ? Здѣсь справедливость требуетъ, от-

отдать преимущество сіе деревнѣ. При многочисленномъ стеченіи людей, многочисленные бываютъ примѣры вредныхъ положеній, безчестныхъ склонностей, и подобныхъ склонностямъ дѣлъ. (*) Въ стѣснившихся съ толикимъ многочисліемъ собраніяхъ порокъ болѣе усиливается, заражая отъ одной души другую, простираетъ тѣмъ величайшій безпорядокъ, чѣмъ болѣе находитъ своихъ служителей его почитающихъ и подкрѣпляющихъ. Тутъ онъ тысячу обманчивыхъ видовъ на себя пріемлетъ; и добродѣтель какъ имя, такъ и право свое теряетъ. Клевета называется остроуміемъ, безстыдство благопристойнымъ обыкновеніемъ жизни, коварство довѣренностію, сребролюбіе бережливостію, мщеніе правосудіемъ; вездѣ порокъ

(* Ut non omnem frugem atque arborem in omni agro reperire possis; sic non omne facinus in omni vita nascitur. In urbe luxuries creatur, ex luxurie existat avaritia necesse est, ex avaritia erumpat audacia; inde omnia scelera ac maleficia gignuntur. Uita autem rustica, quam tu agrestem vocas, parsimoniæ, diligentiæ, justitiæ magistra est. In rusticis moribus, in victu arido, in hac torrida incultaque uita istiusmodi maleficia gigni non solent.

Cicer. pro Ros.

порокъ, какъ непотребная женщина, для уловленія невинности облекается въ притворную красоту. И не часто ли порокъ производитъ наружныя обстоятельства? Не возбуждаетъ ли умножающейся прибытокъ сребролюбія, излишество роскоши, мотовства и суетности? Удача въ торговлѣ, мѣста художества, какую сообщаютъ пищу страстямъ, и какое повреждение градской жизни? Опытъ утверждаетъ доказательствами сіи примѣчанія. Учреди теперь въ городѣ воспитаніе отрока, которой при пылкомъ къ подражанію движеніи не знаетъ, чему подражать должно; какихъ онъ здѣсь не увидитъ примѣровъ, какого изображенія поносныхъ склонностей, какого смѣшенія добра и зла, какъ въ осеннее утро солнечныхъ лучей съ туманомъ, взаимно борющихся! Къ чему онъ долженъ пристать, и чего убѣгать? Добродѣтели, говорятъ, надобно ему подражать. Хорошо! Пусть ему въ другихъ покажутъ ее; пусть изъяснятъ ее изъ разговоровъ, и изъ дѣлъ. Но тожъ самое, что ему описано какъ добромъ, какъ прекрасною добродѣтелію, тожъ самое слышитъ онъ отъ другихъ называемымъ слабостію разума; тожъ самое, что его теперь такъ прельщало, скоро слышитъ осмѣиваемымъ; противъ

одно-

одного добродѣтельнаго примѣра видитъ онъ десять порочныхъ; различные разговоры, различныя поступки, перемѣнчивой видъ того, что иногда зломъ, иногда добромъ называютъ, все приводитъ его въ замѣшательство; онъ начинаетъ сомнѣваться. Что должно быть подпорою сей слабой трости на всѣ стороны колеблющейся? Кому онъ долженъ вѣрить, кому слѣдовать? Наконецъ онъ думаетъ, что вездѣ находится одинъ обманъ и противорѣчіе. При всемъ надзирательствѣ, съ которымъ его стрегутъ, онъ нѣчто видитъ или слышитъ, что горящую искру бросаетъ въ его удобно воспламѣняющееся сердце; оно пріемлетъ и питаетъ ее тайно; страхъ нѣсколько времяни препятствуетъ появиться пламяни; страхъ уменьшится, и пламень открывается; важность примѣровъ, кажется, даетъ извиненіе; мудрыя наставленія помрачаются чувствами, и скоро начинаетъ дитя, мнимое въ порокахъ удовольствіе повторять, пріемля его, естьли не за доказательство необходимости, то за естественное побужденіе. Вольность обходиться съ единовозрастными дѣтьми, которые уже заражены порочною привычкою, будетъ угрожать ему новою опасностію. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ то, что ди-

дитя изъ многихъ примѣровъ подражая только тѣмъ, которые часто имъ примѣчаемы, льстятъ его чувствамъ, по большей части несчастнымъ образомъ добродѣтель смѣшиваетъ съ порокомъ.

Но отведите сего младаго пришельца въ его младенчествѣ въ деревню; или заставьте его препроводить тамъ прекрасное годовое время для перваго образованія сердца его въ добродѣтели, и тогда уже въ большой свѣтъ позвольте ему выступить, когда онъ довольно будетъ имѣть силы къ отвращенію стрѣлъ ядовитыхъ примѣровъ. Отъ какихъ соблазнительныхъ видовъ порока деревня отвлечетъ его? Ибо какія заразительныя страсти могутъ востать въ сердцѣ того, кто, обитая въ деревнѣ, въ воздѣлываніи своего поля находитъ и упражненіе и удовольствіе, кто ничего предъ собою не видитъ, что бы могло возбудить безпокойныя похоти, и котораго жизнь среди трудовъ, спокойствія и невинныхъ веселостей въ безпрерывной протекаетъ единообразности?

„О село! жилище добродѣтели, гдѣ
„среди полей и луговъ ни гордость, ни
„зависть не препятствуютъ намъ сол-
„нечнымъ наслаждаться свѣтомъ, гдѣ

„весе-

„ веселость обитаетъ, гдѣ честолюбіе и
„ хитрость не приближаются къ покры-
„ тымъ соломою хижинамъ; гдѣ пріят-
„ ность остроту, а острота не язвитель-
„ ныя производитъ шутки, гдѣ никто
„ для поврежденія чести другаго остроум-
„ нымъ не бываетъ; гдѣ зная обѣщаніе,
„ никогда его не забываютъ; гдѣ какъ
„ въ Аркадіи правоту почитаютъ славою,
„ а вѣрность наслѣдственнымъ добромъ. (*)

Здѣсь царствуетъ въ хижинахъ простота и праводушіе не пріемлющее обманчивыхъ на себя видовъ; вездѣ представляется умѣренность, трудолюбіе, услужливость и правосудіе; благочестіе не только посѣщаетъ почтенные храмы; оно показывается и среди трудовъ, среди сельскихъ жилищъ, при багряной утренней, и при блѣдной вечерней зарѣ, обогащаетъ жизнь добрыми дѣлами, а душу спокойствіемъ. Здѣсь добродѣтель явна и естественна; обыкновенія съ точностію наблюдаемыя имѣютъ болѣе чистоты; и хотябъ рѣдкое открылось порока дѣйствіе, всегда однако оно получаетъ достойное презрѣніе. И такъ здѣсь юношество

въ

(*) *Гагедорнъ.*

вЪ мудрыхЪ собраніяхЪ услышитЪ только добродѣтельные разговоры, увидитЪ только достойныя дѣла; его чувства только то будетЪ трогать, что разумЪ просвѣтить, и вЪ сердцѣ благородныя чувствованія вперить можетЪ; и сила хорошихЪ примѣровЪ болѣе будетЪ дѣйствовать; естьли только имЪ рѣдко противопоставляются другіе примѣры. Привыкши сЪ младенчества кЪ пріятнымЪ красотамЪ добродѣтели, оно противЪ будущихЪ искушеній вооружится тою твердостію, которая естьли не обнадежитЪ насЪ счастіемЪ непрерывныхЪ побѣдЪ, по крайней мѣрѣ можетЪ выдерживать первыя нападенія, и учинить благородное сопротивленіе.

Особливо, вы наставники младыхЪ князей, вы снискивайте ту славу, которую ТомасЪ вЪ Дофинѣ похваляетЪ; не позабудьте, ихЪ иногда изЪ придворныхЪ смятеній вывозить вЪ деревню, и вЪ справедливомЪ видѣ показывать имЪ то состояніе, которое ихЪ питаетЪ и защищаетЪ, и которое они сЪ толикою презираютЪ неблагодарностію. Искорените изЪ нихЪ сіе безчеловѣчное воображеніе, что будто они изЪ другой созданы матеріи, нежели поселянинЪ; вводите ихЪ вЪ пріятные сЪ ними разговоры; разкажи-

скажите имъ его непрестанныя тягости; позвольте имъ самимъ посмотрѣть на труды, которыми онъ изъ земли намъ пропитаніе доставляетъ; и откройте имъ великое сихъ упражненій втеченіе въ государство. Увѣрьте ихъ, коль то безчеловѣчно, когда Владѣтель, сіе потовое снисканіе поселянъ въ сладострастіи и роскоши расточая, тяжкими изнуряетъ ихъ утѣсненіями, и послѣдніе съ толикою горестію снисканные остатки ихъ собственности, съ торжественною пышностію предъ глазами ихъ истощаетъ; когда солдатъ грабленіемъ и насиліемъ утѣсняетъ того, которой никакимъ не ополченъ оружіемъ, довольно тягостями, презрѣніемъ, и недостаткомъ утѣсняется; когда тотъ никакого въ судѣ не находитъ предстательства, которой недостаточенъ для своего искупленія, и не столько силенъ для своего избавленія. Позвольте имъ вступать въ покрытую соломою хижину поселянина, видѣть его скудную пищу, бѣдное одѣяніе, жескую постелю; возбудите въ сердцахъ ихъ жалость къ тому народу, которому кромѣ тягостей, мало прочаго остается; доведите ихъ при томъ до познанія должностей, которыми они людямъ и провидѣнію обязаны. Не позабудьте напомянуть о наукѣ земледѣлія,

о его къ государству отношеніи, о доставляемыхъ отъ сельскаго трудолюбія богатствахъ. Не въ безпокойныхъ дворахъ, не среди толпы льстецовъ, но въ деревняхъ видятъ, въ какомъ находится государство состояніи, какую силу или слабость имѣетъ, и какъ должно помогать его недостаткамъ. Коль сіе необходимо, чтобъ Государи все сіе видѣли собственными взорами!

Не опасайтесь, чтобы благопристойность нравовъ, поелику я первое въ селахъ воспитаніе съ довольнымъ выхвалялъ пространствомъ, чтобы сія благопристойность, которой особливое жилище обыкновенно опредѣляютъ въ градахъ, отъ сего продолженія нѣсколько пострадала. Пусть было бы и сіе, но маленькая утрата, ничего бы противъ превосходной выгоды не значила. И такъ должно ли еще говорить, что не отъ стѣнъ градскихъ, но отъ собранія зависитъ, привыкнуть къ благоразумному и пріятному роду жизни? Не справедливъ тотъ предразсудокъ, что будто въ сельской жизни надобно принять робкой и пустынническій духъ и грубые поступки. Можетъ то быть случайнымъ образомъ, но сей порокъ не есть сельской жизни,

зни, а человѣка; его должно приписать обстоятельствамъ воспитанія и обхожденія. Какъ можно при ежедневномъ на прекрасную природу воззрѣніи, при внушеніи толь чистыхъ удовольствій принять на себя видъ угрюмой, и сердитую суровость? Совершенное противорѣчіе. Бодрость духа толь многими пріятными питаемая предметами разливается по всему наружному виду; веселость производитъ дружелюбіе; и естественное и не принужденное въ деревнѣ обхожденіе производитъ нѣкоторой родъ невинной свободности, и пріятнаго простосердечія, свои похвальныя красоты имѣющаго. Кто сего еще не вѣдаетъ, тотъ пусть посмотритъ на Лалагу прелестнѣйшую изъ красавицъ, каковую только деревня образовать можетъ въ нашемъ сосѣдствѣ; всегда мечтается глазамъ моимъ въ лицѣ ея лице Граціи. Въ ея чертахъ, въ ея убранствѣ, въ ея упражненіяхъ, въ ея жизни, во всемъ пріятная природа, и тончайшій вкусъ; прелестнѣе пастушеской въ Аркадіи музы, среди розовыхъ кустовъ обитающей, украшаетъ грудь свою фіалками, и подъ сплетенными вѣтвями, при пѣсняхъ соловья, и при чистомъ сіяніи луны засыпаетъ она; пробуждаясь опять омываетъ она веселое лице свое изъ источни-

ка утреннею зарею освѣщаемаго. Шеснатцатую весну цвѣла она среди любимыхъ ею въ деревнѣ цвѣтовъ; и каждая весна вдыхала въ нее пріятную красоту. Ея гибкое тѣло движется съ нѣжностію, и съ величайшею благопристойностію; походка ея есть, походка богини любви, прекрасная одѣжда, изтканная ея рукою, покрываетъ нѣжные члены; ея лентами играютъ рѣзвящіеся Зефиры; съ пріятностію завитые черные власы, украшены розовыми цвѣтами, развѣваются вкругъ нѣжной ея шеи; веселости, и прелѣстная улыбка, блистаютъ на открытомъ челѣ; удовольствіе блистаетъ на черныхъ ея очахъ; и кроткой румянецъ на щекахъ разцвѣтающій, теряется съ пріятностію по нѣжной бѣлизнѣ лица ея; любезная сладость дышетъ на устахъ ея, и воздымающаяся грудь, подъ измѣнчивымъ покрываломъ, отвѣчаетъ вздохамъ исполненнаго чувствованій сердца. Съ прелѣстнымъ дѣвической кротости и невиннаго чистосердечія соединеніемъ, пріемлетъ она посѣщающаго ее юношу не имѣя Французской дерзости, и древней Нѣмецкой застѣнчивости; онъ приходитъ для пріятнаго препровожденія времени; и всегда находитъ, чего ищетъ; она идетъ ему на встрѣтеніе съ пріятными вопросами;

тотчасЪ по первыхЪ учтивостяхЪ, открывается веселой разговорЪ всегда сЪ равною продолжаемый тонкостію остроумія, чрезЪ обхожденіе и чрезЪ чтеніе снисканнаго, сЪ равною и любви достойною вольностію, сЪ равнымЪ и легкимЪ порядкомЪ, сЪ равною многоразличностію, и плѣняющею благопристойностію, разговорЪ всегда живой и приличнымЪ образомЪ увеселяющей, и чѣмЪ менѣе прекрасная собесѣдница желаетЪ нравиться, тѣмЪ болѣе прельщаетЪ она; бодрость, острота, невинность и любовныя прелести соединясь, изливаютЪ вЪ обхожденіи ихЪ сладость, рѣдко показывающуюся, и еще рѣже чувствуемую. Вы знаете, друзья Алпійскіе; БухерЪ избралЪ ее своею Граціею, а ТомсонЪ своею Мусидорою.

Горящее солнце уклонялось послѣ знойнаго дня, пріятной пурпурЪ разсыпался по ближнимЪ полямЪ, и верьхи холмовЪ освѣщалися до тѣхЪ мѣстЪ, гдѣ дикія каменистыя горы и лѣса, черною тѣнію покрытые находились. Еще блисталЪ изчезающій свѣтЪ изЪ за горЪ; пріятной румянецЪ колебался по небесамЪ; синяя дальновидность помаленьку пропадала вЪ тихихЪ сумракахЪ вечеромЪ разсѣваемыхЪ. Ни

одинъ прохладной вѣтеръ не колебалъ еще тихаго и теплаго воздуха; и благовоніе изъ скошенныхъ луговъ происходящее было единственною прохладою моего уединеннаго прогуливанія. Прохаживаясь по берегу ближней рѣки, и увеселяясь шумомъ и быстрою скоростію ея теченія, примѣтилъ я множество различнаго рода насѣкомыхъ; одни изъ нихъ по землѣ ползали, другія по кустамъ летали, и вокругъ меня шумѣли. Можетъ быть они недавно въ семъ лѣтѣ родившись, вылетѣли теперь искать сельскихъ удовольствій любителя, которой бы ими увеселяться могъ. Отъ часу болѣе вникалъ я въ сіи маленькія творенія; чѣмъ далѣе шествовалъ; тѣмъ внимательнѣе къ нимъ становился: цѣлыми стадами они собирались, и за возчувствованную теплоту дня, казалось, общее между собою торжествовали празднество. Путь, трава и кустарники были ими наполнены; мухи, комары и бабочки вездѣ шумѣли, и къ нимъ присоединялося пріятное множество пчелъ, собиравшихъ медъ на лугахъ. Сіе безчисленное товарищество меня препровождавшее хотя причиняло нѣкоторое безпокойство; но я не чувствовалъ его при данномъ случаѣ къ пріятнымъ размышленіямъ, въ которыхъ позабылъ я уединенное

ное отъ людей удаленіе. Я ловилъ нѣкоторыхъ изъ сихъ маленькихъ спутниковъ, разсматривалъ ихъ, и опять давалъ имъ вольность; иные требовали моей внимательности тихимъ на рукѣ щекотаніемъ, бывши столь малы, что ихъ едва примѣтить можно было; другіе предъ глазами садились на мое платье, и казалось такъ говорили: примѣчай насъ человѣкъ, мы такъ же достойны твоего вниманія. Ихъ различность, ихъ не одинаковое тѣлъ сложеніе и радость, съ которою они мѣшаясь между собою играли, все наполняло меня тайнымъ удовольствіемъ; и я съ чистосердечіемъ въ ихъ радости бралъ участіе. Но многіе находятся люди, которые въ сихъ твореніяхъ или никакого не находятъ удовольствія, или и совсѣмъ ихъ презираютъ. Пусть нѣкоторыя изъ сихъ маленькихъ твореній нѣчто отяготительнаго для насъ имѣютъ, за своимъ пропитаніемъ посѣщая листвія и плоды древесъ и растенія садовъ нашихъ; но было бы весьма суровое и самолюбивое расположеніе, ихъ за то не навидѣть. Коль чудно образовано тѣло животнаго, какъ искусно расположено къ его произвольнымъ движеніямъ, коль прекрасными означено иногда цвѣтами! Коль многіе составы, нервы и со-

соединенія ; какая правильность , и какая тонкость! Какое нѣжное существо есть тѣло насѣкомыхъ, едва простымъ взорамъ примѣтное , коль правильно расположено , для принятія себѣ пищи ! Отмѣнно сіи размышленія свидѣтельствомъ взоровъ произведенныя возвышаются посредствомъ орудій естественнаго испытанія, знаніемъ исторіи животныхъ , знаніемъ ихъ родовъ, различныхъ расположеній , ихъ пищи , ихъ особливаго свойства и ихъ выгодъ ; какой новой источникъ увеселительныхъ умствованій! Тогда внимательной естества испытатель и въ сей части безконечную видитъ премудрость ; тогда чувствуетъ онъ несправедливость , презирающую сіи творенія, начало свое также какъ и человѣкъ получившія отъ превосходнаго существа , которое достойными почитая ихъ помѣстить въ порядокъ прочихъ великолѣпныхъ дѣлъ своихъ , опредѣлило ихъ къ полезнымъ намѣреніямъ , къ которымъ они по природѣ своей способны , и снабдило ихъ неутомимымъ бодрствованіемъ.

„ На семъ шару всѣмъ твореніямъ „ равныя даны права ; Творецъ всѣхъ ихъ „ любитъ. Премудрость самой маленькой „ мушкѣ назначила хорошую участь ; ихъ „ судьба такъ же предопредѣлена , какъ

„ судьба

„ судьба Рима, и какъ существованіе солнца съ свѣтлостію въ странахъ веселыхъ
„ царствующаго. (*)

Не только насѣкомыя производятъ выгоду и удовольствіе человѣческое, но они и сами также нечувствительны; они радуются чувствуя свое существованіе; пріемлютъ участіе въ пріятностяхъ года, и кажется, сообщаются съ нами, для наслажденія въ нашемъ товариществѣ всеобщихъ благодѣяній Творца. Должны ли мы негодовать на то, когда они веселясь на листвіяхъ и растеніяхъ садовъ нашихъ, тѣмъ, что природа въ нашемъ владѣніи не для насъ однихъ производитъ, удовлетворяютъ своимъ маленькимъ потребностямъ? Должно ли, когда они веселыми толпами подъ защитою нѣкотораго рода правъ гостепріимства насъ посѣщаютъ, отказывать въ томъ, что имъ творецъ дарствуетъ; должны ли у сихъ летающихъ чужестранцовъ отнимать жизнь съ толикою свирѣпостію, жизнь, которая и безъ того часто одно только лѣто продолжается? При сихъ расположеніяхъ должно не знать, что значитъ

(*) Уцъ.

нѣжное благодѣтельство; не знать, какого подражанія требуетъ природа отъ человѣка при ея общемъ попеченіи. Со всею похвалою напоминаю я объ одномъ хорошо мыслящемъ поселянинѣ, которой для того наказалъ своего сына, что онъ застрѣлилъ воробья съ веселостію по вишенному древу прыгающаго при его пищѣ; въ другой разъ онъ съ строгостію ему выговаривалъ, что онъ у сѣтующаго соловья маленькихъ невосперенныхъ похитилъ дѣтей. Такъ, поселяне, будьте добросердечны противу и животныхъ; небо благословляетъ добросердечіе; пусть ни одно твореніе не произноситъ болѣе безгласныхъ жалобъ на человѣческую жестокость; пусть никакое сѣтованіе не прерываетъ болѣе всеобщаго въ твореніяхъ согласія.

Какъ наполнена вся земля, воздухъ и вода твореніями! Какъ изобилуетъ самой листочикъ маленькими обитателями! Когда я представляю себя среди безчисленныхъ собраній толь многихъ твореній, чувства и жизнь имѣющихъ; когда я размышляю о себѣ, какъ о такомъ существѣ, для котораго они безконечнымъ созданы Духомъ; когда при семъ думаю, сколько я всѣхъ ихъ превосхожу; все мое сердце тогда волнуется въ превосходныхъ чув-

чувствованіяхъ ; я чувствую преимущества моего существованія съ благодарностію къ тому существу, которое съ благодѣтельною сообщило ихъ мнѣ щедродательностію; я исполняюсь живѣйшимъ желаніемъ, достойныя сихъ преимуществъ поступки располагать по моему высочайшему опредѣленію. Еще болѣе возвышаюсь симъ размышленіемъ, когда въ мысляхъ моихъ собираю всѣхъ животныхъ, со всѣхъ полей, изъ всѣхъ лѣсовъ, изъ всѣхъ морей на одно мѣсто; когда представляю, что каждое изъ нихъ чувствуетъ и способъ и средство къ своему пропитанію, натурою требуемому, и всегда въ самое то время, когда оно ему нужно. Какая неограниченная благость безконечнаго, которой все вдругъ видитъ, и узнавъ требованіе своего творенія, въ тужъ минуту отверзаетъ руку свою, и насыщаетъ его радостію, и удовольствіемъ! Сколькобъ былъ человѣкъ несправедливъ, когдабъ на него не уповалъ; сколькобъ безчувственъ, когдабъ сей Божественной благости, сколько можетъ на земли дѣйствовать, самъ не подражалъ!

Не

Непогода, лѣтомъ въ селахъ слышимая, столь много устрашеній природы въ себѣ соединяетъ, что объ ней не иначе, какъ съ отмѣннымъ нѣкотораго рода изумленіемъ размышлять можно. Солнце сокрывается за черныя горы тучь; нощь преодолѣваетъ день, воздухъ воетъ, шумятъ лѣса, крутящіеся вихри, предвѣстники приближающихся громовъ, и песокъ и пыль и листвія съ ужаснымъ воздымаютъ шумомъ; возстаютъ на рѣкахъ волны, ревутъ и катятся въ обуреваніи; устрашенные звѣри бѣгутъ въ каменистыя пещеры; птицы въ печальномъ смятеніи летятъ подъ кровли и древа, поселянинъ идетъ въ свою хижину; оставляются поля и сады; сердце біется отъ различныхъ страстей; хочетъ скрыть свой страхъ всѣ члены потрясающій, и силится спокойно вооружиться твердостію. Между тѣмъ распространившаяся по землѣ нощь становится отъ часу ужаснѣе; уже издали завываетъ глухой голосъ съ угрозою предшествующаго грома, отъ часу дѣлаясь слышнѣе. Вдругъ кажется цѣлой сводъ небесъ разрушается; ужасной треекъ наполняетъ дальное воздуха разстояніе; дрожитъ земля, и эхо раздается въ горахъ. Съ каждымъ громовымъ ударомъ простирается горящая молнія, блескъ по-

слѣ-

слѣдуетъ за блескомъ; пробѣгаетъ по сѣрному воздуху, извивается по вершинамъ горъ и мещетъ огонь свой въ пустыя бездны. Хляби небесныя разрываются отъ своей тяжести, низвергаютъ цѣлыя рѣки, и тогда, какъ тучи среди сраженія вѣтровъ гонятъ себя отъ одной страны въ другую, тогда съ дикимъ шумомъ низпадаютъ воды на сухую землю.

Ipſe Pater, media nimborum in nocte, coruſca
Fulmina molitur dextra, quo maxima motu
Terra tremit, fugere feræ, & mortalia corda
Per gentes humili ſtravit pavor --
Nunc nemora ingenti vento, nunc littora prangunt.
Uirg.

Безъ сомнѣнія сіи чувствованія принадлежатъ къ превосходнымъ чувствованіямъ, которыя природа для взоровъ и для слуха производитъ, и сіе великолѣпное зрѣлище всегда бывало достойнымъ предметомъ подражающей поезіи и живописи. Между тѣмъ величайшая часть людей не умѣетъ чувствовать величественныхъ явленій грома; рѣдко природа для своихъ представленій находитъ такія сердца, которыя бы съ ними согласовались. Достаточные сельскіе обитатели о своихъ жатвахъ и стадахъ заботящіеся начинаютъ предъ сею непогодою трепетать; и бѣдной съ нимиже трепещетъ. Какъ небо,

такъ и они помрачаются; какъ воздухъ, такъ и они колеблются. Въ какихъ многоразличныхъ показывается видахъ человѣкъ! Старая Урсула запершись въ своемъ кабинетѣ, кричитъ съ благоговѣйнымъ пѣніемъ; благоговѣніе ея съ громомъ приходитъ, съ нимъ умножается, съ нимъ уменьшается, и съ нимъ исчезаетъ. Страхъ приводитъ разумъ ея въ замешательство, и языкъ дѣлаетъ проворнымъ; гласъ грома раздается съ ея безпорядочнымъ крикомъ, и не можетъ сдѣлать его не слышнымъ; она держитъ кротко ненавистной для нея въ другое время молитвенникъ; теперь настоитъ ему время учинить чудо, и перемѣнить теченіе бури; громъ перестаетъ; но она повторяетъ свое пѣніе; она утомляется, и едва отдохнуть можетъ; но на что много трудовъ? Служанка на стражѣ поставленная, приноситъ уже вѣсть, что небо опять прочистилось; такъ бросай оружіе, непріятеля уже нѣтъ болѣе. Сладострастная Анаитисъ такъ же повергается на колѣни предъ черными облаками; она трепещетъ, исповѣдуется, воздыхаетъ, дѣлаетъ обѣты, опять востаетъ, и позабываетъ, что громъ гремѣлъ, и по сему все то весьма естественно, въ чемъ она ни обѣщалась. Но на что нападать

падать на сіи глупости, которыя рѣдко свое право имѣютъ?

Съ благоговѣйнымъ духомъ напомнить о Создателѣ природы, о его величествѣ въ перемѣнахъ ея; начертывать себѣ достойное о ея могуществѣ понятіе; или оное возобновлять; его покровительству подвергать себя съ несомнѣннымъ упованіемъ, и намѣреніе, чтобъ всегда ему быть угоднымъ, подкрѣплять; вотъ благоговѣніе мудрости во время грому. Съ удовольствіемъ взираю я на сельскихъ обитателей, которые при колебаніи воздуха, ни о какихъ не упоминая преступленіяхъ, подъ трескомъ грома выходятъ предъ свои хижины, съ спокойнымъ лицемъ взираютъ на черное небо, по которому молніи летаютъ, и изъ того, что другихъ ужасаетъ, ожидаютъ счастія и удовольствія. И кто есть повелитель грома? не есть чужой Богъ; Онъ есть тотъ, которой насъ создалъ, котораго благодѣянія мы въ каждомъ вкушаемъ мгновеніи. Для чегожъ трепещемъ отъ гласу его, какъ отъ гласу тиранна? Онъ есть глаголъ Отца изъ облаковъ слышимый. Изъ своей къ намъ благости онъ закрываетъ небо, и опять его расчищаетъ; для насъ воздухъ гремитъ, для насъ пріем-

смлетѣ и пріятную тишину. Можетѣ быть, боязливость бури есть нѣкоторой родѣ душевной болѣзни, она происходитѣ изѣ особливой нервѣ чувствительности, которую совершенно исцѣлить не можно; но мы должны стараться основательными ободрять себя причинами, сколько можемѣ. Творецѣ сего свѣта начертавѣ законы, которые природа исполнять долженствовала, разсмотрѣлѣ всѣ дѣйствія, которыя бы впредь помаленьку изѣ нихѣ проистекать могли. Его мудрость, когда онѣ все предвидѣлѣ, должна опредѣлить ихѣ кѣ доброму концу, полагая ихѣ средствами, совершенство цѣлаго произвести могущими. Сію премудрость онѣ вездѣ доказалѣ; его намѣренія при непрестанномѣ его содѣйствіи во всей исполняются природѣ. Ни одна буря надѣ нами не свирѣпствуетѣ, ни одного громоваго удара вѣ нашей деревнѣ вѣ сіе самое лѣто не было слышно, которымѣ бы не онѣ располагалѣ, которымѣ бы не онѣ управлялѣ; ни одна молнія надѣ нашими не блистала главами, которую бы не его невидимая рука препровождала. Дѣйствія природы, на ея извѣстныхѣ основаванныя причинахѣ, возвращаются кѣ всемогущему Творцу вселенныя; какѣ много спокойствія вѣ семѣ единомѣ размышленіи! Пусть буря разрушила бы

часть нашего имѣнія, невинность наша облегчитъ случай сей; и свѣтъ надъ потерею, которую мы не сами на себя навлекли, не лишитъ насъ своего сожалѣнія. — „Но мы можемъ убиты быть!„ Конечно — можемъ умереть такъ же, какъ и безъ бури умираемъ. Вы не опасаетесь иначе смерти; для чегожъ опасаетесь сего рѣдкаго и легкаго смерти рода? „Презирай, говоритъ Сенека, смерть, „и ничто тебя не устрашитъ, что „смерть навлечь можетъ. О какъ ты „глупъ, какъ мало памятуешь о своихъ „слабостяхъ, естьли бури ужасаешся — „Ужели ты думаешь, что безъ всякой „находишся опасности, когда буря тебѣ „неповредила? Ты можешь отъ меча, „отъ камня, можешь отъ лихорадки погибнуть; опасность отъ молніи не есть „величайшая, но есть торжественнѣйшая. „Для чего страшитъ тебя трескъ громовой? Для чего ты трепещешь, когда „небо облаками покрывается? Для чего „ты едва отъ ужаса не умираешь, когда „молнія блещетъ? Или ты думаешь, „что славнѣе умереть отъ страха, нежели отъ молніи? Иди великодушно „противъ сихъ угрозъ неба, и хотя бы „цѣлая загорѣлась вселенная, подумай,

„ что ты при семъ ужасномъ позорищѣ ни-
„ чего не потеряешь. „

Si fractus illabitur orbis
Impavidum ferient ruinae. (*)

Сія неосновательная боязливость не мало препятствуетъ въ спокойномъ наслажденіи лѣтнихъ веселостей. Робкой ужасается уже одного мрачнаго облачка; каждой день съ уныніемъ предвозвѣщаетъ онъ себѣ по виду небесъ. И когда онъ при спокойной еще погодѣ, кажется, уже теряетъ присутствіе духа; какъ онъ себѣ поможетъ, когда молнія зажжетъ его жилище? Въ разсужденіи жизни боязливой при своихъ уже разстроенныхъ нервахъ всегда находится въ большей опасности, нежели другой кто. Много бы способствовало и сіе къ мудрымъ поступкамъ, когда бы человѣкъ размышлялъ о воздушныхъ явленіяхъ, а въ нихъ и о самой непогодѣ, по своимъ потребностямъ и по своимъ выгодамъ. Каждая непогода есть орудіе плодородія, безъ нея воздухъ содержа въ себѣ изходящія ежедневно изъ земли испаренія, заразился бы сѣме-

(*) *Горацій.*

сѣменами ядовитыхъ болѣзней; земля узрѣла бы свои растенія, цвѣты, древеса и свои нивы увядающими, и мы, вмѣсто того, что теперь вкушая здоровую прохладу воздуха, послѣ непогоды новою исполняемся бодростію, мы пали бы безъ дыханія.

Природа часто, кажется, безъ сихъ грозныхъ пріуготовленій, безъ сего страшнаго шума, составляетъ изъ бури нѣкоторой родъ пріятнаго зрѣлища для одного только удовольствія. Маленькое сребреновидное облако непримѣтно восходитъ по спокойному небу, и питаетъ въ нѣдрахъ своихъ сокрытыя сѣмена бури тогда, какъ солнце лучи свои разсѣваетъ по спокойнымъ полямъ, какъ все при его ясности улыбается. Работающій поселянинъ не видитъ, что готовится надъ его главою; спокойно другъ стихотворцовъ съ своею прекрасною въ саду за столикомъ читаетъ трогательныя мѣста съ катящимися изъ очей слезами. Внезапу помрачается бѣлое облако; въ тоже мгновеніе открывается молнія, громкой трескъ низпадаетъ изъ прозрачнаго воздуха; и блескъ послѣдуетъ за блескомъ. Взоръ ужасается при видѣ свирѣпствующаго непого-

дою облака, и въ семъ ужасѣ изумляется видя, что все опять утихаетъ и скоро потомъ изчезаетъ.

Но часто жесточайшій громъ ударяетъ стѣснившися въ узкой долинѣ, и всѣ вертепы отъ удара его раздаются; летающія кругомъ молніи воспламеняя зеленыя верьхи древесъ, съ пощадою разсѣваютъ огонь свой, предъ оброcшими мохомъ кровлями пастушескихъ хижинъ; облака, какъ нощь черныя, ліютъ воду свою съ бурею вѣтровъ. Въ тоже время вокругъ осклабляется ближнее поле исполненное пѣнія птицъ, и при немъ лежащая гора освѣщается въ спокойной ясности. Но скоро сіе явленіе перемѣняется. Заключенной въ долинѣ громъ вырывается съ дикимъ ревомъ изъ сей низкой темницы, и учиняетъ ближнюю гору зрѣлищемъ своей ярости. Въ сіе время, какъ въ долинѣ все утихаетъ и прочищается, онъ возноситъ величественной гласъ свой на высокихъ мѣстахъ; пламень пеститъ небеса. Серна въ глубокой пещерѣ, гдѣ громъ раздается, ужасаясь, вылезаетъ и бѣжитъ изъ ненастнаго горизонта. Обитатели Алпійскіе въ изумленіи смотрятъ подъ ногами своими на бурю сражающуюся

съ

сЪ бурею, и на облака спирающіяся сЪ облаками, сквозь которыхЪ летающія молніи открываютЪ имЪ мрачной видЪ глубокихЪ мѣстЪ

Auditque ruentes
Sub pedibus nimbos, & rauca tonitrua calcat. (*)

Новой видЪ прохладившейся природы не менѣе имѣетЪ пріятности послѣ непогоды; и онЪ одинЪ долженЪ доказать противное изнѣженнымЪ людямЪ, которые сЪ досадой негодуютЪ, когда лѣтніе жары нѣсколько тягостей имЪ причиняютЪ. Они лежа на канапѣ, ропщутЪ; вЪ роптаніи позабываютЪ важную выгоду жаровЪ, и чувствуютЪ только маленькія безпокойства, которыми сіи выгоды покупаются. Они совсѣмЪ не знаютЪ мудрыхЪ разсужденій о перемѣнахЪ природы, и о счастливомЪ состояніи, вЪ которое насЪ она приводитЪ. Стараясь только обЪ изнѣженномЪ своемЪ тѣлѣ, кажется, они для него только и живутЪ; вся природа дѣлается имЪ ненавистною, когда оно претерпѣваетЪ нѣсколь-

(*) Sil. Jtal.

сколько безпокойствъ. Стоитъ ли труда говорить болѣе о сей глупости?

Нужны они, сіи дни, когда отъ жару солнца на высотѣ небесъ горящаго, кажется, все изнемогаетъ; и самыя въ другое время прохладныя мѣста не даютъ уже болѣе въ себѣ пріятнаго убѣжища. Земля возжигается огненнымъ лучеотраженіемъ; она растрескивается и превращается въ пыль, и глаза и дыханіе отягчающую; соки растѣній изсыхаютъ; древеса опускаютъ ослабѣвшія свои листвія; звѣри задыхаясь прячутся въ густоту мрачныхъ лѣсовъ; стада безгласны лежатъ подъ тѣнію оградъ своихъ; путешественникъ уклоняется подъ пространныя вѣтьви дуба; коса престаетъ шумѣть, и самъ поселянинъ обременяется никогда имъ нечувствованною слабостію. Нужны дни сіи, какъ первые оные весенніе дни; они одни даютъ спѣлость плодамъ на поляхъ и въ садахъ, доставляя намъ избытокъ въ хлѣбѣ, чтобы гладъ наши села не постигъ, какъ вооруженной непріятель; они сообщаютъ позднымъ растеніямъ ихъ зрѣлость; они производятъ цвѣтъ и блескъ въ камняхъ, лежащихъ въ нѣдрахъ горъ; они согрѣваютъ

зем-

землю, что бы осень имѣла болѣе пріятности, уменьшая первую суровость зимы; они распространяютъ живность и удовольствіе въ собраніяхъ животныхъ, которыя глубоко обитаютъ въ землѣ, и о которыхъ столько же, какъ и о людяхъ вообще благодѣтельная природа печется при всѣхъ ея распоряженіяхъ. Какъ нѣжно она ко всѣмъ расположена твореніямъ! Самыя маленькія безпокойствія отъ жаровъ нами претерпѣваемыя вознаграждаетъ она услажденіемъ вкуса, сообщая солнечнымъ жаромъ плодамъ различную сладость, и изготовляя веселое питіе на горахъ виноградныхъ. Васъ, всегда жалующіеся на знойной жаръ, ужели она въ каждой безпокоитъ день? Не вознаграждаетъ ли утро, вечеръ и нощь тихою прохладою чувства за понесенныя тягости? Не сообщаютъ ли вѣтры и дождь паки прохлажденія? Такъ ли бы васъ оживотворяло пріятно перемѣняющееся чувствованіе прохлады безъ понесеннаго жара? Люди не знаютъ, чего хотятъ, жалуясь на природу.

Какія тихія пріятности кромѣ сего соединены съ прохладными лѣтними дождями? Вся земля находясь въ торжественной тишинѣ, съ жаждою ожидаетъ

благорастворенія въ облакахъ питаемаго. Молчатъ повсюду вѣтры; вѣтьви древесныя шумѣть перестаютъ; не трогаются самыя топольевы листвія; маленькое на пруду волненіе успокоивается; плодотворныя облака ниже опускаются на поля, начинаютъ почти непримѣтныя капельки упадать изъ ихъ наполненныхъ нѣдръ; тихая роса изъ спокойнаго низтекаетъ воздуха, и окропляетъ поверхность травъ и цвѣтовъ; нѣкоторыя на плоскости воды вспрыгивающія и въ тожъ мгновеніе исчезающія звѣздочки возвѣщаютъ приближающійся дождь; и теперь, кроткое небо изливаетъ весь избытокъ своего благорастворенія. Съ какою тайною радостію пріемлютъ его дальнія горы, лѣса, долины и сады! Какое оживотворяющее прохлажденіе, какая плодоносная красота простирается при каждомъ новомъ разлитіи облаковъ надъ всею страною!

Послѣ самой свирѣпствующей непогоды какая по всей природѣ открывается пріятность! Мрачныя облака раздѣляются, освѣщенны блистающимъ свѣтомъ; осклабляющаяся ясность, которая все увеселяетъ, по всему распространяется небу; его синей сводъ разноцвѣтными испе-

пещренный чертами, открывается изъ пропадающей завѣсы, и смотрится въ успокоившихся водахъ. Скорыя тѣни бѣгутъ по долинамъ, по холмамъ и лугамъ, легкимъ гонимы сіяніемъ; иногда погружается страна въ тихую сумрачность, иногда въ позлащенномъ показывается сіяніи. Какъ тамъ прекрасная надъ горизонтомъ простирается радуга, какъ играютъ въ ней въ сугубомъ блескѣ живо начертанныя красоты, отсвѣчиваясь въ прозрачныхъ водахъ морскихъ! Ближняя древняя гора, величественною главою въ облакахъ простирающаяся, пріемлетъ не обыкновенную пріятность, обновляется въ свѣтломъ великолѣпіи, разсѣянномъ сею вѣстницею примиренныхъ небесъ. Съ прохлажденнаго воздуха низпадаютъ еще нѣкоторыя дождевыя капли; верьхи горъ и спокойныя поля далеко вокругъ свѣтятся отъ влажности облаковъ; куста при солнечномъ сіяніи блестятъ маленькими звѣздочками, и трогаясь рѣзвящимися Зефирами снова дождемъ низпускаютъ тяжелое множество капель. Трава и цвѣты, которые казалось, въ унылой увядали слабости; вся природа чувствуетъ благодѣтельное прохлажденіе; всѣ растенія опять поднимаются; и зеленость полей

пред-

представляется въ чистѣйшемъ убранствѣ. Лѣса свою веселость возобновляютъ; стадами ласточки толпятся въ веселомъ летаніи; стада отрясаютъ мокрую волну, и блѣютъ отъ удовольствія; тысячи малыхъ голосовъ раздаются по лугамъ. Путешественникъ благословляя оставляетъ защищающее его древо, и продолжаетъ съ веселостію путь свой; поселянинъ спѣшитъ отдохнувъ опять на работу свою; красавицы возвращаются въ веселые сады свои; все оживляется снова; все восхищается отъ удовольствія прохлады; и всѣ травы изливаютъ съ избыткомъ сладкое свое благовоніе.

Частію нашихъ пріятнѣйшихъ сельскихъ предметовъ не рѣдко бываютъ стада, по ту сторону Ары на противолежащихъ пасущіяся холмахъ. Увеселительно видѣть, какъ они на тучной травѣ наполняютъ для насъ сладкимъ сосцы свои млекомъ; какъ при веселомъ звонѣ колокольчиковъ кругомъ бродятъ въ разсѣяніи подъ яснымъ и здоровымъ небомъ; какъ ищутъ иногда теплоты солнечной, иногда прохладной тѣни, и воды; вотъ зрѣлище, которое

всегда

всегда было довольно плѣнительнымъ для стихотворца и живописца, и которое изъ картинъ прекрасныя мѣста представляющихъ, при благоразумномъ выборѣ и при красивомъ составленіи пріятнѣйшую представляетъ картину. Еще увеселительнѣе здѣсь бываетъ нечаянное воззрѣніе на стада, пасущіяся на плодоносныхъ верьхахъ до неба возвыщающихся горъ. Тамъ они кругомъ ходятъ въ безопасныхъ облакахъ, и глухой ревъ воловъ раздается съ высоты въ глубокой и безмолвной долинѣ. Толпа дружелюбныхъ пастуховъ безъ женской помощи дѣлаетъ сосѣдственное имъ небо свидѣтелемъ ихъ трудолюбія и невинности; ихъ дни, которые вмѣсто ночи, одною легкою сумрачностію перемѣняются, протекаютъ въ ихъ маленькихъ хижинахъ въ счастливой единообразности, раздѣляясь между трудовъ и спокойствія; ихъ сердце, сколь далеко они отъ земли возвышаются, столько надъ завистію, надъ печалію и заботами возносится; шутливость, рѣзвость, дружество, и пѣснями и рогами возбужденное эхо, приводятъ у нихъ въ забвеніе цѣлой свѣтъ, кромѣ только отдаленныхъ ихъ Галатей, которыхъ похвалу они пустыя горы часто повторять заставляютъ.

Но

Но какъ скоро скошенные луга отъ ночной гололедицы замерзая начнутъ въ пасмурной полдень сѣтовать, какъ осень бурею и суровыми туманами сопровождаемая покроетъ горы первымъ инѣемъ; тогда низходятъ оттуда тучныя стада въ деревни, тогда толпятся они съ ревомъ при звонѣ колокольчиковъ далеко по дорогѣ раздающемся въ свои знакомые хлевы, и въ тожъ время какъ сильные волы съ мѣдлительностію влекутъ скрыпящія телеги, богатыми плодами сосцовъ нагруженныя, въ то время пастухи украшенные вѣнцами спѣшатъ при звукѣ роговъ къ призывающимъ своимъ любовницамъ, и въ ихъ объятіяхъ продолжительнымъ зимнимъ удовольствіемъ и веселостями услаждаютъ печаль отсутствіемъ ихъ причиненную.

Не менѣе прелестей имѣетъ и жатва, отъ которой счастіе поселянина, и благосостояніе государства зависитъ, для человѣколюбиваго созерцателя. Тогда, какъ трудъ воздѣлыванія полей, и ихъ засѣванія окончится; пріятная надежда возбуждается въ сердцѣ поселянина; онъ съ довѣренностію ожидаетъ плодотворности отъ погоды; онъ уже слышитъ вдали

серпы

серпы шумящіе въ желтой нивѣ; онъ видитъ уже плоды везомые въ его житницу. Пріятной и веселой былъ видъ луговъ, какъ нога косца на нихъ не вступала; трава до плодовитой возрастала вышины; гдѣ смѣшанная зелености и блистающихъ по мѣстамъ пестрыхъ цвѣтовъ красота издали увеселяла взоры; цѣлительное благовоніе развѣвалось отъ нихъ при нашемъ прогуливаніи въ прохладные вечера. Но скоро луга пріятности сей лишилися, какъ стали отъ нихъ выгоды искать. Острая и подсѣкающая коса гавными рядами на одну сторону валила густую траву; сто трудящихся рукъ разметывали ее предъ сушащими солнца лучами, скоро потомъ собирали ее грудами, и преображали равнину въ маленькія горы. Поселяне воспѣвали радость свою и благодарность предъ провидѣніемъ; провождаемые длинною тѣнію волы влекли возы туго нагруженные собраннымъ ихъ кормомъ; позабывъ тяжесть бремени спѣшили съ веселымъ ревомъ въ отверстыя сѣнницы. Тамъ простерты по дальнему пространству, котораго конецъ едва взоры постигаютъ, блестятъ усѣянныя поля въ желтомъ украшеніи, освѣщаясь солнечными лучами; движи-

движима вѣтрами зыблется вся жатва; и всегда колеблется, какъ волны морскія; преклонены бременемъ изобилія классы возвѣщаютъ свою спѣлость, и призываютъ ожидающаго ихъ спѣлости жнеца. Съ какою веселостію спѣшитъ онъ въ поле, благословляетъ изобиліе природою, и его трудолюбіемъ въ его руки даемое! Съ веселостію смотрѣть можно на такое пріятное упражненіе. „ Коль часто видятъ „ черты удовольствія свободной души въ „ обрадованномъ жатвы собирателѣ! По „ справедливости насъ должно тронуть „ одно изображеніе Рубеново и привлечь „ можетъ быть, посмотрѣть съ большею „ пріятностію на празднество жатвы въ „ Теніерѣ.

О счастливой поселянинъ! ты, которой Алпійскими защищаясь стѣнами, въ травистыхъ долинахъ, и на исполненныхъ классовъ холмахъ надежное имѣешь изобиліе наслѣдственнаго имѣнія, ты не для роскоши расточительнаго тирана, но для себя самаго пасешь стада свои, для себя все собираешь съ полей своихъ, и предъ собою возрастшіе природы плоды съѣдаешь въ своей хижинѣ, гдѣ спокойствіе и удовольствіе соединяются съ благородною простотою. Кто можетъ воззрѣть, или на

твое

твое благословенное жилище, или на тебя среди сельскихъ въ полѣ упражненій, съ исполненнымъ радости сердцемъ не пріемля участія въ твоемъ состояніи, и другимъ селамъ въ честь человѣчества не желая равнаго счастія? Коль часто ты видишь солнце твои горы освѣщающее, и на ихъ плодоносныхъ отлогахъ твою жатву спѣющую, или при томъ блѣяніе стадъ своихъ слышишь, толь часто чувствуй, колико счастливъ человѣкъ, которой безопасенъ отъ нападенія несправедливости, наслаждается подъ благодѣтельнымъ небомъ своею собственностію. И коль часто твои радостныя раздаются въ селахъ восклицанія, или когда сидя подъ зеленою тѣнію твоими руками насажденныхъ плодоносныхъ древесъ, подъ гибкими виноградными вѣтвями запѣваешь пѣсни о спокойствіи и свободности, всегда они должны состоять изъ столь многихъ голосовъ благодарности къ тому существу, которое судьбами народовъ управляетъ. Удовольствіе въ томъ, что природа и трудолюбіе сообщаютъ, и что потребностямъ жизни удовлетворить можетъ, отдаленное отъ досады и вожделенія чужихъ имѣній и благородная нравовъ простота, были добродѣтели возведшія

шія твоихъ предковъ до счастія, котораго продолженіе и до твоихъ простерлося дней. Слѣдуй любезной народъ, слѣдуй всегда ихъ достойнымъ положеніямъ; ихъ оставлять есть путь къ несчастію; имъ подражать есть учинить себя дотолѣ счастливымъ, доколѣ уклоняющіеся лучи вечерняго солнца будутъ разсыпать надъ Веттергорномъ свой пріятной пурпуровидной блескъ. Такова ты есь божественная свобода, первой даръ природы, изобильной источникъ радости, ты, дозволяешь поселянину здѣсь наслаждаться жизнію, которая совершеннымъ кажется изображеніемъ Аркадійскаго благополучія. Подъ твоимъ кроткимъ правленіемъ одушевляется и оживотворяется любовь къ отечеству; дикія каменистыя мѣста перемѣняются, пріемлютъ прелестной видъ тучной земли, и не населенная степь учиняется увеселительнымъ полемъ удовольствіе счастливыхъ людей возвѣщающимъ. Обитай, соединясь съ правосудіемъ и геройствомъ въ сихъ хижинахъ, которыя достойны и тогда находиться подъ твоею защитою, когда мраморныя палаты увѣнчанныхъ тиранновъ низпровергнутся. О! когда я при семъ народѣ представляю себѣ картину нищеты и

рабства

рабства во многихъ странахъ еще поселянъ угнетающаго, коль печально для друга человѣчества, и коль чувствительна для сердца таковая картина! Вокругъ страну обременяютъ многія лѣса, среди тумановъ и мразовъ стоитъ поселянинъ, и чрезъ всю работая недѣлю, сѣкаетъ тяжелые дубы, между тѣмъ самъ едва нѣсколько лозъ имѣетъ для своего очага, дрожитъ при хладномъ дымѣ сидя тамъ съ мокрыми и полуодѣтыми членами. Тысяча овецъ покрываетъ вокругъ холмы; а онъ едва имѣетъ нѣсколько шерсти для наготы своей; поля зыблются отъ изобилія класовъ, но онъ истаеваетъ отъ глада съ домашними въ убожествѣ, и тогда какъ въ воздѣлываніи счастливыхъ полей вытерпѣлъ онъ жаръ и стужу, безпомощные дѣти вотще съ слезами испрашиваютъ пищи отъ бѣднаго отца своего. Какую выгоду приноситъ ему потъ и изнуреніе силъ его? Восхитительно поднимается вверхъ позлащенная жатва предъ утомленными его взорами, и онъ едва имѣетъ смѣлость собирать по опустошенному полю малой остатокъ рѣдко разсѣянныхъ класовъ. Нѣтъ у него ничего собственнаго кромѣ трудовъ и убожества; не его съ щелями пустая хижина

жина помощію вѣрнаго сосѣда имъ построенная ; не его агнецъ имъ воспитанный , не его дитя праводушною его женою рожденный , не его и самая жизнь , для содержанія которой тираннъ ему пропитанія не даетъ. О люди ! постыдитесь состоянія невольничества , въ которое вы вашихъ братій приводите ! Или они васъ оскорбили , что не разрѣшимыми цѣпями прикованы лежатъ подъ симъ бременемъ ? Оковывайте злодѣевъ, а не невиннаго , не добраго поселянина , которой васъ своими трудами питаетъ. Что здѣлали вамъ сіи кроткіе агнцы ? Вы , государи мои , вы вотчины и рабовъ имѣющіе , выслушайте , когда сей гласъ достигнуть долженъ до ушей вашихъ , сіе вопіющее ходатайство , сопровождающее безгласную прозьбу нищеты , угнетенія и убожества , отъ котораго поселянинъ сѣтуетъ ! Не ищите болѣе въ томъ величества , чтобы къ вашей собственности принадлежало нѣкоторое число людей и ихъ потомковъ. Колико жалостей достойна власть надъ бѣдными и угнетенными невольниками простирающаяся ! Естьлибъ вы имъ даровали свободность , новою жизнію почитающуюся , какой бы вы отъ нихъ не могли ожидать благодарности , коли-

кой

кой любви, преданности, и новаго трудолюбія за сей драгоцѣнной подарокъ? Какъ бы скоро поля и луга вашихъ помѣстій пріяли новую пріятность; не плодоносныя плодоносными, а плодоносныя еще плодоноснѣйшими бы учинилися; и каждое не воздѣланное мѣсто, начинало бы зеленѣть и плоды производить, когда бы плугъ не обезсиленными отъ рабства водимъ былъ руками, и когдабъ поселянинъ отъ лѣтняго плодоносія нѣчто удѣлять себѣ осмѣлился? Подлинно свободность въ простыхъ людяхъ возвышаетъ также и образъ мыслей, и человѣкъ никогда столько не чувствительнымъ не бываетъ, чтобы таковой важности благодѣяніе не могъ чувствовать; благодарность съ толико сильнымъ голосомъ, что онъ не можетъ его не слышать, взываетъ къ нему, и облегченіе тягостей подданнаго есть новая надъ его сердцемъ побѣда, и новая слава для человѣчества.

Я еще простираю взоры на сію страну, на жилище истинной вольности. Видя изобиліе травы и класовъ исходящее изъ земныхъ нѣдръ, оставленныхъ природою во многихъ мѣстахъ въ небреженіи, должно съ одной стороны прославлять оживо-

творенную вольностію не преодолимую любовь къ отечеству, и трудолюбіе поселянина; съ другой мудрое къ произведенію земледѣлія, и благодѣтельное для общества благоучрежденіе, котораго бы начальники больше нежели Цересъ заслуживали монументовъ, естьли бы только монументы могли продолжительною быть наградою. Теперь тамъ зеленѣются луга, гдѣ пустыя прежде были степи; теперь тамъ посѣянныя класы преклоняются на косу, гдѣ каменистая земля въ сухой лежала не плодовитости; теперь обширная страна имѣетъ свое убранство, и слѣды трудолюбія извлекающаго помощію искуства изъ земли для жизни, содержаніе, котораго она не давала, теперь убожество удалено, и изобиліе и удовольствіе господствуетъ въ жилищахъ поселянина, одушевляя его новою въ трудахъ надеждою. Отсюда проистекаетъ одинъ изъ ближайшихъ и изобильнѣйшихъ источниковъ государственнаго благосостоянія и силы. Что помогаютъ домы художествъ, безчисленныя войска, и сильная торговля, когда государство, какъ Англія, часто ослабѣваетъ отъ недостатку хлѣба, когда свои сокровища на чужестранной хлѣбъ весьма не выгодно можетъ промѣнивать?

Но

Но пусть все сребромъ наполненные корабли погрязнутъ въ пучинѣ, престанутъ рудокопы сообщать золото и драгоцѣнные камни, пусть замолкнутъ труды художниковъ, и прервется тканіе въ фабрикахъ; плодовитая страна и воздѣлывающее землю трудолюбіе, всегда пребудутъ довольно изобильными для пропитанія народа и солдатъ, для удержанія своего государства въ его силѣ и уваженіи отъ сосѣдовъ. По сей причинѣ мудрые Государи, умноженіе земледѣлія всегда почитали важнѣйшимъ предметомъ здравой государственной политики, и наше столѣтіе съ сей стороны занимаетъ знатное мѣсто въ исторіи человѣчества. Съ давнихъ уже временъ сей вкусъ былъ, вкусомъ мудрыхъ людей; превосходные мужи писали о земледѣліи; Герои руки свои, защищавшіе отечество, возлагали на плугъ, обвивая его своими лаврами. Таковые примѣры должно приводить для отраженія извѣстныхъ предразсудковъ, и для оживленія любви къ земледѣлію. Всякое упражненіе до благосостоянія человѣческихъ обществъ касающееся есть драгоцѣнно, и принадлежитъ въ число истинныхъ заслугъ. Воздѣлываніе земли, соразмѣрно съ потребностями человѣческими, было первое

 по-

попеченіе создателемъ человѣку ввѣренное; званіе, которое укрѣпленіемъ тѣла и воздерживаніемъ мятежныхъ страстей, еще болѣе открываетъ выгодъ, сообщая пріятное удовольствіе насыщать себя самимъ собою снисканными плодами, и быть обязаннымъ пищею своему собственному трудолюбію.

Я имѣю еще маленькое жатвы изображеніе, которое нѣкоторымъ владѣтелямъ богатыхъ помѣстій сообщить хочу, чтобы изъ того пріятную произвесть выгоду. Евдоксъ сидѣлъ нѣкогда съ нѣкоторыми друзьями на одномъ холмѣ, и съ удовольствіемъ взиралъ оттуда на пожинаемые нивы въ своей вотчинѣ. Вдали усмотрѣлъ онъ какъ позади поселянъ въ мѣстахъ, гдѣ снопы уже собраны были, множество воробьевъ, и нѣсколько робкихъ нищихъ совокупно собирали тощія класы. Едва увидѣлъ онъ сихъ несчастливыхъ людей, и сожалительныя слезы выступили на очахъ его: „ Можетъ „ быть, говорилъ онъ, богатой мой со„ сѣдъ вперилъ страхъ въ сихъ несчастли„ выхъ, тотъ, которой, какъ сказыва„ ютъ, имъ сего печальнаго благодѣянія „ никогда оказать не хочетъ; я не столь„ ко богатъ, какъ онъ, и имѣю трудность

„ность снабдѣвать мою многочисленную „фамилію жатвою сего лѣта. Но дол- „женЪ ли я видѣть моихЪ ближнихЪ, кЪ „животнымЪ безсмысленнымЪ причислен- „ныхЪ и отверженныхЪ? ДолженЪ ли я „вЪ то время, когда собираю толикія не- „бесЪ щедроты, долженЪ ли я имЪ не по- „зволить принимать участіе вЪ благодѣ- „яніяхЪ природы, опредѣленныхЪ для „потребностей всѣхЪ твореній? БезЪ сихЪ „расположеній не былЪ бы я достоинЪ „того изобилія, которое симЪ лѣтомЪ „распространилось по моему полю. Небо „меня осчастливило, чтобЪ я другихЪ „осчастливить могЪ. Подойдите ближе, „вскричалЪ онЪ, подойдите ближе, вы „бѣдные друзья мои; вы находитесь вЪ „помѣстье человѣка.„ Здѣсь онЪ тотчасЪ всталЪ, и пошелЪ кЪ нимЪ на встрѣчу. „СЪ боязливостію намѣревались они уй- „ти; ибо часто должны были убѣ- „гать сЪ другихЪ полей. Остановитесь, „кричалЪ онЪ имЪ, не опасайтесь моего „присутствія; я иду, чтобЪ сіи пе- „чальные ваши уменьшить труды.„ ТутЪ позвалЪ онЪ своего управителя, и по- велѣлЪ для каждаго назначить умѣрен- ную часть сноповЪ. „Подите, прибавилЪ „онЪ, насыщайтесь, и благодарите Про-

„ виденію ; и когда другая настанетъ „ жатва , приходите опять , принимать „ снова ваше въ ней участіе. „ Тронуты и полуизумленны отъ сего не ожидаемаго благоденія взирая нанего бедные съ безгласною благодарностію , подступили ближе , жали его руки , и возводили взоры свои на небо. Съ печалію отходя отъ нихъ , сказалъ онъ друзьямъ своимъ : вотъ дело достойное , чтобъ опять повторять его.

Между сельскими забавами обыкновенно ловля бываетъ первейшею ; многіе въ селахъ живущіе въ ней единственное свое полагаютъ упражненіе. И такъ здесь будетъ представлено несколько размышленій , которыя помогутъ справедливое о семъ роде господствующихъ сельскихъ увеселеній зделать разсужденіе. Не ожидайте ни принужденныхъ жалобъ стихотворческой нежности , ни вопля техъ не человеколюбивыхъ людей , которые всякое употребленіе животныхъ почитая за грехъ, человеку назначаютъ для пропитанія только одни земные плоды. Разумъ въ семъ разсужденіи долженъ насъ руководствовать.

Безъ

Безъ сомнѣнія звѣриная ловля имѣетъ свое удовольствіе. Она ведетъ своихъ любителей чрезъ тысячу различныхъ странъ, чрезъ долины и степи, чрезъ горы и рѣки; и хотя она никакой на всѣ прекрасные природы предметы точной внимательности не производитъ; ибо духъ занимается единственнымъ только своимъ предметомъ, однако и въ томъ дѣлаетъ удовольствіе, что мы чрезъ различные пробѣгаемъ лабиринты. Она съ сей стороны не малое имѣетъ втеченіе и въ здоровье; она тѣло приводитъ въ сильнѣйшее движеніе, отвлекаетъ отъ нѣги, и укрѣпляетъ его къ понесенію тягостей.

Естьли человѣкъ нравственную имѣетъ власть употреблять животныхъ для своей пищи, для выгоды, и своего удовольствія, то чрезъ сіе уже и доказывается вообще право на звѣрную ловлю. Намѣренія природы при произведеніи животныхъ большаго достигаютъ совершенства, когда мудрымъ образомъ, человѣкъ сими животными пользуется съ благодарностію къ Создателю твореній. Звѣри ко вреду бы нашему умножились, естьли бы мы никогда ихъ не уменьшали; но теперь весьма различныя происходятъ выго-

ды, которыя мы отъ нихъ имѣть можемъ. И какъ намъ сама природа, показывая сіи выгоды, по разуму довольную даетъ власть ими пользоваться; такъ для чегожъ не должны мы ихъ принять для однихъ худо представленныхъ разсужденій? Къ тому нами имѣемому праву, по которому мы животныхъ къ различнымъ потребностямъ, къ каковымъ они способны, употреблять можемъ, принадлежатъ нужныя расположенія, посредствомъ которыхъ мы ихъ преодолѣвать можемъ; на семъ основывается позволеніе на звѣриную ловлю; или свободность ловить и застрѣливать дикихъ обитателей лѣса. Многія въ свѣтѣ находятся вещи, которыя своимъ только уничтоженіемъ человѣку совершенно могутъ быть полезными; и сюда принадлежатъ звѣри.

Поелику смерть ихъ нужна; то и будетъ съ человѣчествомъ сразмѣрно, производить ее легкимъ и нечаяннымъ образомъ, и недопускать, чтобъ они ее предвидѣли, или долго чувствовали. По сему примѣчанію узнать можно, что безмолвная и тихая ловля, и употребленіе огнестрѣльнаго оружія есть всего приличнѣе человѣку, такъ же и уединенное преслѣдованіе съ ружьемъ, и нечаянное показываю-

вающаго звѣря низложенiе имѣетъ отмѣнную прiятность. „ Естьли мы , сказалъ „ Плутархъ , оскорбляемъ ; такъ пусть „ оскорбимъ съ извѣстною бережливостiю и „ умѣренностiю ; естьли мы для своего „ пропитанiя умерщвляемъ животныхъ , „ такъ должны съ сердечнымъ дѣлать то „ сожалѣнiемъ , и не мучить ихъ. „ Когда звѣрь свинцомъ пронзенный предъ нами повергается, или на слабомъ бѣгу нѣсколько шагсвъ омачивая своею кровiю поля , на всѣ стороны шатается и упадаетъ , неотмѣнно симъ зрѣлищемъ долженствуетъ тронуться человѣческое сердце. Но коль многiе, кажется, сего чувствованiя не имѣютъ, когда свирѣпостiю увеселяются на ловлѣ, когда бѣднаго звѣря съ шумомъ между древесъ раздающимся настигая , предъ кровавою смертiю гоняютъ вокругъ по пространному лѣсу ; когда преслѣдуемый дикимъ крикомъ , воемъ роговъ , и разъяренными псами , разгорячен страхомъ и бѣганiемъ , и измученъ ранами , наконецъ онъ упадаетъ и умираетъ со стономъ , надъ которымъ всѣ кусты , кажется , сѣтуютъ ! Какъ много должно охуждать человѣка , когда унылыя жалобы и кровь издыхающаго животнаго увеселяютъ ! Когда его съ смертiю борющееся не трогаетъ

етъ животное! Тронутъ ли его слезы несчастливаго гражданина? И когда душа его питается всегда ужасными изображеніями убивства, такъ можетъ ли наконецъ жалости пріятное чувствованіе имѣть для него нѣсколько пріятности? И не потеряетъ ли особливо юность слабыхъ основаній нѣжнаго сердца, и не воспріемлетъ ли нечувствительно душа нѣкоторой суровости? О! вы обитатели сельскіе! не допускайте надежду вашихъ домовъ, вашихъ въ честь человѣческаго пола рожденныхъ юношей въ непрестанномъ гоняніи звѣрей истреблять нѣжное ихъ чувствованіе, чтобы они нѣкогда, каковыми въ лѣсахъ, таковыми же не были межъ людьми. Какъ легко перемѣнить предметъ страстей, и здѣлаться свирѣпымъ противъ человѣка, когда кто съ перваго возраста привыкъ противъ звѣрей таковымъ быть! Но вы, какъ долженъ я васъ назвать? Вы Амазонки одѣяніемъ, конемъ, оружіемъ, и шумнымъ на ловлѣ товарищесмвомъ съ толикимъ отъ своего пола искуствомъ различающіеся, и позабывать о его пріятныхъ нѣжностяхъ насъ научающіе, какъ можетъ сія съ толикою кротостію стыдящаяся иногда робость ополчаться въ рыцарскія оружія?

Какъ можетъ одною только любовію дышущая грудь, склониться къ убивственной ловлѣ? Какъ можетъ сердце, которое и отъ малѣйшаго вида непостоянства оказаннаго своимъ любезнымъ содрогалось, сносить воззрѣніе, обливающатся кровію животнаго? Какъ можетъ къ пріятнымъ ласкательствамъ образованная рука, сама схватить убивственное оружіе, и къ сладкому пѣнію соловья привыкшее ухо, вытерпѣть смертельной трескъ?

Нѣкоторые любители ловли остаются совсѣмъ ею плѣненными; они въ искуствѣ застрѣливать зайцевъ, полагаютъ ихъ величайшую славу; и тамъ ее находятъ, гдѣ могутъ. Сіи господа, кажется, принадлежатъ къ онымъ нашего отечества временамъ, когда люди во всю жизнь бродили по лѣсамъ, никакого не зная удовольствія, какъ только съ дикими по всюду сражаться звѣрями. Наши древніе предки не знали, ни пріятной красоты художествъ ни наукъ, ни сладкихъ пріятностей хорошаго обхожденія, и ихъ духъ ничемъ не занимался, ибо оныя времена образовать его не могли. Имъ простительно было сіе, естьли ловля превосходнымъ была у нихъ упражненіемъ, особливо,

ливо, когда въ ихъ время находилось великое множество дикихъ звѣрей, которые имъ вредить могли. Но можемъ ли мы съ довольною безопасностію ссылаться на примѣры ихъ, мы, которымъ съ толикою предлагаются многоразличностію прелестныя увеселенія духа? Кто къ однимъ только забавамъ звѣриной ловли чувствителенъ, тотъ даетъ намъ право сомнѣваться о его вкусѣ. Чемъ можетъ питать себя разумная душа въ непрестанныхъ гоненіяхъ звѣрей? Не должны ли всегдашнія воображенія ловли, которыя всей ею овладѣли, нечувствительно помрачать лучшія ея познанія, и когда она престаетъ человѣколюбивою быть, ее унизить до звѣрскаго состоянія? Бѣденъ тотъ, кому никакія не нравятся веселости, какъ только гонять и убивать.

Солнце начинало, оканчивая послѣдніе часы прекраснаго дня, въ розовомъ сіяніи уклоняться, какъ одинъ изъ нашего сельскаго общества пріятель пригласилъ меня въ бесѣдку, гдѣ пріятная прохлада изъ густоты листвіевъ низпадала. Столько былъ вечеръ сей прелестенъ, что мы никогда впечатлѣній его забыть не можемъ. Вся природа осклаблялась отъ тихаго отсвѣчиванія, въ западѣ отъ багровыхъ небесъ происходящаго. По зелени древесныхъ вѣтвій играя послѣдніе лучи, позлащали тихоколеблющіяся листвія. Блескъ убѣгающаго свѣта колебался по ровной водѣ Ары, и собравшіеся на западѣ малые облаки, горѣли какъ позлащенные столпы, трудолюбивыя дѣвицы разсѣявшись среди коровъ, шли съ сосудами пѣнящагося млека; къ нимъ присоединялись возвращающіеся жнецы съ вольными шутками и любовными повѣствованіями; между веселыми разговорами предъ жатвою, садились сельскіе старики подъ столѣтнею липою, и подъ спокойною тѣнію ожидали изъ поля семейства своего къ изготовленному ужину. Помаленьку блѣднѣли вечернею зарею украшенныя облака, и терялись въ туманной темнотѣ; вся дневная ясность уклонялась подъ сумрачное покрывало. Лѣса станови-

лись темнѣе; и отъ лѣтнихъ цвѣтовъ, на которыхъ утружденная бабочка дремала съ своими пріятностями, дышалъ на насъ прохладной вѣтеръ съ благовоніемъ. Эхо болѣе не отвѣчало пѣснямъ пастушекъ; и по лугамъ уже не раздавались безчисленныя голоса животныхъ; въ покоѣ распростершись лежали тучныя стада. Глубокое безмолвіе умножалось болѣе, замолкли всѣ пѣвцы, которые чрезъ цѣлой день ударяя различными тонами, напрерывъ своею музыкою пріятность сельскую умножить старались. И какъ мы отъ красоты сего вечера въ пріятныхъ погружались чувствованіяхъ, которыя отъ разговоровъ ощутительнѣе еще въ насъ становились, вдругъ изъ зачерныхъ лѣсовъ луна возвысила главу свою, и посребривъ окружные верхи горъ, и быструю Ары воду, съ торжественною медлѣнностію восходила по синему небу, гдѣ ни одно облачко не потемняло ея ясности. Веселость нашихъ разговоровъ чувствованіемъ столь многихъ красотъ питаемая, безмолвіемъ подкрѣплялась.

Теперь, говорили мы, теперь, когда поля вокругъ дремать начинали, коль прекрасно здѣсь, подъ освѣщенною листвій тѣнію, насъ отъ свѣта и его блѣдности

удалившѣю наслаждаться счастливыми минутами пріятнаго безмолвія! Съ коликою пріятностію текутъ мысли, и съ какимъ спокойствіемъ сердце заключается въ чувствованіяхъ его неизрѣченной радости! Ни одна страсть не обезпокоиваетъ духа; ни одна забота не возмущаетъ нашего уединенія. О естьли бы только не малое число было тѣхъ людей, которые удалены отъ насъ, наслаждаются удовольствіемъ сего вечера! О естьли бы всѣ, надъ главами которыхъ лунное простирается сіяніе, могли съ безслезными взирать на него очами! Многіе сельской жизни любители теперь съ пріятными о добродѣтели и о благополучіи уединенной жизни разсужденіями прогуливаются по вѣтьвистымъ аллеямъ садовъ своихъ, взирая съ восхищенными взорами въ будущее время. Но коль многіе тайные вздохи можетъ быть теперь, когда мы однимъ только дышемъ удовольствіемъ, теперь изходятъ въ ночномъ безмолвіи и коль многія человѣческой бѣдности изображенія прогоняютъ теперь отъ очей дреманіе! Теперь можетъ быть, въ убожество поверженная добродѣтель, которая отъ жестокаго во градѣ избѣгая презрѣнія, погребла себя за лѣсами въ хижину, теперь

перь вмѣсто наслажденія вечернихъ пріятностей, страждетъ отъ чувствуемаго недостатка! Коль многіе поселяне, отъ трудовъ и отъ глада изсохшіе члены повергнувъ на солому, считаютъ, можетъ быть, печальные часы до самаго утра, когда меленькіе дѣти, которыхъ отецъ со всемъ своимъ трудолюбіемъ пропитать не можетъ, у него изъ рукъ будутъ требовать хлѣба, которымъ отецъ для работы себя подкрѣпить хочетъ. Но пусть завѣса сокроетъ сіе печальное зрѣлище. Между тѣмъ сельское спокойствіе и удовольствіе должно быть для насъ драгоцѣннѣе, когда мы при немъ напоминаемъ о участи нашихъ несчастливыхъ братій; и благородное сердца упражненіе есть сіе, когда оно истаеваетъ въ нѣжномъ уныніи и въ признательности къ благодѣтелю дней нашихъ.

Сельская тишина удовольствіе жизни нашей учиняетъ еще пріятнѣйшимъ; пусть мы только все разсмотримъ, чемъ составляется счастіе лѣтнихъ дней; каждая человѣческой жизьни пріятная часть заслуживаетъ нашу внимательность. Когдабъ спокойствіе оставило поля сіи, въ

какой пустотѣ, въ какомъ уединеніи остались бы лѣтніе наши домы! Поля, гдѣ теперь жатва зыблется какъ будто волнами, можетъ быть, не воздѣланныя покрылись бы гніющими трупами; долины, гдѣ теперь веселыя дѣвицы съ голосомъ перепела воспѣваютъ, гдѣ радостное нашихъ агнцовъ раздается блеяніе, можетъ быть раздавались бы отъ крику раненыхъ, и отъ стону умирающихъ. Не была бы въ безопасности овца на своей паствѣ, и поселянинъ въ своей хижинѣ; по неволѣ водили бы его облекши во оружіе; рука его, миролюбивую косу носить пріобыкшая, угрожала бы омоченнымъ кровію мечемъ; отъ слабосильной его жены послѣдняго съ плугомъ вола похитили бы, съ печальнымъ ревомъ на оставленныя бразды озирающагося; поля приняли бы на себя неплодовитость и безмолвіе. Но теперь продолжительное безмятежіе, поля и лѣтніе дни наши учиняетъ счастливыми; о! естьли бы желѣзо, данное намъ природою, чтобъ имъ землю разверзать. и на ней сѣмена нашего пропитанія разсѣвать, никогда болѣе съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы братъ свирѣпствовалъ имъ на своего брата, не было пріуготовляемо;

о естьлибъ поселянинъ изъ плуга и изъ полей никогда не изводилъ воловъ своихъ!

Condidit quisque diem collibus in suis
Et vitem viduas ducit ad arbores
Hinc ad vina redit laetus

Hor.

Такъ, сколь въ деревнѣ драгоцѣнно при нашихъ веселостяхъ безмятежіе, столькожъ для насъ пріятно, удовольствіе природы раздѣлять съ благородными друзьями, и упражнять сердце въ нѣжныхъ чувствованіяхъ. Пусть не утратимъ мы сихъ минутъ ночнаго безмолвія; возобновимъ союзъ дружества нашего, и всѣ звѣзды призовемъ въ свидѣтели. Ни что не должно насъ разрывать въ взаимныхъ расположеніяхъ; пусть мы никогда не престанемъ искать удовольствія въ сельской жизни; и изъ сего обогащать духъ правилами мудрости. Сколь ни велико во всѣхъ обстоятельствахъ благополучіе сельской жизни, при нашемъ однако въ селахъ пребываніи, оно, кажется, еще болѣе пріобрѣтаетъ собственныхъ своихъ преимуществъ; никогда не бываетъ дружество почтеннѣе, какъ только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ

со-

сообщась разсматривать красоту природы, и въ ней удивляться невидимому Создателю. Тутъ пріятная веселость духа и чувствованіе дружества возбуждаются между собою взаимно; и никогда духъ въ испытаніяхъ не бываетъ столько дѣятельнымъ, какъ въ то время, когда онъ товариществомъ друга ободряемъ, и своими разсужденіями подкрѣпляемъ, отъ собственныхъ оживотворяется чувствованій. И тогда, какъ мы среди различныхъ о природѣ размышленій, тронуты ея благодѣтельными намѣреніями, чувствованіемъ благодарности между собою восхищаемся, тогда въ семъ упражненіи вкушаемъ такое удовольствіе, которое насъ еще болѣе соединяетъ; тогда дружество начнетъ возвышаться до нѣкотораго рода божественнаго достоинства.

Сіи выгоды дружества остаются и послѣ продолженія дней нашихъ. Тамъ, другъ мой, среди множества звѣздъ, тамъ блаженные странствуютъ духи, отъ начала міра дѣламъ Всемогущаго удивляющіеся: съ ними вмѣстѣ путешествуютъ души на семъ шару первыя знанія получившія, а теперь новымъ чудесамъ на-

научающіяся. Сіи превосходныя способности человѣческаго духа, сія ненасытимая къ справедливости любовь, сіе сильное желаніе отъ свѣта простираться къ свѣту, и познавать существо всѣхъ существъ, сіе все насъ увѣряетъ, что мы и въ тѣхъ странахъ сіи размышленія, къ которымъ мы здѣсь привыкаемъ, продолжать будемъ. Я умалчиваю многія доказательства, на которыхъ надежда сія основывается, но одно намъ извѣстное и нами часто разсматриваемое здѣсь представляю. Ужели оному множеству сіяющихъ звѣздъ, которыя съ ненарушимымъ порядкомъ и великолѣпіемъ обращаются въ своей окружности, удивляться должны только тѣ существа, которымъ опять надобно возвратиться въ свое ничтожество? Ужели земля сія, толико безконечнымъ добромъ, толь многими пріятностями наполненная должна быть жилищемъ только тѣхъ твореній, которыя вѣчно погибнуть должны? Ужели Отецъ природы, оказывая столь нѣжное о удовольствіи нашихъ чувствъ попеченіе, не печется о вѣчномъ удовольствіи душъ нашихъ? Долженъ ли тотъ, которой весною и лѣтомъ съ толикою къ намъ взираетъ любовію, насъ на вѣки отвергнуть,

въ то время, когда мы по сладкомъ предчувствованiи его благости къ толико живѣйшей къ нему благодарности и любви прiучили сердце свое? Нѣтъ, другъ мой, мы и тогда, какъ по нѣсколькихъ надъ нашею могилою пролитыхъ слезахъ имя наше свѣтъ забудетъ, и тогда будемъ простирать возвышенныя силы духа въ небесномъ обществѣ, тогда еще съ большимъ глубокомыслiемъ и удовольствiемъ будемъ вникать въ дѣла вѣчной мудрости, которую мы въ сельской жизни познавать научались. Можетъ быть, вспомнимъ мы еще тогда съ веселымъ духомъ о разговорахъ, теперь нами продолжаемыхъ, и о тѣхъ благополучныхъ дняхъ, когда мы веселясь среди прелестей прекрасной природы, и дружества, начинали ими нашъ духъ прiучать къ благороднымъ знанiямъ и чувствованiямъ. О другъ мой, какое зрѣлище! Какимъ сердце восхищается при семъ воображенiи радостнымъ упованiемъ, и коль тверды сiи его намѣренiя, чтобъ прiятностями сельской жизни дотолѣ съ тобою наслаждаться, доколѣ благость небесъ позволитъ! Приди, другъ мой! наши мысли еще болѣе въ безмолвномъ снѣ плѣнятся сими изображенiями. Приди теперь къ

спокойствію; полуночные часы уже протекли, и звѣзды блистаютъ съ большею ясностію.

Насладимся, друзья, пріятностію прекраснаго сего лѣта; время, какъ легкобѣгущая волна упадающій листочикъ, ее съ собою уноситъ; и по невѣрной будущаго времяни неизвѣстности никто насъ не обнадежитъ, сколь многія случатся еще весеннія времена при нашей жизни.

Dum licet, in rebus iucundis vive beatus,
Vive memor, quam ſis aevi brevis!

Сіе часто бывало ободреніемъ товарищамъ участвующимъ въ моихъ сельскихъ увеселеніяхъ; самая скорость, съ которою сіи увеселенія протекаютъ, побуждала насъ ловить ихъ съ совершенною жадностію прежде, нежели бы мы сожалѣть могли о ихъ потерѣ.

Съ какою тайною упрекали бы мы себя досадою, когдабъ множество пріятныхъ красотъ прелестною природою представляемыхъ безъ всякаго чувствованія

мы

мы увядать оставляли, худо ими пользовавшись. Утомленная произвожденіемЪ толь многихЪ пріятностей и выгодЪ земля, опять пріуготовляется кЪ отдохновенію. Уже воздухЪ не имѣетЪ своей теплоты, и бальзамомЪ исполненнаго благовонія; ясность его превратилась вЪ туманы и дождевыя облака; ласточекЪ не видно, и пѣніе птицЪ замолкло; сады показываютЪ только пожелтѣлую траву, скучные остатки опадшихЪ цвѣтовЪ, и лишенныя плодовЪ своихЪ деревья; на грядахЪ лилей, гдѣ прежде рѣзвились мятелочки и Зефиры, садятся одни враны пищи себѣ ищущіе; лишены своихЪ сокровищЪ, поля лежатЪ пусты; увяла зеленость холмовЪ, и густой воздухЪ помрачаетЪ чело горЪ; уныло возвышаетЪ лѣсЪ пожелклую свою вершину, и роняетЪ листвіе на землю, толь часто громогласнаго соловья сокрывавшее, и вЪ полдень насЪ прохлаждавшее. Коль трогателенЪ видЪ сей обнаженной природы! КакЪ не примѣтно растаеваетЪ чувствительное сердце вЪ безмолвномЪ унынiи, когда во всѣхЪ мѣстахЪ, гдѣ тысячи красотЪ насЪ прельщали, видимЪ ихЪ упадающихЪ, увядающихЪ и гніющихЪ, видимЪ простирающуюся пустую неплодо-

довитость! Одно воображеніе возбуждаетъ другое, и въ примѣчаемыхъ перемѣнахъ природы мы видимъ себя самихъ, и то, чего себѣ ожидать должны. Какъ увядаютъ пріятности земныя, такъ увянутъ и силы тѣлесныя; какъ прелестныя красоты погружаются въ пыли, такъ и мы лишимся богатствъ и достоинствъ, такъ и оставшійся послѣ насъ прахъ, съ памятію имяни, а иногда и дѣлъ нашихъ развѣется, и потомство заступитъ мѣста наши, не зная кто ими владѣлъ. Какихъ бы съ большимъ хотѣніемъ пожелали мы благъ, какъ не тѣхъ, которыя избѣгая отъ опустошенія времяни, съ безсмертіемъ нашего духа продолжаются?

Краткую продолжительность благъ сего свѣта вознаграждаетъ доброе ихъ употребленіе; мудрое сердце на ихъ скоротечность спокойными смотритъ взорами. Когда самая жизнь наша, толь Божественными украшенная преимуществами ничего не имѣетъ продолжительнаго; такъ для чего сѣтовать о потерѣ вещей, въ прибавокъ только намъ данныхъ? Для чего печалиться

о уничтоженіи красотъ, наши чувства усеселяющихъ, когда самой свѣтъ очей нашихъ погаснетъ, и самая сила слуха уничтожится? Непостоянство чувственныхъ удовольствій должно насъ научать, чтобъ мы не предавались имъ съ слѣпою довѣрчивостію, и съ неумѣреннымъ пристрастіемъ; они какъ маленькія только забавы, представляются на пути жизни, они убѣгаютъ, какъ мы ими вѣчно владѣть мечтаемъ; мечты проходятъ, и мы видимъ себя обманутыми.

Но не потеряли ли бы мы всего вкуса въ пріятностяхъ года, когда бы установленія природы позволили лѣту занимать мѣсто осени и зимы, и продолжаться навсегда? Кромѣ сего для всѣхъ твореній опаснаго безпорядка, которой бы отъ сихъ перемѣнъ послѣдовалъ; не прерывное лѣта продолженіе красоты свои сдѣлало бы для насъ скучными; мы стали бы ужъ досадовать, а не съ веселостію взирать на прибытіе весны. Когда осень и зима помаленьку отвлекаетъ отъ чувствъ нашихъ предметы лѣтнихъ увеселеній, когда душа изъ уединенныхъ и краткихъ дней

послѣ

послѣ возчувствованныхъ удовольствій почерпаетъ нѣкоторой родъ отдохновенія; тогда она опять предуготовляется къ новому возчувствованію весны; веселости весеннія тѣмъ для нее кажутся совершеннѣйшими, что она нѣсколько времяни ихъ не имѣла. Не оставьте безъ примѣчанія сіе благодѣтельное природы попеченіе о непрерывномъ продолженіи нашего удовольствія; вы найдете его во всѣхъ случаяхъ жизни.

Но ужели сельская жизнь никакихъ болѣе тогда не имѣетъ пріятностей? Ужели наступающая осень не имѣетъ того, что нашу съ сельскимъ домомъ разлуку препровождало еще съ нѣкоторымъ удовольствіемъ? Такъ, лишились луга травы, а поля своей жатвы; но остаются лежащіе противъ солнца отлоги виноградныхъ горъ, сіе зрѣлище плодовитости и удовольствія; и осень для того только, кажется, поздно приводитъ къ спѣлости виноградныя кисти, что бы и послѣдніе дни сельскаго пребыванія имѣли также свою пріятность. Какое собраніе трудящихся, и какія радостныя восклицанія оживотворяютъ кругомъ дальніе

ніе холмы! Изобиліе винограда, множество корзинъ, шутки виноградниковъ, скрыпъ выдавливающихъ тисковъ, пенящіяся бочки наполненныя сладкимъ сокомъ, пѣсни о свободѣ и винѣ, игры и пляски вечернія. Какое увеселительное зрѣлище, какой достойной предметъ для стихотворца и живописца! Цѣлыя деревни собрались на торжество сіе; многочисленныя собранія представляются на прекрасныхъ холмахъ, на которыхъ благодѣтельная осень чистыя рѣки вина, въ желтыхъ еще ягодахъ заключеннаго раздаетъ съ щедростію, не для роскоши но для удовольствія жизни. Но и сіе явленіе продолжается также не долго; завѣса опускается, и зрѣлище сельскихъ веселостей оканчивается.

Мы оставляемъ лѣтніе свои домы, вкругъ которыхъ суровые вѣтры вѣять начинаютъ; вся обширная страна отринула свои увядшія украшенія. Прощай любезное село! Прощайте и вы холмы, долины, ручьи и лѣса, и ты прекрасное жилище! Въ твоихъ нѣдрахъ мы наслаждались избыткомъ сладчайшаго и благороднѣйшаго удовольствія.

Испол-

Исполнены тайной благодарности и нѣкотораго унынія, оставляемъ мы тебя; обращаемъ назадъ взоры свои отъ справедливыхъ чувствованій слезами орошенные. Никогда у насъ суровая зима не изгладитъ картины толь многихъ пріятностей; наше всегда бодрое воображеніе чрезъ густые снѣжные сугробы, простирая веселой видъ, всегда будетъ представлять взорамъ нашимъ зрѣлище незабвенныхъ оныхъ веселостей. Такъ обнажайтесь изъ своихъ желтыхъ листвій, вы лѣса; повергайте хладной остатокъ вашего украшенія, вы поля; и покойтесь до того времяни подъ защищающимъ васъ покровомъ зимы; когда востанете для новыхъ красотъ прелыщать взоры градсвъ, когда и насъ, можетъ быть, опять позовете къ веселостямъ сельской жизни. О! естьли бы я могъ тогда съ таковымъ же отъ заботъ свободнымъ сердцемъ встрѣтить ваши прелести, или, естьли я достигъ уже до вечера дней моихъ, естьли онъ столькожъ не пасмуренъ долженъ быть, какъ мое утро было: благоволи тогда, милостивое небо, не богатство, не достоинство, но сей имѣть только жребій, чтобъ я утомясь

мясь отъ безпокойства дѣлъ, возвратиться могъ подъ сельскія сѣни, тамъ почерпать послѣднее удовольствіе мудрости, и предъ нѣкоторыми праводушными друзьями, моей долинѣ извѣстными, духъ исполненной тайнаго удовольствія возводить къ вышшему, нежели онъ здѣсь чувствовалъ, восторгу, къ веселостямъ той весны, которая никогда не прейдетъ.

КОНЕЦЪ.

мясь отъ ... вра-
титься м... амъ
почерпать ... дро-
сти , и ... уш-
ными др... всп-
ными, ду... ольб-
ствія во... кели
онъ здѣс... къ
веселостія ... огда
не прейд...

